

Марк Александрович
Романов

**Астарта.
Корабль
чокнутых
трупов**

Марк Александрович Романов

Астарта. Корабль чокнутых трупов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9367981

ISBN 978-5-4474-0718-6

Аннотация

На Земле XXVII век. Триста с небольшим лет нет перенаселения, голода, болезней и войн. Ну, почти нет. Но, кажется, нет и стремления к звездам. Ведь земляне их уже достигли. Но ещё встречаются те кто слышит одуряющий Зов Бездны и готов подставить ладони под её сердце.

Все те, кто еще способен по-настоящему идти вперед, уже ушли. Они – здесь, среди звезд. В астероидных шахтах, на пути к новым системам и в рубках звездолетов. Они – это мы, жители Внешних Пространств. Они – это и я тоже...

Содержание

Эпиграф. Мальчик играет с осколками стекла	6
Вступление	9
Глава 1	13
Глава 2	24
Глава 3	31
Глава 4	47
Глава 5	54
Глава 6	63
Глава 7	73
Глава 8	86
Глава 9	94
Глава 10	99
Глава 11	109
Глава 12	116
Глава 13	121
Глава 14	130
Глава 15	143
Глава 16	148
Глава 17	160
Глава 18	173
Глава 19	185
Глава 20	197
Глава 21	208

Глава 22

213

Конец ознакомительного фрагмента.

215

**Астарта. Корабль
чокнутых трупов
Марк Александрович
Романов**

© Марк Александрович Романов, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Эпиграф. Мальчик играет с осколками стекол

Мальчик играет с осколками стекол, рассыпающими радужные блики по затертому тысячами ног полу. Все стекла – разного цвета, размера, веса, объема... Некоторые на мгновение растворяются в воздухе, чтобы вернуться обратно изменившимися, другие постоянно меняют форму и цвет, иные – как будто и не существуют вовсе...

Но дело не в осколках.

Те, кто могут заглянуть за окоем, стать на грани и рассмеяться в лицо рваному ветру изменений – те поймут, что дело и не в мальчике.

Он всегда играл здесь.

В старой часовне на перекрестке дорог, на пути из Никуда в Ничто. Возле алтаря, посвященного всем богам сразу – и ни одному из них. Если бы кто-нибудь мог сейчас взглянуть в глаза маленького человека... Полно, человека ли? Нет, пожалуй, не стоит глядеть в Бездну.

Он подбросил вверх два кусочка стекла, и заставил зависнуть их в сгустившемся воздухе. Один осколок был темен и обожжен неведомым жадным пламенем, но мерцал из-под закоптившихся граней яркими искорками серебряного света. Другой был позолочен и ярок, разбрасывая по затенен-

ным углам уколы солнечных зайчиков... но внутри бликов таились синеватые тени, раскрывавшиеся всплесками темноты.

Висящие рядом стеклянные глобулы подходили друг другу, как две части одного целого – единство противоположностей, переход из тьмы к свету... И общая судьба. Одна на двоих.

В воздух взвились еще два кристалла – округлый, но покрытый тонкими иголочками, цвета бутылочного стекла, перебитый золотыми и багровыми прожилками, и бирюзовый, угловатый, с потертыми гранями в серебряных кляксах... Они вращались вокруг одного центра масс, словно система двойной звезды, и выбрасывали в стороны протуберанцы тусклых искр, гасивших свет и тьму, упорядочивая их.

Мальчик зачем-то потрогал их рукой, укололся об иголки зеленого стекла, и сунул палец в рот, зализывая ранку.

Возле замерших камней появились еще три. Темный осколок, посверкивающий антрацитовыми гранями и редкими кроваво-красными вкраплениями по всей поверхности. Свинцовый шарик, закованный в серебро и сталь, с гравировкой по граням. И прозрачный невесомый кусочек переливающейся всеми цветами пустоты, которая совсем не пуста...

Три группы таких разных сущностей... Объединенные некоей общностью, идеей, и целью. Не сливаясь воедино, но выполняя задачу совместно, разделяя ответственность,

боль и радость. Мир вокруг них меняется, становясь немно-
го другим – лучше, или хуже, уже не важно.

В часовне на перекрестке, между времен и миров, маль-
чик играет с осколками стекол. Он строит мир из миров.

Вступление

Запись из личного дневника капитана.

2 июня 2658 года, верфи Ганимеда, орбита 234-а.

Солнечная система, Протекторат Земли.

Здравствуй, дорогой дневник! Или как там принято обращаться к бездушной кристаллогелевой побрякушке, которая должна «сохранять ваши воспоминания для грядущих поколений»? Черт бы подрал эти рекламные проспекты...

Меня зовут **вычеркнуто цензурой СГБ**, и я – капитан, первый пилот и начальник абордажной партии славной лохани «**вычеркнуто цензурой СГБ**», храни ее Бездна Космоса от нештатных ситуаций (*Примечание. Персонализация и почитание неодушевленных сил Вселенной в форме «Бездны Космоса» характерно для представителей опасных профессий, связанных с космосом. В качестве неофициальной религии выделилось около 300 лет назад, и получило широкое распространение во Внешнем Пространстве. В настоящее время насчитывается более 2500 официально зарегистрированных церквей и часовен, в том числе – и в темпоральных анклавах. Общее количество верующих учету не поддается. – Выдержка из Галактической Энциклопедии, 2650 г.)*

Хрен знает, зачем я это говорю.

Мне 58 лет, из которых примерно тридцать разглашению

не подлежат, а остальные практически не интересны никому, кроме секты безумных биографов с Алгола-6 и Службы Галактической Безопасности, но последним интересно все, всегда и обо всех. Родился-учился-**вычеркнуто цензурой СГБ**-стал капитаном. Все. Точка. Вся история жизни, как на ладони.

Родился я на Земле, в 2600-м году, в семье **вычеркнуто цензурой СГБ**. Никогда не думал, что меня занесет в Бездну, и я намотаю десятки тысяч световых и несколько миллиардов стандартолет в гиперпространстве и временных прыжках. Разве мог об этом помыслить тот наивный молодой человек, только что закончивший престижный колледж на юге **вычеркнуто цензурой СГБ** по специальности **вычеркнуто цензурой СГБ**? Разумеется, нет.

Земля сейчас спокойна и исполнена пасторальных тонов до тошноты, и жизнь среднего хомо на ней течет размеренно и предсказуемо. Вот уже триста с небольшим лет нет перенаселения, голода, болезней и войн. Ну, почти нет. Но, кажется, нет и стремления к звездам. Ведь мы их уже достигли! Ха, из своих уст, сейчас и здесь, я еще могу стерпеть эти слова – ведь я держал в ладонях само сердце Бездны, и слышал ее одуряющий зов... Но если такое мне скажет сытый и возвышенный землянин, видевший звезды только в сериале «Девять с половиной галактик», и то – в перерыве между прелестями главой героини, я, не раздумывая ни секунды, дам ему в грызло. И пустота с ним, со штрафом и пониже-

нием соцстатуса!

Все те, кто еще способен по-настоящему идти вперед, уже ушли. Они – здесь, среди звезд. В астероидных шахтах, в темпоральных анклавах, на пути к новым системам и в рубках звездолетов. Они – это мы, жители Внешних Пространств. Они – это и я тоже...

Спустя 30 минут

Да уж... Мне бы воззвания для предвыборной кампании Его Величества Мбанга-Лумумба Тридцатого писать. Озолотился бы. Или, что более вероятно, потерял бы сначала конечности, по кусочкам, а потом и жизнь, учитывая дикие нравы народов Трансафрики. Хотя, что с них взять, дикари-с. Плюс звездочка у них не очень удачная, с солидной долей Z-излучения в спектре. Вот и буйствуют, ироды черно **вычеркнуто цензурой СГБ**...

Сейчас мы стоим в сухом доке Ганимеда, где нам должны откалибровать контуры гипердвигателей и провести общий ремонт систем корабля. Старушка поистрепалась в последних рейдах, признаться. Но деньги есть, и есть фрахт. Команды нет. Ваш покорный слуга-капитан, старший боцман Джек Кацман, и андроид-биоборгер категории «Омега», ВРИО старпома – вот и все... Самое паскудное, что на Ганимеде я никого не найду. Место не то – верфи, доки и склады, забитые всякой дрянью. Сюда прилетают либо за новым кораблем, уже имея полнокровную команду, либо – ремонтируются и убираются прочь с тем экипажем, что есть. Без

вариантов.

Да и люди здесь, честно говоря, не очень. Атмосфера, что ли, плохо влияет? Или испорченное стухшими сухпакетами со складов Госрезерва пищеварение так сказывается? Не знаю, но на лицах у них такое выражение, как будто они страдают – поголовно! – запором.

Глава 1

Рик Морган. Встреча с агентом Смитом

*Я ждал это время, и вот это время пришло,
Те, кто молчал, перестали молчать.
Те, кому нечего ждать, садятся в седло
Их не догнать, уже не догнать.
Тем, кто ложится спать —
Спокойного сна
Спокойная ночь.*

Виктор Цой – Спокойная ночь

– Прошу прощения, капитан... – бармен был безукоризненно вежлив, бледен... и он был человеком.

– Да?.. – Ричард поднял взгляд от бокала с отличным виски, в котором медленно-медленно, в такт тягучим мыслям, растворялись кубики льда, – Что-то не так?

Бармен замялся. Потом вздохнул, и тихо произнес, кося в темный угол:

– Вас просили подойти к угловому столику... Некий господин. Он передал визитку и вот это.

На стойку легла пластокарта стандартной деловой визитки, с одинокой голограммой хищной птицы в углу. Рядом с визиткой тихо лязгнула о стекло столешницы старая потер-

тая монета.

«Двадцать один цент, – Рик прекрасно помнил, что означала несуществующая монета. – Началось...»

Он залпом допил виски, и, сделав бармену жест «повторить», направился к столику. В полумраке, искусно созданном осветителями и декораторами, оформившими заведение, можно было различить только силуэт неведомого капитану собеседника – темное пятно на темном фоне. Но это было и не нужно. Птица и «очко». Старший координатор разведки сектора. Расконсервация «спящего агента».

«Кажется мне, что будет интересно. Неприбыльно, с возможными потерями, и перспективой похорон за казенный счет... Ну, или кремацией, это как повезет...» – Ричард не тешил себя излишними надеждами, и прекрасно знал всю эту кухню.

Капитан сел на неожиданно удобный стул, выложил на стол визитку, монетку и медный цилиндр, незаметно снятый с застёжки куртки.

Обычно на этом ритуал заканчивался, и все его участники расползались в стороны, соблюдая конспирацию... Но не сегодня.

– Слепень передавал привет. Прайд ждет льва назад, – донесся из тени свистящий шепот. – Когти наточил?

Судя по присвистыванию, перед Риком был старший агент Смит.

– Послушай, Джон... Может, хоть раз обойдемся без всей

этой галиматьи? Я чувствую себя ребенком, играющим в разведчиков и шпионов, – Ричард улыбнулся. – Причем, такое чувство, что я играю за шпионов.

– Кхе-кхе... – Смит закашлялся, и поправил съехавшие темные окуляры. – Ты охренел?

– Нет. Мне надоело. Всякий раз мы обмениваемся никому не нужными избитыми фразами, кодами, которые известны, кажется, каждому встречному... И мегабайтами бесполезных отчетов, циркуляров и приказов. Скажи, пожалуйста, вот ты сам читаешь еженедельные обновления базы данных? О чем там говорится? Как правильно заполнять форму заявки на получение бесплатной терапевтической дозы генномодифицированной марихуаны на Альфаре?

Агент Смит приподнял ладонь над столом, и резко опустил ее вниз. С глухим звоном на металлической столешнице образовалась вмятина.

– Ричард, мать твою! В следующий раз между моей рукой и столом окажется твоя голова... И не факт, что твои кости окажутся достаточно прочны, – Джон тихо, с сипением выдохнул. – Мне тоже настохренела вся эта чехарда, но надо же соблюдать приличия и правила. Сам понимаешь, не в цирке работаем...

– Ну, это смотря кто... – протянул Рик задумчиво, – Моя летучая лайба очень напоминает помесь цирка и борделя во время пожара, только вместо девочек – банда психованных инвалидов.

– Короче, львенок. Тебя отзывают в штаб-квартиру. На переподготовку... – Смит говорил коротко и очень веско, сопровождая каждую фразу легким ударом своего протеза по многострадальному столу. – И у меня есть четкая инструкция привезти тебя туда. Можно одним куском. Можно несколькими...

– Джон, я не могу. – Рик протестующе поднял руки перед лицом, – просто не могу. Сейчас у меня в открытой фазе операция «Гнездо Ангела», и куратор об этом знает.

– Да мне срать на куратора! – Смит приподнялся в кресле, – у меня приказ.

– У меня тоже.

Цилиндрик, снятый Ричардом с застёжки ранее, и долженствующий быть носителем информации, таковым не являлся. Шаловливые ручки Кацмана основательно над ним поработали, и как раз сейчас пришло его время. Цилиндр коротко пискнул, и освещение в баре погасло. Вместе с освещением отключилась вся электроника в радиусе полукилометра... Мощнейшая ЭМИ-бомба, втиснутая в такой маленький объем, по праву могла считаться произведением искусства.

К сожалению, агент Смит был киборгизирован на две трети, и отключился после срабатывания устройства. Собственно, как и предполагалось...

Ричард, улыбаясь под аккомпанемент мата бармена и звуков бьющейся посуды на кухне, вложил в нагрудный карман сюртука киборга настоящий отчет, дополненный описанием

происходящего и заявлением об увольнении некоего Р. Морган из рядов СГБ. Одновременно искин должен был сбросить на почтовый ящик копию отчета и записи камер наблюдения бара.

«Надеюсь, жестянка не залипла на очередном порнушном журнале для механофилов, и выполнила свою роль», – подумал Рик, пробираясь в полутьме к выходу. Одновременно он отключил точным ударом в висок шебаршащего за стойкой бармена, уколов его экспериментальной сывороткой Травкина, которая, теоретически, вызывала стойкую ретроградную амнезию на шесть часов.

– «А всем, кто ложится спать – спокойного сна...» – тихонько напел Рик строчку из древней песни.

Полковник Романов даже не стал спрашивать, что произошло. Он вошел в зал через черный ход, оказавшись как раз за спиной Ричарда Морган, когда тот, пожелав всем спокойной ночи, легко и не напрягаясь, выскользнул в темноту удрушливого лета субтропического климата планеты, оставив своего бывшего начальника и куратора счищать пепел с костюма.

Переделанная медная капсула для отчетов оставила на груди связного приличный выжженный след, всем своим видом напоминающий и душевное состояние брошенного начальника.

– Ну не козел ли? – негодуяще спросил тот, когда Романов осторожно присел напротив. – Такой костюм испортил,

сука капитанская! Лучше бы ты его еще в десантном корпусе урыл, жопу кошачью.

– Львиную Задницу, – изо всех сил стараясь не улыбаться при взгляде на лицо куратора, поправил его Романов. – Мы должны признать, мальчик вырос.

– Да лучше бы он не выросал, – буркнул Джон Смит. – Чего делать-то будем?

– Ну, я бы советовал тебе переодеться, – критически осмотрел собеседника полковник, – для начала. А потом... потом у нас же есть план «Б», который как раз пора приводить в действие. Раз уж тебе отказали в такой... кхм... пылкой форме.

Джон покраснел, как перегретая турбина, засопел и процедил сквозь зубы:

– Зачем ты вообще пытался с ним договориться? Чего хотел? Это же натуральный отморозок, а не человек. Если там и были какие-то мозги, то он их в карты проиграл давным-давно.

– Я бы не был так категоричен, – медленно покачал головой Романов, рассматривая немного помятый столик и проводя по нему пальцем. – Мозгов там как раз столько, сколько нам и надо. А вот что до отсутствия разума или чувств, это уже, извини, дело личное. Может, Моргана в детстве мама не любила?

– Да срал я, кто его не любил, меня еще никто так не унижал! – взорвался подчиненный полковника. – И эта идиот-

ская маскировка, как в фильмах о шпионах прошлого... Он сказал, что, мол, она его достала. А меня-то, конечно, нет. Я прямо-таки счастлив был столько времени ходить и изображать из себя латентного гея с манией преследования! Она его достала, надо же!

– Ну-ну, – успокаивающе похлопал ладонью по столу полковник, – мы все были не в восторге от такой затеи. Но что делать, надо же было как-то проверить предел терпимости Моргана, когда он не связан прямым приказом командира, как в десанте.

– А что, там предел был другим? – мрачно осведомился Смит, махнув официанту. Вышколенный служитель заведения, стараясь не обращать внимания на подпалины на костюме посетителя и помятую столешницу, ловким движением поставил перед ним два стакана с напитками. Романов даже не сделал вид, что собирается пробовать свой коктейль, а вот его собеседник, стремясь унять бешенство, залпом опрокинул свой и пододвинул стакан начальника.

– Другой, – задумчиво кивнул полковник, наблюдая за тем, как нервы сдаются под напором дозы алкоголя.

«Странные люди, – не в тему подумал он, – большинство рас человечества давно уже смешались и мутировали так, что не найти ни корней, ни веточек, а вот из всего многообразия полезных генов от русских досталось лишь умение пить и все лечить рюмками, считая горе или радость их количеством, а не качеством. Впрочем, я и сам потомственный

русский, мне это тоже не чуждо».

– Ричард Морган легко и не напрягаясь выведет из строя с десятков противников в любых условиях сложности, но исключительно по приказу. Вернее, он будет их по приказу убивать, а вот без приказа станет именно что выводить из строя, ограничивая подвижность и дееспособность в плане вызова подкрепления. Убивать капитан Морган не любит, но, безусловно, умеет. А вот предел его личных приказов самому себе зашкаливает до безумия.

– Куда уж больше, – иронично хмыкнул Смит. Он немного успокоился, пришел в себя и даже перестал фыркать, как выброшенный на берег кит.

«Да уж, – кисло подумал он, – вряд ли бы эта кошачья жопа была в восторге, увидев меня в таком состоянии. Он-то привык к играм в шпионов, холоду и непроницаемости, а тут доведенный до ручки куратор, готовый засунуть все эти игры своему подопечному по самые дюзы».

Мысли отразились на лице связного, что его собеседник воспринял, как попытку представить степень предела Ричарда Моргана, если тот сам себе ставил ограничения или давал слово.

– В ходе наблюдений за карьерой капитана Моргана, – тихо заговорил Романов, откинувшись на спинку стула, – мы достаточно узнали о нем, чтобы никогда не делать преждевременных выводов о его способностях и возможностях. На заре его карьеры хронокурьером Ричард Морган попал

в весьма щекотливую историю с контрабандой редких видов земных животных, умудрившихся не просто передохнуть во время перевозки, а еще и отравить систему жизнеобеспечения корабля. Как оказалось, заказчик знал о такой неприятной возможности, но предупредить капитана Моргана не посчитал нужным. В результате его боцман едва не лишился мозгов, а вся команда, за исключением Дока Травкина, просто сбежала на первой же попавшейся стоянке. Когда Морган вежливо поинтересовался у заказчика, не хочет ли он заплатить по двойному тарифу, включая лечение боцмана, тот послал его на три невеселых буквы. Морган не ответил, но уже через час вместе со своим боцманом вскрыл укрытие заказчика, выволок того наружу и, сунув тому в задницу плазменник, нажал на спуск.

Романов замолчал, изучая реакцию собеседника. Тот, похоже, находился в легком шоке.

– Ты хочешь мне сказать, что мне еще повезло? Что этот сопляк мог мне и не хлопушку кустарную в карман сунуть, а ствол в задницу? – с нажимом спросил он.

– Я всего лишь хочу сказать, – холодно ответил полковник, – что ты легко отделался.

Романов резко встал и, не прощаясь, покинул заведение. «Посмотрим, как ты выкрутишься, – подумал Смит, – если я правильно понял, этот капитан терпит до последнего, а потом просто терпилка у него ломается. И хорошо, если не о голову испытателя».

Вслух он, конечно же, ничего не сказал. Допив оставленный полковником коктейль, он достал наличные единицы, отсчитал за выпивку и ущерб, и оставил оплату на барной стойке, проходя к выходу.

Он, в отличие от капитана Ричарда Р. Моргана запомнил этот день именно таким, каким он и был. А вот скромный план «Б» полковника Романова в ближайшую же ночь вложит в память капитана совсем другие воспоминания. Основанные на правде – тут уж Романов был уверен – но, тем ни менее, начисто вырезавшие из мозга капитана реальную действительность. Возможно, как предполагал полковник, Ричард Морган вспомнит этот вечер через много лет, а возможно, не вспомнит никогда.

Но, скорее всего, зная подход Романова, агент-надсмотрщик на борту корабля бывшего десантника все же постарается немного приукрасить микс из реальности и заблуждений, щедро приправив его действиями команды на момент воспоминаний. Вложит несуществующие события, изменит мотивы пребывания в баре самого капитана и сделает блестящий выход из ситуации, который, как будет думать капитан, навсегда избавит его и от СГБ, и от надзора Романова, и от инструкций Шпеера, и даже от прошлого.

«Надо будет немного скорректировать салатик памяти капитана, – размышлял в это время Романов, – запустим в них, к примеру, нечто религиозное. Операцию „Гнездо Ангела“ или „Трон Кардинала“. Когда-то я неплохо сочинял прозу,

а на этой бестолковой работе совсем забросил...»

Через некоторое время, когда капитан Морган увидел во сне прошлое, он считал, что действительно отключал киборгизированного связного Джона, а не сунул ему в карман отчет в виде самопальной бомбы, испортившей дорогой костюм щеголя из СГБ. А вот наличие в его жизни, или даже близко к ней, полковника Романова капитан не вспомнил.

И только совершенная невозможность участия в тех событиях Джека и Гая еще не давали Риду поверить в то, что он сошел с ума, перепутав все события в голове. И если рукастый боцман действительно занимался на досуге переделкой полезных вещиц под боевые единицы, то Гавриила Самуиловича к тому моменту на борту корабля не было физически.

Глава 2

Не получилось

*If you've been bad, o Lord, I bet you have
And you've not been hit by the flying lead
You'd better close your eyes and bow your head
And wait for the ricochet.*
Deep Purple – «Child in time»

– Не получилось? – с издевательской ноткой в голосе спросил хромой старик, присаживаясь на ажурную лавочку в маленьком парке. – Другой план есть, или будем действовать по моему расписанию?

Марк едва заметно улыбнулся, покачав головой. Он казался совершенно расслабленным и умиротворенным после несостоявшегося разговора с Ричардом Морганом, и сидящий рядом косматый старик, которого Романов знал под именем Олеш Граут, никак не мог прочесть настоящие эмоции по лицу полковника. Главу СГБ это бессилие безумно раздражало, а вот полковника, напротив, заметно веселило.

«Крыса сухопарая, не выходит у тебя каменный цветок? – мстительно подумал Романов. – По твоему расписанию, ага, не дожدهшься».

– Да, уговорить Моргана не вышло, хотя я и не пытался, если честно. Но и твое расписание, как ты выражаешься, нам

не подходит. В одном ты прав, другой план у меня имеется. Кстати, а вот и он.

Полковник кивнул подошедшей невысокой девушке в строгом черном костюме деловой леди, офис которой наверняка должен был располагаться где-то в центре города. Тонкая ткань светлой блузки из простого, но такого редкого на других планетах, шелка выгодно подчеркивала достоинства женской фигуры. Прямые черные брюки и удобные туфли давали понять, что вместо долгих разговоров эта девушка предпочитает переходить сразу к делу.

– Знакомьтесь, – учтиво поклонился Романов девушке, – Анна Штафф, майор отдела по работе с особыми ситуациями при ХаСОМ.

Старик взглянул в лицо Анны, ехидно усмехнувшись. Коротко стриженные черные волосы, большие синие глаза с фиолетовой каемочкой на радужке, немного удлиненные к вискам. Кожа лица бледная, губы тонкие, сжаты в ниточку, нос прямой, скулы высокие.

– Ничего особенного, – вынес вердикт Олеш, – Это должно впечатлить капитана настолько, чтобы он согласился работать с нами? – скептически добавил он.

– Это моя ученица, Олеш. Да, это Олеш Граут, глава СГБ Протектората.

– Это должно впечатлить меня настолько, чтобы я прониклась доверием? – приподняла одну бровь Штафф.

Старик улыбнулся.

– Может, ты и прав, Марк, – задумчиво протянул он, всматриваясь в Анну цепким профессиональным взглядом старого разведчика. – Может ты и прав...

– Какие будут распоряжения, полковник? Вам не удалось договориться с капитаном Морганом?

– Не удалось, – подтвердил Романов. – Решил оставить его тебе, – он улыбнулся одними уголками губ.

– Надо было еще тогда его оставить, – сказала Штафф, присев рядом с полковником и закуривая длинную тонкую сигарету. – Если бы не его команда в тот раз... он бы мне все рассказал.

Глава разведки знал старую историю о том, как некоторое время назад Романов уже пытался привлечь на свою сторону Ричарда Р. Моргана, но тот сумел уйти от столь навязчивого предложения с помощью своей старой команды корабля, сумевшей достать его даже из схронов ХаСОМ. В тот раз, как помнил Олеш, некий майор почти сумел «уговорить» Моргана поделиться с ХаСОМ, да и с полковником, секретами своих внезапно появившихся возможностей. Романов был куратором перспективных курсантов еще на заре своей карьеры. В те далекие времена полковник был пониже рангом, верил в идеальный мир и высшую расу – человечество.

И вот, по прошествии некоторого времени, один из его подопечных, который показывал неплохие результаты в десантном корпусе, внезапно оказался единственным выжившим из целого бота сгоревших в угольки десантников.

Причем, насколько знал Граут, Рик не просто выжил, но и некоторым образом изменился. Во всяком случае, спонтанные переломы линий вероятности и замедление основного течения времени у Моргана ранее замечены не были. Все бы так и осталось на уровне слухов и домыслов, если бы Романов не нашел скромную сводку дежурного орбитальной базы, оказавшейся ближайшей к точке выброса дрейфующего бота. В сводке дежурный написал о том, что объект появился в зоне определения из самого пространства. Следов тахионного излучения, работы гиперканала или иных дырок в пространстве и времени обнаружено не было. Имелось, правда, указание на сигнал маяка, работавший сразу в нескольких временных линиях, включая и будущее.

Самым интересным было то, что на боте не имелось тайм-привода. К тому же, еще ни один тайм-привод не сумел подавать сигнал С. О. С. в будущее.

С тех пор за рядовым служащим Ричардом Морганом установили негласное наблюдение. И когда Романов понял, что способности капитана удивляют даже самого Моргана, он решил предложить ему сотрудничество. Чужими руками, через подставных лиц, но это дало полковнику осознание одной детали: если Рик не хочет, ничего в пространстве не изменится. И никакие приказы тут не властны.

Тогда он отдал капитана скромного, на тот момент, хронокурьерского судна под «опеку» ХаСОМ, где он и попал в руки майора по деликатным поручениям Анны Штафф.

– С командой капитана вот-вот разберутся, – деловым тоном сказал Романов. – Ты здесь как раз для того, чтобы наверстать упущенное.

– Что от меня требуется? – затушив сигарету, спросила Анна, спокойно взирая на клумбу с разноцветными холодоустойчивыми цветами через дорогу. Радужные лепестки больших соцветий едва видимо качались под теплым ветерком, распространяя вокруг себя сладковато-горький аромат.

– Когда Рик потеряет команду, – сухо начал полковник, – тогда и начнется твоя работа, Анна. Будешь наблюдать и изучать уникальность нашего капитана. С одним маленьким отличием: вместо привычной тебе работы напрямую надо будет просто отправлять отчеты о жизни Моргана.

Майор бросила быстрый взгляд на полковника, но взяла себя в руки.

– Задание одностороннее? Возвращения не предусмотрено? – спокойно спросила она.

Романов ответил не сразу. Он выдержал положенную паузу, которая должна была соответствовать всей тяжести ситуации, когда ты отправляешь на смерть одного из лучших своих учеников.

«Нельзя говорить людям, что у них нет надежды, – всплыли в памяти Романова слова его деда. – Вот помню я, однажды завалило нас снегом, а передатчик сломался, да и выбраться на технике не вышло, последний техник помер. В мое-то время еще не на каждом углу кнопок ваших пона-

тыкали. И вот сидели мы долго, каждый знал, что в любой момент умереть может. Воздух-то не бесконечный, фильтры в бункере не справлялись. Но никто о смерти не говорил. Все только планы строили, что сделают, когда обратно вернутся. Как жену обнимут, как в кабак пойдут, как потом своим детям со смехом рассказывать будут о случившемся. А видишь, как вышло... я да еще трое наших потом могли рассказать. Из двух десятков только мы и остались. Потому и остались, что верили – будет, что и кому говорить после. Кто сдавался, того смертушка и забирала. Да только никому и никогда я, Марк, этого не рассказал. А тебе говорю, чтобы запомнил: нельзя отнимать надежду, даже если она лжива».

– Ты вернешься, Анна, – ровным голосом сказал Романов. – Зачем мне рисковать таким ценным сотрудником?

Олеш Граут хмыкнул, но ничего не сказал. У него, как у бессменного руководителя отдела разведки, всегда имелся свой взгляд на ситуацию, свое мнение и, как минимум, один свой вариант, который Олеш никогда ни с кем не согласовывал, а просто притворял в жизнь. Если дело выгорало, он ставил в известность начальство. Если его ждала неудача, он всегда мог тихо умолчать о попытке играть по своему расписанию.

«Ничего страшного не случится, если я тоже воспользуюсь потерей команды капитана Моргана, – размышлял Граут. – Одним старпомом сыт не будешь», – вспомнил он старую армейскую шутку по поводу каннибализма после ката-

строф.

Глава 3

Акулы Космоса

*Капитан, капитан, улыбнитесь
Ведь улыбка это флаг корабля,
Капитан, капитан, подтянитесь
Только смелым покоряются моря!*
Исаак Дунаевский – Песенка о капитане.

В тот день капитан с самого начала ясно осознавал, что все пошло наперекосяк. Идиотский контракт с огромной неустойкой, по поводу которого интуиция вопила: «Не бери-и-и! Хуже будет...», но на котором настоял Гугнивый Пит, уже три рейса выполнявший обязанности старпома и суперкарго. «Хвост» из истребителей, появившийся за «Астартой» сразу же после расстыковки с орбитальной базой 34—13. Недовольство среди экипажа, который третью неделю не был в увольнении, и очень по этому поводу сокрушался...

Надо было что-то делать.

Например, связать и допросить Пита, который все сильнее не нравился Рику. Хотя его личное дело было вполне стандартным, с небольшим количеством взысканий и умеренными поощрениями от бывших нанимателей, но, вместе с тем, оно явственно попахивало каким-то пиратским кла-

ном. «Акулы Космоса», или «Дети Бездны»? В этом секторе было только два варианта, и ни один из них не способствовал выживанию капитана Моргана... Акулы и их бесноватый главарь Мак-Грегор скармливали своих пленников пираньям и рыбкам боро-боро, под звуки волынки и лютни. У них это звалось «культурным просвещением», астероид им в дюзу...

Дети Бездны были намного гуманнее, предлагая пленникам короткую прогулку из шлюза без скафандра, и прощальный выстрел в затылок из бластерной винтовки. Особо упертым выстрела не доставалось. Но все это капитана не устраивало, а знакомство с парой руководителей «солдат удачи» — не спасало.

Он проверил компьютерный терминал, и принялся набивать команды капитанского кода, программируя искин корабля. Ошибиться было нельзя. «Дети, или Акулы? Акулы или Дети? А, черт возьми, в трюме бултыхается трехсоткилограммовый аквариум с икрой леттийского лосося! Значит, все-таки Акулы...» Только они могли польститься на такой груз. С другой стороны, их ихтиоинженеры вполне могли справиться с выращиванием этих капризных и давно вымерших рыб...

Искин капризничал, и постоянно сбрасывал финальные циклы программы, выводя текстом на голоэкрane: «А помирать нам рановато...», вызывая этим нецензурный шепот капитана. Рик потратил не одну минуту, чтобы урезонить

электронного упрямца, и объяснить – это на самый крайний случай, когда другого выбора уже не будет. После довода «вряд ли тебе понравится возить рабов и грабить корабли, после тотального перепрограммирования и моральной кастрации», искин успокоился, и только изредка поправлял неудачные, на его вкус, места в алгоритме программы.

«И хрен вы у меня отнимете корабль, уроды. Правило „мертвой руки“ и не таких обламывало», – подумал капитан, вводя блок команд подрыва реактора, и завязывая исполнительные цепи на состояние своего организма. – «Скорее всего, нас отбуксируют к астероидной базе Акул, и пришвартуют к внешнему шлюзу. Наш рейдер в их док не войдет, тоннаж не тот. Значит, надо программировать отключение силового поля на борту, обращенном к астероиду – пусть вся энергия от взрыва войдет в их логово... Умирать, конечно, не хочется, но мне и так не жить, а эти звери нуждаются в нежном поцелуе перегретой плазмы, как никто другой».

Наконец, программирование было завершено, и Ричард, весело насвистывая песенку из голосериала «Лев-Император», отправился в ходовую рубку...

Но до нее так и не добрался. Гравелифт застрял между уровнями, и не подавал признаков жизни. Где-то в глубине «Астарты» замаякала и сразу же заткнулась сирена.

«Кажется, началось» – сплюнул на пол капитан. – «Ну, черти полосатые, сейчас вы у меня попрыгаете!» И со всех сил рванул крышку аварийного выхода лифта. В шахтах воз-

духоводов было пыльно, как в заднице робота AV-2300, стоявшего в экспозиции музея Марс-Сити, валялись дохлые насекомые и пустые шкурки колоний наноботов-уборщиков. Рик, подавив желание чихнуть, клятвенно пообещал больше не экономить на закупках клиниговой техники, и пополз по переходам к арсеналу.

Спустя час он уже застегивал последние крепления боевой брони и проверял уровень заряда аккумуляторов оружия. К сожалению, те недоумки, что недавно побывали в арсенале, вынесли все тяжелое вооружение подчистую. Остались парализаторы, шоковые гранаты и силовые лезвия... «Придется попотеть, – подумал Рик. – И чуть-чуть напачкать, хе...»

Капитан не очень любил клинковое оружие – потом приходилось долго отмываться, чистить лезвия, да и вбитая в десант-разведке привычка работать чисто, с минимумом крови тоже давала о себе знать... Но выбирать не приходилось, и, снарядившись, чем Бездна послала, он снова, ругаясь про себя, пополз по вентиляции к стыковочному отсеку номер пять. По его расчетам, именно его должны были использовать сейчас пираты – все остальные шлюзы не держали давление, спасибо доброму искину и хроническому рукожопию главного механика.

Из широко раскрытой перепонки пятого стыковочного открывался дивный вид на вход в астероидную крепость клана Акул. Богато украшенный черепами ископаемых рыб

усиленный шлюз венчала шкура мегалодона, лично убитого Мак-Грегором в глубоком прошлом Земли. Об этом сообщала голографическая надпись, мерцавшая всеми цветами радуги. Больше ничего в пределах досягаемости не наблюдалось... И это было странно. «Хотя бы пару идиотов в качестве охраны могли бы и поставить...»

Как гласят большинство руководств по диверсионно-подрывной деятельности, проникать в укрепленный лагерь противника лучше всего по коммуникациям, канализации, либо по транспортным линиям. Впрочем, о самом главном такие руководства умалчивают... Противник не должен знать, что к нему собираются «зайти в гости». Все остальное – горе от ума, и суета сует.

Рик примерно догадывался, как устроена база – к сожалению, в космосе сама природа ограничивает фантазию архитектора. А уж вгрызаясь в астероид, сильно не разгуляешься: реактор – в центральной части, с шахтами теплоотведения и аварийного сброса главного блока, ведущими наружу, и перекрытыми бронированными крышками, снабженными вышибными зарядами. Рядом с реактором находятся энергонакопители и хранилище активной массы, если реактор конвертерного типа. Недалеко от них располагается главный зал управления, арсенал, хранилище ценностей и прочая лабуда, то есть, прошу прощения, подсобные и хозяйственные помещения. Где-то посередине между реактором и поверхностью астероида закладываются жилые сектора, склады и устрой-

ства жизнеобеспечения. Гидропонные фермы стараются делать ближе к поверхности, если астероид расположен относительно недалеко от местного солнца... Ну, а ангары и установки вооружения непосредственной обороны тоже обычно выносят практически наружу.

Взорвать реактор? Или прокрасться в логово главара, и завалить его? Или, может быть, подорвать «Астарту»? К черту все. Надо пробираться внутрь, и действовать по обстоятельствам... В конце концов, правило «мертвой руки» приведено в действие, и с его, капитана, гибелью – подойдет большинство этих акульих выкормышей!

Потом были долгие минуты в узких туннелях, среди пыли и плесени, несколько полумертвых симбиотических охраняемых систем, которые пришлось взламывать, и примерно с десятка пьяных в дымину пиратов, встретившихся в переходах внизу. Одного из них получилось допросить в укромном отнорке оранжереи, среди развесистой клюквы и конских папоротников. Перед смертью недоносок поведал массу интересного об устройстве базы и о Мак-Грегоре лично. А еще – порадовал известием о том, что пираты сегодня отмечают особо удачный захват, совпавший с днем рождения клана, и, в принципе, недееспособны.

Последнее, впрочем, было не совсем верно, но на исход дела не повлияло.

Рику пришлось завернуть в арсенал базы, где, упокоив караул из трех местных обитателей, одетых в легкие десант-

ные скафандры, он смог отдышаться, поставить автоаптечку на боевой режим и вдумчиво приготовить подарок ко дню рождения Акул Космоса. К последнему дню рождения, как он смел надеяться...

В арсенале нашелся разведывательный минимобиль, на который, помимо стандартной пукалки, прекрасно встали тяжелый плазмомет, десантный широкоугольный лазер и несколько генераторов щита. Реактор получившегося уродца мог выдержать не более трех минут боя, но это капитана вполне устроило – достаточно было и минуты.

...Когда в центральную залу, забитую пиршественными столами и пиратами разной степени укуренности и опьянения, ворвался, рыча двигателем и плюясь плазменными шарами разведмобиль, за рулем которого из стороны в сторону болталась черная туша в зловещем бронированном скафандре, это было НЕОЖИДАННО. «Сюрприз удался на все сто сорок шесть процентов!» – подумал Ричард, плавно нажимая на спуск снайперского комплекса. Поток заостренных вольфрамовых стрел прорезал в мечущихся в дыму и стробоскопических лучах лазера телах настоящую просеку. Пираньи в гигантском бассейне неистовствовали, и подпрыгивали над поверхностью воды, радуясь обилию свежего корма.

Разумеется, куклу за рулем порвали в первую минуту боя, да и машина взорвалась на третьей минуте. Но это было уже не так важно...

Меняя позиции под потолком зала, среди осветительных

пакетов и систем кондиционирования, капитан методично отстреливал вооруженных пиратов, палящих в белый свет, как в копеечку. Он не поспешил на дымовые гранаты, заранее напихав туда галлюциногенов и психотропных смесей, и тихо ржал, представляя, что сейчас видят его противники... И в кого они могут стрелять.

«Дьяволы Бездны, какие идиоты...»

Казалось, бой длится бесконечно, и все его участники уже давно умерли и продолжают сражение в каком-нибудь Аду малораспространенной инопланетной религии. Или уже случился Последний Суд, и Палач приговорил всех пиратов, да и кэпа заодно, к вечной битве во искупление грехов... «Черт, кажется грибной экстракт я зря в эти гранаты записывал...» – подумал капитан, опуская оружие. Дым уже рассеивался, и стало ясно, что выживших не будет.

Среди луж крови и ошметков тел можно было различить уцелевший саркофаг-аквариум с икрой леттийского лосося. Достреливая по пути подающих признаки если не жизни, то не окончательной смерти пиратов, Ричард, скользя по останкам, и матерясь, добрался до саркофага. «Здесь рыбы нет!» – пронеслось у него в голове, когда он увидел, что в «аквариуме» находится совсем не икра. И даже не лососи. Там и рыбы-то не было...

В капсуле, украшенной шифром СГБ, находилось тело молодой девушки. В гибернации, или просто в отключке – это выяснять было некогда, на шум и грохот взрывов долж-

ны были скоро подтянуться оставшиеся пираты... Спрятав в нагрудный контейнер лежавшие рядом с телом кристаллодиски, Рик подхватил девушку на плечо, и аккуратно положил на освободившееся место гравитационную мину. Времени оставалось мало.

Но это не значило, что время играло против них.

Когда рванула мина, большая часть «вольных стрелков космоса» как раз успела добраться до пиршественного зала, ставшего местом грандиозной резни. Потрясая оружием и принося клятвы мщения, они дружно отправились к тем богам, которым молились, превратившись за доли мгновения в кровавую взвесь от мощного гравитационного удара. Кроме обслуживающего персонала, женщин, андроидов и животных на базе оставались в строю менее трех десятков пиратов.

Обо всем этом Рик не знал, но изначально планировал нечто подобное – взбалмошное наитие редко подсказывало ему невыгодные решения. Хуже было другое: герметичность боевого костюма была нарушена, и капитана прилично торкало от тех примесей, что он добавил в дымовые гранаты... Стены коридоров выгибались дугой, из них, скрипя, прорастали отрубленные головы пиратов, динозавров и пираний. Невнятные призрачные фигуры бросались в него серебряными снежками, от которых по телу расходились радужные кольца, что было неприятно и вызывало желание чихнуть. После того, как он разрядил в одного призрака свой верный

бластер, изрыгнувший поток мыльных пузырей, стало легче. Аккуратно пристроив в углу сказочной пещеры, усыпанной драгоценностями – «под большим изумрудом и тремя сапфирами в форме головы слона, надо запомнить» – хрустальную статую маленького леопарда, которую он зачем-то волок с собой, Рик занялся прикладным экзорцизмом. Призраки обрели плоть, и он осознал, что сражается с демонами всех известных и неизвестных религий. Христианские черти там были точно, и китайско-японские... Этих-то не узнать невозможно... Перекрестившись, капитан перехватил поудобнее ставший невесомым бластер, чтобы он не улетел под потолок, и бросился в водоворот искрящихся потоками не выпитого шампанского труб канализации Нью-Нью-Йорка, где он однажды уже ловил мышей-мутантов, пребывая в облике ко-та-киборга...

Когда мыльные пузыри в бластере кончились, пришлось достать бронзовые мечи, и вспарывать ими отвратительные подбрюшья чудовищ. Из развороченных кишок лезла саранча с женскими лицами и железными крыльями, и вылетали нетопыри... Их тоже приходилось отгонять, отвлекаясь от бесогона.

Наконец, демоны, черти, волколаки и упыри закончились. Коридоры пустынного замка озарились ярким желтым светом, и небесной красоты голос произнес: «Это место очищено!»

И капитан с чувством выполненного долга потерял созна-

ние.

...Голова раскалывалась так, как будто на ней плясали са-
рабанду пополам с качучей три полка новомексиканских му-
чачос, опившихся текилы с ромом. В глазах плавал туман,
в ушах звенело, во рту... «Нет, не будем о печальном, господа.
Лучше было попробовать понять, где он и что с ним...»

Первый осмотр позволил выяснить, что Ричард лежал,
привалившись к стене, в одном из шлюзов родной «Астар-
ты». Кажется, в недоброй памяти пятом. Аварийное освеще-
ние и хрюкающие вдалеке сигналы тревоги наводили
на грустные мысли о метеоритной атаке, или нападении пи-
ратов. Однако корабль не содрогался, не было слышно ни
скрежета металла, ни звуков, сопровождающих атаку или
борьбу за живучесть...

Капитан перевел взгляд в другую сторону, и слегка обал-
дел. У другой стены лежало тело красивой девушки с се-
ребряными волосами, упакованное в какую-то рваную окро-
вавленную тряпку с двумя лямками. Почему-то подумалось
о больших драгоценных камнях – изумрудах, сапфирах...

Девушка была без сознания.

«Андроид, – подумал он вяло, – у всех андроидов волосы
серебристые, если их не красить под нужды заказчика».

Капитан попробовал подняться хотя бы на колени, и по-
нял, что, во-первых, на нем боевая броня неизвестного про-
исхождения. И, во-вторых, она в таком состоянии, что про-
ще всего ее выкинуть, чем починить. В-третьих, броня бы-

ла очень горячая, и чувствительно припекала тело. С трудом приняв коленно-локтевую позу, Рик стал сдирать с себя дымящиеся куски обмундирования, матерясь и шипя от боли:

– Нахер, пожалуйста, такие танцы! Какие-то девчонки валяются в шлюзе! Трижды вашу земную ось пополам, какого дятла я делаю здесь, наполовину запеченный поросенок с хреном, в этой долбанной броне и непонятно в чем еще... А, мозги... Кхм. Печеные. Человеческие...

Капитан осознавал тот факт, что он практически не помнит последние часы своей жизни. Тем не менее, он кого-то убивал, и его тоже пытались убить. Непонятно, почему, зачем, и куда здесь нужно прыгать, чтобы поскорее вернуться к нормальной жизни.

Из хрустнувшего нагрудника на пол посыпались остатки инфокристаллов.

А из пахнувшего гарью воздуха соткалась зыбкая тень.

– Изыди, Сатана!!! – проорал капитан, занося руку для крестного знамения, и судорожно вспоминая, слева направо или справа налево крестить нечисть. Одновременно в его памяти забрезжили обрывки странных видений о демоноборстве и демоноложестве. – Сгинь, сучий потрох!

– Капитан, таки оставьте ваши гойские замашки, – просипела тень, стремительно обретая сухопарую плоть, изукрашенную татуировками, и распространяя вокруг стойкий запах перегара. – Это я, ваш боцман. А что это за тело в шлюзе?

– Какой, нахрен, боцман? А где команда? Что происходит, мать вашу космическую?! – Ричард потерял равновесие и ткнулся лицом в печеные мозги на остатках брони.

«Горошку бы к ним, зеленого... И автоматного соуса» – неожиданно проскочила мысль.

– Сэр, нахрен, сэр! Разрешите доложить! – попытался вытянуться во фронт подозрительный пропитой субъект самого уголовного вида. Попытка не удалась, и он страдальчески скривился от боли. Рик заметил повязку на левом боку боцмана и следы лазерных ожогов на комбинезоне. – Старший боцман Джек Дэниалс Кацман, сэр! За время вашего отсутствия происшествий случилось целое гребучее море! Старший помощник Питер Да Вилл убит. Лично мной, сэр. Вся остальная команда перебита пиратами. Груз разграблен...

В сознании капитана всплывали воспоминания, и одно из них ему очень не нравилось.

– Что с кораблем, Кацман? И оставьте эти армейские замашки, они вам идут, как дохую – суздальский бронезилет.

– Корабль готов к старту, только навигатор... того...

«И капитанский код тебе – тоже этого, старая обезьяна!» – подумал капитан.

– Помогите мне добраться до рубки, старый вы поц. – тихо сказал Рик. – И девчонку тоже прихватите. Пригодится...

– А как же злодолбучие пираты, кэп? Вы точно всех замочили, нахер? – в тон ему ответил боцман, подмигивая и хитро улыбаясь. – Я наблюдал за вашими успехами, сэр...

Они пробирались в рубку по кратчайшему маршруту, через первый грузовой трюм. Несмотря на то, что Кацман уверял, что, мол, груз пиратки вымели подчистую, в грязных пространствах необъятного помещения громоздились ящики и упаковки с россыпью голографических меток. Одинокий погрузчик замер возле контейнера размером с танк.

– Нас же вроде ограбили, нет? – Рик окинул взглядом россыпь контейнеров.

– Нет. То есть, да, но не совсем, – загадочно ответил Кацман. – Это загрузили после ограбления. Я, бля, немного поковырялся в этом говне... На ближайшее время проблем с деньгами у нас не будет.

– Но прибавится проблем с законом, так? – Прохрипел капитан, спотыкаясь о ребристую станину стационарного плазмомета, богато украшенного бриллиантами. – Ты упер всю их казну, или только половину?

– А вот хрен его знает, не считал, – боцман старательно скрыл усмешку, – что к рукам прилипло, то прилипло...

Разговор затих, и последние люди на последнем корабле сосредоточились на том, чтобы не свернуть шею в завалах разнокалиберных ящиков.

Спустя полчаса Ричард уже сидел в капитанском кресле, залитый регенерирующим гелем и облепленный нанопластырями. Кацман, матерясь от боли и жадности, промывал свои раны спиртом и менял повязки, заняв оплавленный стул навигатора. Неизвестная с пиратской вечеринки ти-

хо лежала в капсуле автохирурга, выломанной из медотсека и перенесенной в ходовую рубку. Автохирург с пиликанием прогонял все возможные тесты, начиная с генетического, и заканчивая тестом на IQ.

Корабль принял капитанский код и соизволил вернуть капитану с боцманом право управления. На экране проплывала череда личных дел экипажа, постепенно окрашивающихся в красный цвет надписями «убит при исполнении». Тихо, на грани слуха, играла печальная музыка. Ричард мрачнел на глазах. Ему все явственнее хотелось выпить спирта и расколотить экран чем-нибудь тяжелым, но изменить ситуацию он был не в силах.

– Боцман, что там с ходовыми двигателями? Вы их еще не пропилили?

– Нет, не успел. А что, – встрепенулся боцман, – есть, кому продать?

Капитан довольно заржал. Немудреная шутка подняла настроение, а большего сейчас и не требовалось. Стало чуть легче, и руки почти не дрожали.

– Нам бы корабельного врача найти, – протянул Рик, вспоминая о новом приобретении, отдыхающем в капсуле хирурга.

– Есть у меня один врач на примете, – как-то ядовито улыбнулся боцман. – Лучший, который только может быть. Как раз впишется в нашу команду. Только я возьму отпуск на пару недель, кэп. Надо семейные дела уладить...

Корабль, помаргивая маневровыми двигателями, отстыковался от исходящего водяным паром и воздухом астероида, где находилась база «Акул Космоса», и занимал позицию для внутрисистемного перехода на границу системы. Там можно было быстро обчислить координаты большого гиперпрыжка, и покинуть это негостеприимное место... По чистой случайности, капитан, производя пространственную ориентацию «Астарты», направил маршевые двигатели точно на помятый астероид. На экране эта каменюка напоминала задницу анфас. Рик и Джек, переглянувшись, дружно сплюнули и почти хором произнесли:

– Да пошло оно всё в жопу!

Капитан включил двигатели на полную мощность, и оно пошло. Всё.

Через три дня к оплавленному и почерневшему астероиду подошли корабли «Акул Космоса», бывшие на патрулировании и в рейдах. Капитаны судов, посоветовавшись, торжественно провозгласили вендетту тому, кто это сделал. И отправились в долгий поиск.

Глава 4

Светлые. Появление

*Рубиновые части, солнца зари
Рубят злые страсти, сжигают внутри.
Прыгай выше неба, брат и сестра
Золотые искры – брызги костра.
Воины света, воины добра
Охраняют лето, бьются до утра.
Воины добра! Воины света!
Джа Растафарай бьются до рассвета.
Ляпис Трубецкой – Воины Света*

– Очень интересный мирок, господин Директор. Посмотрите, пожалуйста, как перекручены потоки управления и забавно построены цепи питания...

– Вижу, вижу, Шиффс. У нас уже есть туда подключение, или технический отдел, как всегда, бьет баклуши?

– Так точно, бьет. Подключение Пирамиды ожидается через три цикла.

– Отлично. Вызовете меня, когда будете готовы к подъему перископа.

Внутри позабытого пылевого скопления на границах Человеческого Космоса, которое даже пиратами не посещалось уже столетие – кому нужно бесполезное пылевое облако, где даже пригодных для жизни планет нет – с легким шуршани-

ем проступили серебристые контуры прозрачной пирамиды. Размеры ее были небольшими, и совершенно незаметными в галактических масштабах, всего лишь два десятка астрономических единиц. Нежно мигнув молочной белизной, пирамида обрела некоторую долю реальности. Не очень большую, впрочем.

– Господин Директор, перископ поднят, Пирамида активна. Приступаем к сканированию...

– Есть что-нибудь интересное на горизонте?

– Так точно. Очередное отражение Терры, местное самоназвание – Земля. Расстояние от текущего положения эффектора – сто сорок световых лет, радиус распространения цивилизации – до тысячи...

– Потенциал?

– Стагнация. Разрыв системных связей в пределах ста местных лет, со всеми вытекающими...

– Данные мне, Шиффс. Есть возможность изъятия образца?

– Они постоянно воюют, можем изымать кого угодно...

В границах зон конфликтов, разумеется. Вот, пожалуйста.

– Вот этого.

– Малое системное транспортное средство, аналогичное десантному боту пятого уровня, низкая атмосферная орбита, разрушение корпуса – тридцать процентов, ресурс двигателей – ноль, ресурс энергии – ноль, вхождение в плотные слои атмосферы через цикл. На борту – пятнадцать «нуле-

вых» субъектов, один «околонулевой»...

– Даю подтверждение.

– Принято. Транспортировка в седьмой внутренний ангар завершена.

– Залатайте его наскоро, всех остальных – биоинженерам.

Бот – в ТехОтдел, пусть поиграются.

– Будет исполнено.

Бесконечный зал был заполнен одинаковыми белыми прямоугольниками, висящими в воздухе на высоте половины человеческого роста. Они простирались во все стороны, образуя геометрически правильный безупречный узор, нарушаемый лишь темными пятнами тел, возлежащих на белом.

– Красиво... – Взгляд человека бродил по пространству зала, все время возвращаясь к свежей группе тел, пятнавших собой ближайшие столы.

– Маттершанц, – в воздухе мелькнуло две яркие белые вспышки, протянувшиеся сверху вниз. Из свечения материализовались Директор и Шиффс.

– Господа... – учтиво поклонился он. – Все готово.

Над лежащими телами с легким звоном проявились медленно вращавшиеся перевернутые пирамиды, сотканые из света и тьмы. Большинство из них были серыми и тусклыми внутри, кроме одной, светившейся золотым.

– Один из шестнадцати...

– Да, господин Директор, – Маттершанц мягко кивнул, – он жив. И он кондиционен.

– Шиффс, подготовьте операционную и малый реактор, – произнес Директор. – Остальные?

– Негативно. Отработка.

– Отклонения?

– Блоки лояльности, подавление свободы воли... Обычный набор, – Маттершанц покачал головой. – Грубая работа.

Сияние наполнило помещение, и оно снова опустело. На белом стало на одно тело меньше.

– Матти, я ненадолго тебя отвлеку от твоих разлюбленных тел.

– Да, господин Директор? Чем могу помочь?

– Ты уже изучал наш образец?

– Да. Перспективен.

– Знаешь, мне нравится здесь. И, по прогнозам Расчетчика, в этом мире скоро будет очень некрасиво, Матти...

– Обычный мир, создание Творца – мы видели уже их сотни и сотни, господин Директор. Ничего выдающегося.

– Здесь будет наш враг. Совсем скоро – пятьдесят местных лет, может, меньше. Как ты думаешь, мы можем уйти сейчас?

– Враг? Здесь? Тогда, разумеется, мы должны остаться. Ты уже выносил это решение на Совет?

– Нет, и не собираюсь. Для остальных это будет обычная стоянка перед долгим перегонном... Отдых, сброс напряжения, осмотр достопримечательностей. Как всегда. Но мне нужно создать агента.

– Образец?

– Да. Их технологии несовершенны и примитивны, а он – полон жизни и вероятностей. Не хочется упускать такой шанс, и тратить время на подбор кадров...

– Если провести полное преобразование, то можно оставить поиск на совести агента. Он будет буквально притягивать к себе нужных существ, если, конечно, пойдет по Пути.

– Матти, при полном преобразовании не идти по Пути сложнее, чем идти по нему. Уж это мы все знаем не понаслышке...

– Да, Лидер. Знаем. Я займусь им немедленно.

– И помни, Матти – он ничего не должен сохранить в памяти. Экранируй его.

– Хорошо.

Он плыл по разноцветным волнам пламени, ненадолго погружаясь в лед, который входил в его память о когда-то бывшем теле... Боль, счастье, радость и ярость плавно накатывали и отступали, унося еще немного его разума, или добавляя знаний, укладываясь внутри матовых пирамидок, сразу же уходивших сами в себя. Было странно, но он видел вокруг огромную, распространяющуюся на многие и многие световые года прозрачную пирамиду, наполненную постоянно перемещавшимися частями и механизмами, состоявшими из тьмы и яркого света. И эта конструкция определенно обладала разумом и душой.

Купаясь в огне, он мог понимать, что видит перед собой,

и, хотя потом эти знания сразу же, как вода, выливались прочь, это наполняло силой...

Что значит память, если нет личности? Да ничего.

Он понимал, как работает этот гигантский механизм, попавший сюда глубоко из-за границ реальности, из каких-то непознаваемых и непредставимых Вселенных. И знал о Пути. И о том, что становится – помимо своих, ничего не значащих желаний – его частью... Теперь он даже не мог умереть до конца. Смерть означала лишь возврат сюда, в сердце пирамиды.

Спокойствие, окутавшее его своими крыльями, было нарушено извне. Кто-то, могучий и далекий, протянул свою призрачную руку, и коснулся его.

– Ричард...

«Какое странное имя, – подумал он, замерев в огне, – его носили короли и преступники, отверженные и вершители судеб. Оно принадлежит мне?»

– Ты должен забыть все, что видишь и узнаешь здесь...

«Забывать? Я забываю сразу же, как узнаю. Зачем говорить ненужное?»

– Но кое-что я оставлю тебе. В подарок, или в качестве стимула – решай сам...

«Они, равные богам, делают подарки людям. И подарки их оборачиваются проклятиями. Откуда эти слова? Кто их сказал?»

– Тебе останутся сны, и осознание цели. Ты будешь видеть

способы ее достижения и чувствовать течение вероятностей вокруг себя. А еще, мой друг, ты будешь носить в себе часть меня. Я собираюсь изучить ваш уголок Вселенной...

«Интересно, как выглядит паразит с могуществом бога?»

– Однажды, когда мир вокруг тебя замрет на грани разрешения, я помогу. Мы поможем... А теперь, к сожалению, ты должен уснуть...

«Зачем?..»

– Шиффс, приготовьтесь к возврату в момент подбора образца. Скорректируйте орбиту бота и дайте сигнал о помощи местным. Агент влияния готов, Маттершанц?

– Готов, господин Директор. Память заблокирована. Готов встать на Путь.

– Хорошо. Начинайте.

Над охваченной пламенем планетой, усмирением которой в рамках антитеррористической операции «Тайфун» занимались силы Космодесанта Протектората Земли, падающий в атмосферу подбитый десантный бот на мгновение окутался сиянием, и слегка изменил курс. Теперь спасательное судно успевало подобрать его, приняв пятнадцать мертвых десантников, и одного тяжелораненого капрала. Чудовищно обгоревший, Ричард Морган выжил.

Глава 5

Блэк Джек. Визит к Фариду

*These mist covered mountains
Are a home now for me
But my home is the lowlands
And always will be
Some day you'll return to
Your valleys and your farms
And you'll no longer burn
To be brothers in arms
Dire Straits, «Brothers in Arms»*

С его появлением в импровизированном баре стало заметно тише. Казалось, даже громкая музыка из спрятанных в стенах динамиков, слегка затихла, потеряв объемность звучания.

Сидящие за несколькими составленными в ряд столами люди начали оборачиваться на него, покачивая головами и переговариваясь, по залу поползли шепотки. Кто-то откровенно предпочел ретироваться прочь, другие остались, но всем своим видом выказывали недовольство новым посетителем, и только самые стойкие предпочитали делать вид, будто ничего особенного не произошло. Они согласно кивали, отвечая жестом на тихий шепот вездесущих доносчиков, изучающе поглядывали на нового посетителя, но не делали

резких движений и не пытались прогнать его.

Джек Кацман прошел к бару, сел на высокий крутящийся стул и в упор посмотрел на замершего в нерешительности лысого вертлявого бармена, похожего на обезьянку.

– Виски, чистый, двойной, – хрипло попросил Джек, хмуро глядя на бармена. – И не тасуй тут, – предупредил он его, по-звериному, не мигая, взглянув тому прямо в глаза.

– И в мыслях не было, – тут же ожил бармен, ловко вскарабкавшись на высокую стремянку к верхним полкам.

«Точно макака, блядь, – подумал Джек, с кислой миной исподволь осматриваясь вокруг. – Хоть бы банан вместо выпивки не дал».

Лысый человечек виртуозно вскарабкался вверх, снял оттуда самую большую бутылку с коричнево-черным содержимым и авторитетно произнес, наливая алкоголь:

– Наша, местная, на гречихе.

Джек только хмыкнул, криво улыбнувшись. Родная планета ничуть не изменилась за прошедшие годы. А сколько, кстати, их успело пройти? Пять? Десять? Да, не меньше десяти.

– Видел этого человека?

Кацман толкнул по гладкой стойке голоснимок в сторону бармена. Тот быстро стрельнул глазами в сторону, и нервно улыбнулся, не глядя на карточку.

– Нет, никогда, – отозвался он.

– Ты что мне тут хрены бодяжишь? – рыкнул Джек. –

За кого держишь, обезьяна лысая? Ты Гая Травкина не знаешь? Тебе напомнить, хрен козлячий, как он тебя, сопля мелкая, у твоей мамыши на дозу сменял?

Бармен побледнел, пошел красными пятнами и стал заметно заикаться.

– Н-нет, н-не надо, – выдавил он. – Я и правда его не видел, давно уже, несколько лет как...

– Отвали от него, – раздался рядом гулкой бас. На соседнее сидение опустился грузный пухлый мужчина с седой бородкой и карими глазами. Вертлявый бармен тут же исчез в тени полок, слившись с обстановкой и предпочитая больше не отвечать.

Джек медленно развернулся к подсевшему соседу, рядом с которым тут же возникли два плечистых охранника, похожие друг на друга, как близнецы.

– Фарид, ты опустился до найма андроидов? Не ожидал, что на Суздале дела пойдут настолько плохо. Тебе чего надо? Не видишь, я разговариваю.

Кацман покрутил в руках стакан с коричнево-черной жидкостью, словно размышляя, не выплеснуть ли содержимое в лицо седобородого мужчины. Тот тяжело вздохнул, покачал головой и привычным жестом пригладил темные волосы.

«Сколько лет уже прошло, как его из директоров школы поперли, а он до сих пор мел и лазерную крошку с волос стирать пытается, – подумал Джек, отметив жест Фарида. – Хорошо мы его тогда помяли, видимо».

– Ты допрашиваешь моего человека, Джек, – медленно произнес бывший директор суздальской школы-интерната для трудных подростков. – Это не вежливо.

– Я брата ищу, – буркнул Кацман. – Задал вопрос, а твоя обезьяна мне стала врать. Это, по-твоему, вежливо?

– Вот как ты был говном, так ты им и остался, Кацман, – покачал головой Фарид. – Ну-ну, – примирительно улыбнулся он, заметив, как тут же напрягся от его слов Джек, – не надо лишних движений, мои парни нервные сегодня.

Охранники синхронно положили ладони на рукояти табельных иглометов.

«Хрена с два, мне лишних отверстий не надо».

– Смазку им поменяй, – буркнул он.

Кацман чуть откинулся назад, показывая, что не настроен на дальнейшие разборки.

– Значит, так, Джек, – ледяным тоном произнес Фарид, глядя в глаза Кацману, – брата твоего на Суздале нет, а если он тут появится, я первым его четвертую, понял? Да и тебе мы тут не очень рады, если ты не в курсе.

– Что это так невежливо? – с издевкой в голосе осведомился Джек, продолжая покручивать в руках полный стакан виски на гречихе. – Где же твое хваленое гостеприимство, Фарид? Значит, как своих птичек наркотой Гая пичкать, чтобы те лучше дрались, так ты нам был рад. А как я приехал навестить родное гнездо, ты мне и на дверь показал?

У пожилого директора интерната заходили желваки. В ка-

рих глазах полыхнуло едва сдерживаемое бешенство.

– Ты знаешь, что сделал твой брат? – по-змеиному, почти не разжимая губ, прошипел Фарид. – Да его мало четвертовать, с него кожу надо живьем содрать и бросить собакам!

– Еще слово, и я тебе шнобель сломаю, – спокойно сказал Джек, сощурившись. – Сам ты корм собачий. Хули тебе надо от моего брата?

Фарид пошел пятнами, но в спор предпочел не ввязываться. Вокруг них образовался круг отчуждения, музыка как-то незаметно стихла, а собравшиеся люди выстроились у стен, внимательно вслушиваясь в разговор их боса с пришлым гостем. Опозорить себя истерикой старый директор не мог. Слишком жива в нем была память того случая, когда он, в испуге оравший на безмозглых подростков, едва не опозорился у них на глазах. В тот раз Джек, достав самодельный лазерник, выстрелил в потолок. Штукатурка и деревянная щепка от потолка, смешиваясь с оплавленными лазерным лучом кусками пластика, градом посыпалась на голову Фариды, хорошенько подпалив его шевелюру.

– И нехуй так орать, – сказал тогда Джек.

Эту фразу Фарид запомнил навсегда, с тех пор никогда не опускаясь до криков в присутствии подчиненных. Мало ли, сколько таких умельцев только и ждет случая снова окропить его голову мусором.

– От его отравы у меня все петухи сдохли, я чуть бар не продал, – зло сказал Фарид. – А когда я к нему сунулся,

того уже и след простыл. Так что не надо тут спрашивать о своем брате, здесь тебе никто не поможет.

– Да ты знаешь, сколько раз я уже слышал эту историю, Фарид? – засмеялся Джек, заставляя бывшего директора стиснуть зубы от ярости. – Узнаю Гая, молодец, парень! Так тебя натянуть с твоими птичками!

– Уходи отсюда, – сказал Фарид, – нам своего говна хватает, без тебя и твоей родни.

Джек резко прыгнул со стула, заставив андроидов-охранников сделать боевую стойку и напрячься. Кацман махом влил в себя виски и, утерев рот рукавом куртки, ответил, дыша мерзким запахом прямо в лицо Фариды:

– Сам ты – говно. И бар твой – говно, и виски – тоже.

Он резко выпрямился и быстро вышел прочь, хлопнув тяжелой дверью в полной тишине зала.

На улице Джек задержался, достал из кармана куртки фляжку и сделал добрый глоток, поглядывая на вывеску над входом здания напротив.

– Лучшие боевые петухи, – прочел он вслух, – Фарид и сыновья.

Джек перевел взгляд на вывеску над баром, который только что покинул. С яркой таблички, подмигивая красными и оранжевыми огоньками, на него уставился грозный петух, воинственно растопыривший перья. «Золотой петушок» до сих пор был местом сосредоточения денег, грязи и проблем.

– Да уж, петушок ты, Фарид, это точно.

Кацман сплюнул тягучую коричневую слюну на порог бара и зашагал прочь, против воли погрузившись в воспоминания.

Ему было, кажется, двенадцать или чуть больше, когда его не в меру любопытный братец всерьез увлекся химией. С доступной литературой на забытой всеми бедной колонии было туго, а книги доставались только в библиотеке интерната, если, конечно, можно назвать библиотекой несколько полок в подвале здания школы.

Естественно, Джек, будучи старшим братом, не придумал ничего иного, как ночью вскрыть замок и прихватить с собой необходимые пособия. Гай увязался за ним, их вдвоем и застучал на месте чтения Фарид, будучи в те годы директором.

Он решил наказать их по-своему. Мерзко ослабившись, горячий мужчина с примесью восточной крови и изрядной порции дешевого наркотика в ней, схватил за шиворот веснушчатого симпатягу Гая и подтащил его к себе, с четким намерением попользоваться в интимных целях.

Маленький Травкин так и застыл на месте, даже не пытаясь сопротивляться. Шок от подобного поведения директора, его красное потное лицо со звериным оскалом и затуманенные похотью глаза настолько сильно отпечатались в сознании ребенка, что Гай даже не пытался плакать, глядя на своего мучителя, и не смея даже мигнуть.

Джек справился с оторопью куда быстрее. Извергнув

из себя нечеловеческий рык, он бросился на Фарида, зубами вцепившись тому в шею. Кацман напрыгнул сзади, в тот самый момент, когда было почти поздно. Поведение неадекватного подростка так сильно впечатлило директора, что тот выпустил рухнувшего кулем на пол Гая и стряхнул с себя худосочного бледного Кацмана.

– Выкидыш ублюдочный, – просипел Фарид, стирая с шеи выступившую от укуса кровь. – Да я тебя...

В этот момент он осекся. Гай потом утверждал, что на директора снизошло божественное откровение, а Джек склонялся к мнению, что внутри директора просто закончилось действие наркотиков.

Так или иначе, но на следующий день Фарид поставил Джека перед выбором: либо тот выходит на арену против его птички, либо они с братом могут забыть о спокойном сне в любом уголке города.

Жестокая жизнь на далекой колонии диктовала свои условия. Ни один выживающий из последних сил городок Великого Суздаля не принял бы к себе два новых рта без профессии, физической силы и мозгов, в наличии которых Джек сомневался до сих пор. Правда, он, в отличие от суздальцев, относил это исключительно к себе, совершенно не стесняясь показаться туповатым или невоспитанным.

И через пару дней Джек вышел на арену. Птичками у Фарида назывались огромные петухи, выращенные специально для смертельных схваток на потеху богатым жителям. Впро-

чем, состязание петухов размером с подростка быстро набирало обороты, уже поставлялось контрабандными записями в несколько близлежащих городов и привлекало внимание соседних планет, грозя выйти на галактический рынок кровавых развлечений.

Когда голый по пояс Джек стоял напротив клекочущего пернатого монстра, он видел перед собой только красное и потное лицо директора, а в затухающих глазах убитого им противника всегда, почему-то, видел остекленевшие голубые глаза своего брата, будто винил себя за сломанное, убитое детство Гая.

Кацман сплюнул коричневатую от гречичного виски слюну, сунул руки в карманы и поднял воротник куртки. На кривых улочках города не было ни души. С неба начал накрапывать мелкий противный дождь, от которого мощные дешевыми материалами дороги мгновенно превратились в вязкие колеи.

– Вот же блядь, – смачно выразил свои мысли Джек. – И где тебя теперь искать, братишка?

С неба продолжал капать дождик, скатываясь крупными каплями по длинным волосам Джека Кацмана, которого в маленьком космопорту Суздаля ждал корабль отъявленных головорезов, временно ставших для него командой.

Глава 6

Черный Лекарь

*I thought that I heard you laughing
I thought that I heard you sing
I think I thought I saw you try*
R. E. M. «Losing My Religion»

Он мог бы солгать. В этом не было ничего особенного. Время высоких технологий диктовало свою моду на ложь.

Люди обманывали время, омолаживаясь до ребячества, обманывали болезни, меняя органы, как запасные части механизмов. И, конечно же, люди обманывали себя. Сколько бы ни прошло времени, как бы не убежали вперед технологии, подарившие людям практически вечную жизнь, люди продолжали обманывать самих себя, стараясь делать вид, что вовсе не чувствуют прожитых лет, не помнят потерь и не устали от жизни.

Потом, не сейчас, а заеду позже, мы встретимся на пятой луне... обещания в интеркомах, послания в коммуникаторах и целые терабайты лжи, сохраненные на молчаливых носителях.

Да, он мог бы солгать. Только зачем? Что он получил бы от этого? Спокойствие совести, осознание своей власти, возможность вернуться...

Видимо, все же, власть. Стоило признаться себе в том, что он был склонен к доминированию. Именно так и никак иначе.

Гавриил Травкин вышел из калитки маленького частного дома, являющегося небывалой роскошью среди высоких типовых зданий, и закурил, глядя в небо, едва тронутое расветом.

«Рассвет, как тление, – подумал он, – стоит ему начаться, процесс уже не остановить».

Сизый сладковатый дым лениво плыл рядом, закручиваясь забавными змейками и оседая на волосы, руки, одежду противным запахом въедливой гадости.

– Ты любишь меня? – спросила она.

– Нет, – ответил Гай.

Да, он мог бы и солгать, но теперь она стала для него бесполезна. Да и если бы не стала, он вряд ли бы стал ее обманывать. Просто в этом Травкин не хотел признаваться даже самому себе.

Он скривился от тяжелых мыслей, глубоко, до впалых щек, затянулся сигаретой с легким наркотиком и пошел прочь от маленького дома, в котором оставил очередной кусочек мозаики своей жизни – рыжую женщину по имени Леда.

Ему было хорошо, легко и сладко. И он знал, когда точно это пройдет.

– Итак, вы утверждаете, что сумели синтезировать веще-

ство, распознающее генотип?

Голос собеседника Травкину не нравился. Вкрадчивый какой-то, скользкий такой голосок, словно его обладатель пытался подкрасться к Травкину сзади, да еще и с баночкой вазелина.

– Это вы утверждаете, что вещество способно распознавать генотип, – безразлично пожал плечами Гавриил, холодно и внимательно поглядывая за стекло. Толстая непробиваемая преграда перед ним отделяла Травкина от палаты с ровными рядами жестких коек. Места в комнате занимали несколько подопытных человек, добровольно, если не считать существенных гонораров, отдавшие в заботливые руки научных опытов с новым стимулятором.

Стимулятор не получился, да и не должен был. Отмашки и бумажные коды для отделов правопорядка частенько содержали в себе записи об очередном изобретении говорящих баклажанов для орбитальных станций, лысых хомяков для детей-аллергиков и пушистых глубоководных рыб для работы на подводных объектах.

И что потом выходило из дверей таких научных центров, не знал, порой, даже сам автор очередного лысого глубоководного говорящего баклажана.

– Хм...

Представительный мужчина в дорогом костюме цвета дорожной пыли задумчиво покрутил в руках очки в золотой оправе. Костюм гостя, как и архаические очки, были пред-

метаами роскоши, а вовсе не являлись необходимостью.

– И все-таки, – продолжил гость, – мсье Травкин, – немного гнусавя на гласных, протянул он, – чем же именно ваш... кхм... стимулятор, – кашлянул визитер, – настолько уникален?

Гавриил повернулся к гостю лицом, перестав демонстрировать спину с заостренными лопатками, и бесстрастно взглянул в глаза немолодого мужчины, казавшегося Гаю настолько холеным, что у Травкина тут же возникло желание уронить того в лужу грязи.

«Святые небеса, – подумал Гай, – в отсутствии Джека я перенимаю его привычки инстинкты. Так и до мордобоя доживу, вот позору-то будет».

Он печально покачал головой. Гость, принявший его жест на свой счет, завозился в кресле, плохо скрывая жгучее любопытство.

– И все-таки, мсье Травкин, я бы просил вас поделиться со мной секретом уникальности вашего изобретения. Это существенно повлияет на решение патентной комиссии в случае обращения за закреплением вашего авторства.

Гавриил посмотрел на гостя, как на клинического идиота. И хотя идиотии, как заболевания, уже давненько не существовало, как признанного факта, сейчас Травкин серьезно сомневался, а действительно ли все было так.

– Уважаемый... простите, как вас?

Он едва не добавил: «по матери», но сдержался.

– Можете называть меня просто гостем, – мужчина напротив даже немного улыбнулся. – Мое имя вам ничего не скажет.

– Я буду называть вас «Уважаемым», – сказал Гай. – В гости я вас не звал, вам я не рад, а кто-то, безусловно, вас уважает, если пустил в закрытый центр и дал пропуск в лабораторию ХаСОМ.

Гость промолчал, ожидая ответа.

– Хорошо, выдохнул Гай, припоминая, как пытался на пальцах объяснить брату свойство аминотриптилазы в телах андроидов, ресинтезируемой из нитроксолазы матриц, – если просто, то я не могу запатентовать свое изобретение. Я изобрел механизм, а не какой-то универсальный продукт. То есть, я знаю, как подобрать наркотик, способный оказывать воздействие на конкретного человека с учетом именно его ДНК.

– А другие расы? – быстро и хлестко спросил гость.

– До других я пока не добрался, – смиренно, как монах, ответил Гай. – И потому меня совершенно не интересуют никакие ваши предложения, патенты, права и прочая херня. Я знаю механизм, и он хранится вот здесь, – Травкин постукал себя указательным пальцем по лбу. – Прикажете пытаться меня? Утащите в свои подземелья или засунете на отдаленную космическую базу? Можете попробовать, но я не гарантирую вам, что не смогу в процессе синтеза по заказу случайно не отравиться до смерти.

Гавриил тонко улыбнулся, показывая, что разговор окончен. Однако у представителя конкурентов ХаСОМ было иное мнение.

– Гавриил, – проникновенно обратился он к Травкину, – не мне вам рассказывать, что вы можете просто указать нам на нужный ген или хромосому, чтобы мы никогда более не встречались и не тревожили вас. Почему вы так упорствуете? Разве сумма, предложенная мною, настолько мала?

– Как раз наоборот, Уважаемый, – Гай потер переносицу, бесстрастно рассматривая костюм гостя. – Она слишком щедра, чтобы я поверил, будто доживу до момента, когда смогу ею распорядиться. Да и отследить мое местоположение по счету – плевое дело. Если уж я и поверю в то, что вы дадите мне спокойно уйти отсюда, я никогда не поверю, что вы дадите мне спокойно жить, не отслеживая мои передвижения. Я говорю вам «нет».

– Хорошо, – неожиданно легко согласился гость. – Тогда я ухожу...

– Но? – иронично хмыкнул Гай. – Всегда есть какое-то «но».

– Но напоследок я хотел бы поставить вам одну любопытную запись, – не разочаровал он Травкина.

Гость в архаичных очках и сером старомодном костюме щелкнул кнопкой на пульте, и на экране, занимавшем всю стену сбоку от него, появилась картинка.

Гай узнал и себя, и девушку, и место съемки. Комната

представляла собой отлично оборудованный зал для жестких сексуальных игр. Кровати, как таковой, не было, вместо нее тут и там в беспорядке валялись разнообразные подушки. Мягкий коврик у входа – последний островок обычной обстановки, выглядел чужеродным пятном на теле всеобщей картины садомазохизма.

Травкин знал, что будет дальше. Сейчас она подойдет и попытается отвесить ему пощечину. Взмах тонкой руки – и Гай уже перехватывает запястье, заламывает руку и смотрит на девушку сверху вниз, не меняясь в лице, оставаясь таким же сдержанным и холодным. Лед голубых глаз Гая обжигал даже с экрана, а короткие рыжие волосы девушки, казалось, пылали настоящим огнем.

– Желаете досмотреть до конца? – еле слышно осведомился гость, глядя, как Гавриил не в силах отвести взгляда от записи.

– А почему бы и нет? – приподнял одну бровь Гай. – Думаю, я неплохо справился, мне нечего стесняться. А вам?

Он бросил взгляд на гостя. Тот никак не отреагировал на его выпад, продолжив смотреть запись.

На пол полетели куски разрезанной одежды, тонкое блестящее белье черного цвета кружевными лоскутами упало под ноги девушке. Она запрокинула голову, рот приоткрылся в сдавленном крике, но Травкин, оказавшийся сзади, тут же закрыл его своей ладонью, цепко удерживая девушку за плечо второй рукой. Пальцы сместились к шее, он немно-

го помедлил и сжал ее, оставляя на бледной коже партнерши красные отметины, которые потом обязательно перейдут в синяки.

«Она знала? – почти спокойно подумал Гай. – Или нет? Смогла бы она так поступить? А почему бы и нет, мы все лжем. Может, потому и спросила в последний раз, люблю ли я ее. И если бы я ответил „да“, смотрел бы я сейчас эту запись? Или просто смотрел бы другую? Скорее, да, выбора не было ни у нее, ни у меня».

Травкин понял, что не знает ответа на этот вопрос.

– И чем вы меня удивить-то хотели, Уважаемый? – спросил он. – Тем, что мои сексуальные предпочтения включают в себя рыжеволосых девушек и элементы садомазохизма? Странное у вас в конторе представление о шантаже. По сравнению с остальным миром, я просто ангел небесный.

– Вы, может быть, и ангел, а вот ваша подруга находится не в столь завидном положении.

Гость сделал театральную паузу, но Травкин снова спутал ему карты:

– И что? – флегматично спросил он. – Если вы смотрели запись до конца, я имею в виду, до самого конца, а не до конца конкретно этой сцены, вы знаете, что мне совершенно плевать на то, кто завтра лишится своего поста в этом центре. Свое дело я сделал, она мне больше не нужна. Ни она, ни ее лаборатория, ни ее помощь.

Травкин никак не выдал себя. Взгляд спокойный, поза

уверенная, мимика живая, жесты четкие, руки не дрожат.

«Да и с чего бы? – поймал себя на мысли Гай. – Глупо впадать в истерику. Я же действительно так думаю. Я же думаю так?»

Представитель конкурентов ХаСОМ уважительно крикнул и, не прощаясь, покинул кабинет Гавриила, оставив ему на память включенный ролик его походов к своей начальнице и жене его высокопоставленного чина из СГБ и спонсора по разработке универсального наркотика, который не способен будет определить ни один тест, известный на сей день.

Гай продолжал внимательно смотреть в огромный экран на стене, в душе радуясь, что запись оказалась без звука.

Теперь у него был один путь.

В проводниках Гай не нуждался, брать из лаборатории, кроме себя самого, ему было нечего, а сожалеть о неоконченных опытах становилось как-то глупо. Травкин знал единственное место, где бы его таланты не просто приняли и оценили, но и обеспечили всем необходимым.

Проблема заключалась в том, что самому Гавриилу будущее место работы нравилось еще меньше, чем настоящее. Именно поэтому он, в свое время, выбрал ХаСОМ вместо любого пиратского клана или дочерней Торговой Лиги разбойников с большого космоса.

Гай сдвинул брови, потирая переносицу двумя пальцами. О том, как его брат вытащил его из подвала захудалого клу-

ба на Новом Иерихоне вспоминать не хотелось, и Травкин продолжил свой путь до каюты в подпорченном настроении.

Глава 7

Блэк Джек. Спасение Гая

*In a world that I don't want to know,
With a message that I never want to send
To be free from all of this,
Now you want to know
You want a name.
You want to call me motherfucker,
Now you want to know
You want a name
Disturbed «Criminal»*

– Первый, муха на восьмерке. Код не слил, на сигнал не отвечает. Веду по курсу, в прицеле.

– Зона, я – Первый, держи мухобойки на взлете. Как понял?

– Понял тебя, Зона. Зарядил по полной.

Джек лениво потянулся, отключая перехватчик связи. Дела шли как раз так, как было и надо. Орбитальные базы держали на мушках его легонький «курьер», сконцентрировав все внимание на корабле и не отследив крошечную десантную капсулу, которую Кацман лично выиграл в карты полгода назад.

«Вот и пригодилась железка, блядь, – подумал он, тряхнув головой, будто сбрасывая с волос пыль. – А я ее еще загнать

хотел по сходной цене, мудака. Нет, правильно мне папаша говорил, пока еще жив был, никогда не продавай и не дари того, что попало к тебе в руки, если не уверен, что делаешь вклад в свою семью».

Впрочем, о пропитии или обмене старый мудрый еврей ничего не говорил. И Джек пользовался лазейкой в семейном завете, как только мог.

Новый Иерихон, куда еще вчера скромно шлепнулась капсула Джека, представлял собой довольно развитую планету, с прекрасной инфраструктурой и налаженными торговыми каналами.

С Иерихона шли оптовые поставки обогащенной ураном руды, множество драгоценных камней и высококлассное золото. А уж когда на втором континенте из двух имеющихся, нашли горючие материалы, счастьем жителей Нового Иерихона не было предела.

«Наивные, – кисло ухмылялся Кацман, – они думали, что им что-то перепадет».

На жилы споро присели всевозможные власть имущие семейки, быстренько поглотив вялый бизнес, и даже не подумав подавиться хлипкими протестами или открытыми действиями. Старожилы космического бизнеса свое дело знали, да и начинал каждый из них совсем не с работы клерка в захудалой конторке Протектората. Бывшие пираты, преступники, отчаянные выходцы с таких же, как и у Кацмана, обедневших колоний – они знали цену богатству, власти и силе.

Последней, кстати, те и пользовались, когда прямое предложение отвалить в сторонку на коренных жителей Иерихона не действовало.

Скоро и жестоко подавив зарождающиеся конфликты массовыми вливаниями сил обученных в настоящих сражениях наемников, царедворцы торговли заняли места, пустили корни и выставили ветки в пространство, зацветая буйным цветом, как аллергик по весне.

В защиту новой власти планеты можно было сказать только одно: они действительно сначала предлагали миром решить вопрос. Миром не вышло, а вот старой доброй войной – вполне.

Да и простые жители Нового Иерихона не слишком заметили разницу. Рабочего на карьере или дежурного орбитальной базы не сильно волновало, кому именно пойдут его налоги, а вот размер этих самых отчислений их волновал серьезно.

Решив сразу не давить население сборами, царедворцы выждали полагающееся время, а затем, дав надкусить людям налаженную и спокойную жизнь, принялись понемногу повышать ставки. Разленившиеся после терраформации потомки этих самых терраформирующихся недовольно морщились, кривились и даже создали оппозиционную партию в противовес имеющейся «Иерихонской власти», но, тем ни менее, выползать дальше уютных ресторанов и борделей со своими протестами не хотели.

Так Новый Иерихон и зажил. Поставки материалов шли исправно, власти подкармливали Протекторат льготными контрактами и с удовольствием принимали на планету переселенцев на черновые работы. Жители Иерихона ели, пили и тыкали пальцами в сенсоры на мониторах, куксились и продолжали вяло ворчать: «мы против», не забывая при этом исправно спускать приличные зарплаты на удовольствия и блажь.

– Блядь, какие же вы придурки, – не уставал повторять Кацман, разглядывая десятки ярких вывесок на ночных улицах столицы планеты, – вас же хоть сейчас режь, вы только попискивать станете. И чего Гай тут забыл?

В этот момент из двери, мимо которой шел Джек, выкатился в хламину пьяный мужчина с благородной лысиной на голове и густой бородой на лице. Мужик глупо похихикивал, хлопал в ладоши и улыбался, как дитя в конфетном магазине.

Следом за ним бесшумно скользнул высокий охранник с цепким внимательным взглядом. Он быстро огляделся, заметил застывшего на улице Кацмана и тут же натянул на лицо дежурную пластиковую улыбку.

– Мсье слегка перебрал, – извиняющимся тоном произнес охранник, стараясь отгеснить прыгающего на одной ноге мужика за свою широкую спину. – Пожалуйста, проходите, я все улажу.

– Ага, – едко сказал Джек, – перебрал он. В массажном

салоне, да? – он кивнул на мигающую в нескольких спектрах прозрачную вывеску над головой охранника. – Или у вас в массажные крема спирт добавляют? Я бы тогда зашел...

– Не стоит, – тут же сменил тон голоса вышибала, цепко схватив лысого мужичка за плечо. – Это вас не касается, – ледяным тоном закончил он, подталкивая посетителя обратно к заведению «Волшебные пальчики».

– Я думаю иначе.

В зеленых глазах Кацмана блеснул хищный огонек, смешанный с безумием. Он вытащил из кармана плотной куртки жетон представителя властей и сунул его под нос охраннику. Тот отступил на шаг, но не растерялся.

– Пошли, – кивнул он, – со старшим поговоришь.

Представительный детина втолкнул в двери смеющегося клиента и кивком указал на неприметную дверь сбоку от входа, находившуюся прямо у пункта наблюдения охранников.

– Тебе туда.

Кацман не стал спорить или задираться. Пока не стал, отложив это сомнительное для других удовольствие напоследок.

Через двадцать минут, спустившись на внутреннем лифте на несколько этажей под землю, Кацман уже стоял в огромном зале с длинными рядами дверей слева и справа. Из-за дверей доносились различные звуки, больше всего напоявшие Джеку пыточные камеры из популярного реалити-шоу по центральному каналу Протектората. «Кухонный

Ад – сотри свою морковь», – вспомнился Джеку лозунг этой популярной передачи.

– Блядь, это здесь, что ли, снимают? – недоуменно произнес Джек.

– Что? – не понял его вопроса сопровождающий его работник салона. Кацман смерил его взглядом. Низенький, толстенький мужичок неопределенного возраста и пола, похожий одновременно и на женщину, и на мужчину, он был одет в странный костюм из склепанных между собой звенящих побрякушек. Гайки, железки, обломки лезвий, колечки и обрывки цепей дополнял собачий ошейник с длинными шипами и такие же шипастые наручи. Маленькие ступни толстых обрюзгших ножек это чудовище сексуальной фантазии чужих прятало в лакированные сапожки со шпорами.

– Ничего, это я думать пытаюсь. Где он?

– Вон та дверь, третья справа, – быстро ответил сопровождающий. – Только я туда не пойду, – обливаясь потом от страха, просипел он. – В прошлый раз он меня на опыты отдал, я едва выжил.

– Это ты после них такой неопределившийся? – Джек хмыкнул, откровенно пытаясь рассмотреть пол мужичка. Тот покраснел, но предпочел смолчать.

– Да и хрен с тобой, вали отсюда, – вальяжно махнул рукой Кацман. – Меня он никуда не отдаст.

Сопровождающий мигом растворился в темных коридорах подземного помещения, оставив Джека в пустом холле

одного. Кацман сделал шаг, и над его головой тут же зажегся свет, превратив полутьму в яркое пятно. Датчики движения работали только на теплокровных, как пояснил ему звенящий гермафродит.

«Ксенофобы, значит, – порадовался он про себя, – Ну... Вас ждет сюрприз».

Джек распахнул нужную дверь, резко и тихо. Открывшаяся картина заставила его отступить на шаг, положив руку на спрятанный игломет.

Ничего общего с развлечениями тут не было. Вместо кроватей, плеток и пыточных инструментов этого маленького садомазохистского клуба стояли анатомические столы, на которых ловили всевозможные галлюцинации мужчины и женщины. Разного возраста, расы и степени истерзанности, они хныкали, стонали, просились к маме, выгибались в экстазе удовольствия, кричали и смеялись, требуя хозяина продолжать.

Перед центральным столом, под светом яркой лампы стоял высокий худощавый мужчина с короткими светлыми волосами, увлеченно распиливающий лазерным скальпелем очередную жертву эксперимента. Жертва на вид была достаточно молода, она комментировала каждое действие хирурга спокойным и сосредоточенным голосом, озвучивая все ощущения и свое самочувствие.

– Ты что за говно сварил, Гай? – моргнув, рыкнул Джек, закрывая за собой дверь. Гавриил Травкин медленно обер-

нулся, пытаюсь понять, кто именно стоит перед ним. На стерильном комбинезоне врача алыми пятнами расцветали все следы его экспериментов.

– Милый, закрой дверь, мне холодно, – подала голос со стола за его спиной растерзанная девушка. – Ты же только что удалил мой желудок, мне дует.

– Ебать-колотить, – только и смог выдохнуть Кацман, чувствуя, как даже его мутит от густого запаха крови, желчи и испражнений.

Вентиляция в помещении была отвратительной, если вообще была.

– Джек? – неуверенно спросил Гай, поднимая на лоб защитную пластиковую маску, забрызганную кровью. – Ты как меня нашел?

– По запаху, блядь, – не сдержался Кацман. – Ты тут что устроил, твою в корень душу мать? Совсем сторчался, братишка? Это что за мясные полуфабрикаты? Подрабатываешь сборщиком низкосортных андроидов?

Травкин обернулся к своей пациентке.

– Прости, милая, я вернусь позже.

Он аккуратно накрыл ее пластиковой простышкой, напомнившей Кацману мешок для отходов.

– Недавно я смог попробовать свою идею подбирать наркотические вещества под определенный генотип. Сейчас провожу опыты.

В расширенных зрачках Травкина отражался отблеск лам-

пы над столом, придавая голубым глазам выражение не то мертвеца, не то одержимого.

Под глазами Гая залегли черные синяки, бледная кожа обтягивала череп, словно бумага, тонкие бескровные губы слегка подрагивали от перевозбуждения.

– Пошли отсюда, я за тобой пришел, – тоном, не допускающим возражений, произнес он, сделав шаг к брату и стараясь не слушать и не смотреть по сторонам. – Пошли со мной, братишка. Хватит уже, пойдем.

Голос Джека стал ласковым, как когда-то в детстве, когда он уговаривал младшего брата не проводить первые химические опыты на себе, а поймать для этих целей хотя бы крысу.

– Нет-нет-нет, – лихорадочно затряс головой Гай, – я не могу... мои опыты в самом разгаре, я уже смог синтезировать вещество под конкретного клиента, только вчера закончил, пустили в производство. Мне сейчас никак нельзя уходить, Джек, никак.

Гавриил нервно облизнул губы, скосив глаза в сторону подопытных.

– Гай, послушай, – Джек медленно приближался к брату, стараясь не делать резких движений, – ты знаешь, я недавно был дома, на Суздале, представляешь? Тебя искал, а ты уже пропал, братишка...

Кацман нес какую-то пургу про бар, про боевых птичек бывшего директора, посмеиваясь над тем, как его брат всех сделал перед отлетом. Гай на некоторое время расслабился,

даже улыбнулся не так судорожно и нервно, как до этого, его глаза чуть затуманились, а Джек все продолжал и продолжал говорить, щедро сдабривая свою речь матом и делая акценты голосом на особо выдающихся местах в рассказе.

– И вот я попросил чешуйчатых крысят меня немного подвезти, рассказал им о том, какой у меня гениальный брат, они мне помогли тебя разыскать. Ну, не совсем по доброй воле, скорее уж, я не оставил выбора некоторым из них, а вот с документами, расположением твоей базы и контактами пришлось повозиться. Представляешь, я даже выиграл десантную капсулу, которая мне и пригодилась на Иерихоне...

– Ты связался с крысами, с чужими, – в глазах Гая промелькнул холод, – ты им меня сдал, брат!

Травкин попытался отступить на шаг назад, но наткнулся на стол, с которого тут же послышался женский голос:

– Милый, мне становится больно, мне снова нужен укол...

Джек резко ударил брата ногой прямо в живот, не слишком сильно, но достаточно, чтобы тот сложился пополам и стал задыхаться. Ловко выдернув из кармана на рукаве одноразовый шприц, Кацман кольнул Гая в шею. Тот почти сразу же обмяк. Джек подхватил Гая на руки, крикнув под его весом.

– Прости, братишка, нет времени тебе больше врать.

В этот же момент комм на его запястье ожил, подавая сигнал. Замаскированный под обычные старомодные часы «Ко-

мандор» приятно завибрировал, сообщая о высадке ожидаемой Джеком подмоги.

Подмога должна была помогать вовсе не Джеку, а самой себе, но Кацман об этом предпочитал не думать.

Выволакивая Гая на своем плече в коридор, его брат почувствовал несильную вибрацию, идущую по полу.

– А вот и крысы, нашли-таки проходы под землей.

Дождаться появления своих союзников Кацман не стал, собираясь убраться подальше до их появления. Если чужие не найдут тут обещанных складов нового чудо-препарата под авторством Гая, им обоим не поздоровится.

– Первый! Муха садится на планету! Перехват в ноль-точке, как понял?

– Отлично понял, Зона, сам ее хватай, я сворачиваюсь.

– Первый, что за на хер? Вы там совсем окосели? Муха садится без кодов!

– Зона, пошел ты на хуй, у меня по семерке с обоих векторов по крейсеру. И они-то садиться не собираются.

– Орбита-два, Орбита-Два, просим помощи, мы атакованы. Два кита на семерке, как поняли?

– Поняли! Сами в жопе, кэп, держитесь!

– Первый, муха села, отбой.

Переговоры на некоторое время стихли, но потом на мостике орбитальной базы появился сигнал приватного вызова по внутреннему каналу.

– Майк, что за хер? – ворвался из динамиков возбуж-

денный голос. – Ты почему не расстрелял этот сраный кораблик? У нас тут, похоже, переворот или крутая разборка. Готовься скашивать остатки. Этот мелкий говнюк притащил на хвосте целую эскадру!

– Мич, – устало просматривая сменяющиеся на мониторе данные, отозвался начальник орбитальной базы Иерихона, – ты позывные курьера видел? Нет? Держи, он как раз, похоже, обратно возвращается. Решил поделиться своими взлетными курсами, вежливая тварь.

– И что, блядь? – зло выкрикнул Мич в динамик, – ты меня покером хочешь удивить?

– Сам ты покер, Майк. «Блэк Джек» – это позывной корабля. И сдается мне, этот тот самый «Блэк Джек», который уже несколько месяцев не сходит с первых полос по всем каналам спецслужб. Не помнишь, как он неделю назад разобрался с группой особо рьяных пиратов вблизи Суздаля? Акулы до сих пор каждый день повышают ставку за его голову. Тебе надо, ты с ним и связывайся, а мне такая свистопляска нахрен не сдалась.

На другом конце помолчали, некоторое время начальник орбитальной базы слышал только шумы, помехи и отдаленные выкрики приказов, затем динамики снова ожили.

– Ты хочешь сказать, что перебивший отряд пиратов человек только что заехал к нам за сувенирами?

– Ничего я не хочу сказать, – мрачно буркнул в ответ начальник, – Но лучше бы наши магазины ему понравились.

Просто так, на всякий случай.

Блэк Джек оправдал закрепившуюся за одноименной игрой славу. Быстрота, простые правила и самое прямое решение вопроса – все, как в популярной до сих пор старинной карточной игре, позволившей Кацману приобрести такой нужный десантный бот всего полгода назад.

Глава 8

Космос

*Life it seems will fade away
Drifting further every day
Getting lost within myself
Nothing matters, no one else
I have lost the will to live
Simply nothing more to give
There is nothing more for me
Need the end to set me free*
Metallica – Fade To Black

На ее взгляд, все портовые кабаки были похожи друг на друга. Мелкие отличия, вроде цветовой гаммы или расположения столиков, Аннабель в расчет не брала. Одно оставалось всегда неизменным: наличие посетителей за кружками со спиртным.

Возможность смены спектра зрения позволяла ей спокойно находить в любом помещении любого человека, а если уж в распоряжении Уискер оказывались генетические пробы искомого объекта, то задача вообще выполнялась едва ли не с порога.

Сегодня не было ни генетического материала, ни описания, ни даже примерных характеристик. Фраза капитана: «Пойди и найди нам кого-то в команду, если делать нечего»

не давала никаких определенных данных.

Вряд ли Аннабель понимала, что капитан просто пошутил. Перед андроидом поставили задачу, и андроид пошел ее выполнять. Вот прямо так и пошел, в чем был. А был он, точнее, она, в ремонтной униформе – после очистки трюма, использовавшегося для перевозки живородящих водорослей, знаменитого боцмана стошнило по дороге аккурат на проходящую мимо Аннабель.

Из смены одежды под рукой была форма, вечернее платье на случай выхода при команде в свет, белье и простые штаны с майкой.

Для майки на планете было холодновато, и хотя Анна могла спокойно отключать температурную чувствительность, идущая сквозь лютую метель полуголая девушка вряд ли бы смогла не показаться подозрительной.

А вот скрытность своей природы стояло для Уискер на первом месте. Точнее, на одном из первых, куда эту самую скрытность и сунул капитан при закладывании программы.

Дверь кабака негромко хлопнула, и на пороге появились две девушки в обнимку. Обе высокие, широкоплечие, с каменными выражениями на лицах. У одной были длинные светлые волосы, собранные в косу до пояса, высокий лоб, широкие скулы и тонкие губы. Вторая была коротко стрижена под парня, имела тонкие черты лица и огромные синие глаза, которые тут же выделялись на лице за счет бледности кожи и темных волос.

Первая девушка, блистая отличным загаром, протиснулась к барной стойке и заказала два ядерных коктейля. К ней подтянулась и ее подруга. Когда заказ плавно подплыл на магнитном подносе, девушки сделали по глотку, а потом неожиданно стали страстно целоваться.

Аннабель внимательно смотрела на них. Ей всегда были интересны человеческие эмоции, но такого она еще не видела. Встроенный сканер показывал, что температура тел целующихся оставалась в пределах нормы, давление, пульс и дыхание не повышались, выражение лиц оставалось неизменным.

«Обычно люди как-то меняются на телеметрическом сканере, – отметила Анна, – это первая пара, у которой изменений нет».

Девушки к тому времени уже сменили выражения лиц на слащаво-счастливые, родив на точеных каменных мордашках улыбки, напомнившие Анне ролики о мерах предосторожности в обращении с дикими зверями.

В этот момент за спиной Уискер кто-то тяжело вздохнул и унылым, страдальческим голосом попросил бармена налить ему томатный сок с водкой.

Анна не обратила бы никакого внимания на посетителя, если бы бармен, а в этом заведении он почему-то был человеком, не уронил стакан при виде нового клиента.

Стакан, как и вся остальная посуда, естественно, не разбился, но в зале наступила минутная пауза тишины.

Аннабель повернулась к посетителю. Перед ней предстал унылый длинноволосый парень, довольно молодой, с серо-ватой кожей лица, впалыми щеками и почти круглыми глазами навывкате, чья радужка была ярко-красного цвета.

Парень вздохнул так тяжело, что Анна подумала, будто он решил напиться перед смертью. Капитан рассказывал, что некоторые люди так делают, чтобы в последний раз насладиться похмельем. Или процессом? Аннабель всегда путалась в этих понятиях, так как не понимала ни того, ни другого.

Посетители потихоньку стали рассасываться подальше от новоприбывшего. Кажется, эту личность тут знали хорошо...

Бармен сглотнул, побледнел и все-таки поставил перед посетителем огромный запотевший стакан с напитком.

Вот тут и началось самое непонятное...

Посетитель отхлебнул приличный глоток напитка и трижды ударился лбом о барную стойку, поскуливая и что-то бормоча. У Анны подпрыгнул стакан с соком. После чего длинноволосый мужчина обнял стакан обеими руками и затянул речь, обращенную в никуда:

– Я, старший сын самого древнего рода, Ульрих фон Цепеш, проведу остаток своей почти бесконечной жизни на томатном соке с водкой! Мои славные предки, литрами пившие кровь на планете Земля, расплодившиеся по всем обжитым секторам космоса, перевернутся в гробах, кроватях

и тумбочках от такого позора. Как мне жить после этого? Как я смогу смотреть в глаза своим родным? Какая женщина захочет подставить под укус шею, узнав, что я – вампир-вегетарианец? Кто, я тебя спрашиваю?

Спрашивал он свой стакан, но Анну очень заинтересовало, не ответит ли посуда? Всякое бывает, чем Бездна не шутит, как говаривал их боцман. Чем она шутит или нет, Уискер было неизвестно, но присутствовать при бесплатном эксперименте она была рада.

– Я должен был унаследовать фамильный замок, золотой перстень рода и полтора литра крови, сцеженной еще в докосмическую Эру, а теперь я стал позором для своей семьи, – продолжал изливать горе незнакомец, не забывая опустошать свой стакан. – Кому я такой теперь нужен? Для войны не годен, все способности уходят без свежей крови. Для порно – недееспособен, разве что на пару фильмов и хватит, и причина в том же. Даже зрителем на курорт не берут, потому что под солнцем мне плохо...

– Распадаешься на атомы? – не удержалась от вопроса Анна.

Посетитель перевел на нее невидящий взгляд и, обреченно махнув рукой, ответил:

– Нет, чтобы, милая леди, два литра сока с водкой смаривают почти моментально, а не пить я не могу, это позволяет мне хотя бы как-то забыться.

Он осушил стакан и жестом попросил бармена повторить.

Бледный служитель Диониса быстро наполнил второй стакан и поставил перед посетителем, бросив на Анну такой взгляд, словно она собиралась войти к голодным зверям без скафандра и лучемета.

– Лучше уходи, – шепнул он Анне, нагнувшись, – вчера он довел своим нытьем до короткого замыкания нашего андроида-бармена, вот и пришлось мне выйти – люди в этом плане пластичнее. А тебя он сожрет с потрохами этим скулезом.

– Думаете, я не человек? – с интересом спросила Уискер.

– Почему? – скосил взгляд на ее грудь бармен. – Просто забочусь о комфорте клиентов.

– И как я должен теперь жить? – почти фальцетом возопил Ульрих. – Кто меня возьмет на работу? Как я стану зарабатывать даже на такое? – он с ненавистью уставился на стакан с коктейлем. – И почему в жилах людей не течет томатный сок с водкой? – горько спросил он. – Моя жизнь кончена, я должен прямо сейчас написать подробное письмо своим родным и близким. Много, много писем я должен написать, чтобы смыть с себя позор...

– Томатов? – снова осведомилась Анна. – Ты хочешь смыть с себя томатный сок?

– Почему сок? – перестав скулить, даже поперхнулся Ульрих.

– У тебя весь ворот в соке, – пожала плечами Анна. – Да и голову надо вымыть. Впрочем, тебя целиком стоит постирать, – кивнула она.

Вампир немного опешил, хлопая глазами, он пристально рассматривал незнакомку.

– А ты техник? – внезапно осенило его, когда он понял, что надето на девушке. – С какого корабля?

– С хронотранспортного рейдера, – ответила Анна, – но ты не отвлекайся, мне надо собрать данные о твоих проблемах и их проявлениях в обществе. Ты очень интересный случай.

Ульрих как раз сделал глоток сока с водкой и, поперхнувшись, фонтаном оросил стойку брызгами красного цвета. Подбородок вампира украсили алые капельки, глаза расширились и в ужасе уставились на улыбающуюся Анну.

– Тебе интересна моя история? – замирая, спросил Ульрих. – Рассказать сначала?

– Нет, – махнула она рукой простодушно, – зачем она мне? Мне интересно посмотреть, как ты самоуничижаешься при людях, что явно не способствует решению проблем или наличию искомой тобой работы.

Ульрих в панике и недоумении дернулся, свалившись с высокого стула. Задетый при падении коктейль тут же рухнул ему на голову, выплескивая содержимое на немытые волосы.

Анна смотрела на него сверху вниз. Изучающе, прищутив голубые глаза, и покручивая в пальцах черный локон.

– Ты в космопорту-то чего делаешь? – спросила она. – Тут не биржа занятости, здесь работа только для узких специаль-

ностей бывает.

– По образованию я бортинженер, корни рода обязывают, – поднимаясь на ноги, произнес Ульрих, – но за долгую жизнь выучил много профессий...

Анна уже не слушала его исповеди об обучении, счастливых временах, когда можно было пить кровь, и о том, как однажды все закончилось. У нее появился шанс выполнить задание капитана – притащить на борт «хоть кого-то, плазма вас сожри, кто не путает гайки со стрелками».

Глава 9

«Астарта»

Ульрих. Прием на работу

*Вплети меня в свое кружево
Незаметно и легко,
Может, только это нужно мне,
Да и больше ничего.*

Пикник – Вплети меня в свое кружево

Аннабель нашла капитана на мостике. Лицо Рика выражало крайнюю степень задумчивости, как определила его состояние Уискер. Суровый главарь космического корабля сидел перед отключенным пультом управления, сдвинув брови, и поглядывая в пространство очень сосредоточенным взглядом. Впрочем, взгляд был невидящим, а пальцы намертво вцепились в подлокотники удобного кресла пилота.

– Капитан! – окликнула его Анна, едва шагнув на мостик. – Я нашла вам «хоть кого-нибудь»! – сообщила она, подталкивая вперед ослотившего от событий Ульриха. – Это Ульрих, у него огромный опыт полетов, разнообразное и разноплановое образование и талант к деструкции андроидов. А еще он пьет томатный сок и часами разговаривает со стаканами о том, как ему плохо живется.

Капитан дернул глазом, выплывая из задумчивости. Он

поморгал, словно вспоминая, кто эта женщина и почему она в одежде? Через пару секунд взгляд Рика стал осмысленным, пятно с женским голосом обрело очертания старпома, одежда преобразовалась в комбинезон ремонтника, а пятно рядом стало обретать черты болезненного парня с красными глазами наркомана или алкоголика.

– Плазму вам всем в задницу, это еще кто? – хрипло спросил Рик, поглядывая на Ульриха. – Ты где этот артефакт мелового периода выкопала? На сдачу в баре дали? Так он не стоит ничего, его даже в бордель не продашь.

На сей раз пришла очередь Ульриха часто моргать и хватать ртом воздух.

– Почему на сдачу?

Анна придирчиво осмотрела экземпляр, ткнула пару раз пальцем под ребра и уже полезла смотреть в зубы бедняге фон Цепешу, когда тот, отшатнувшись, прилип к стене, повиснув на ней, как на присосках всеми четырьмя конечностями.

– Однако... – хрюкнул капитан, и его глаза заблестели. – Полезный навык, сэкономим на страховочных ремнях. К тому же, Кацман все равно последнюю партию уже наверняка пропил.

– Слезай, – спокойно дернула вампира за шиворот Анна, от чего Ульрих тут же сверзился на пол, не устояв перед силой андроида. – По стенам на корабле ходить и ползать запрещается уставом.

Вампир тихо заскулил, вполголоса затянув старую песню о проклятии, томатном соке и паленой водке, после которой ему это мерещится.

– Ну-ка, иди сюда.

Рик встал с кресла, рывком поднял на ноги Ульриха и стал осматривать его со всех сторон, вертя худосочного вампира перед собой, как товар на рынке. Выражение на лице капитана при этом было таким скептическим, что фон Цепеш сам усомнился в том, что стоит дороже дохлой крысы.

– Чего делать умеешь? – строго спросил Рик, сдвинув для остротки брови, и легонько встряхнув вампира для стимула.

– Все, – пискнул Ульрих, стараясь не прикусить своими же клыками себе язык. – Техническое образование получал на Земле, знаю историю планет, проходил углубленные курсы археологии, истории и искусства.

– Ученый, что ли? – рыкнул капитан, стараясь скрыть веселье в глазах. Ему было откровенно весело смотреть на землистый оттенок лица вампира, его расширенные от страха и непонимания глаза и на спокойную, как отработанная капсула в вакууме, Анну, придиричиво разглядывающую стену, на которой только что висел вампир.

– Да, – прикрыв глаза и затаив дыхание, шепнул фон Цепеш.

– Ну и отлично! – хлопнул его по плечу Рик, придерживая на всякий случай Ульриха, чтобы тот не покатился по полу. –

Будешь оценивать всякое... – он покосился на задумчивую Аннабель, – всякое, в общем, будешь оценивать, – закончил он. – Работа нужна? – спросил он для проформы.

– Нужна, – ответила за него Анна. – Он три часа всем по ушам катался, как вы говорите, о том, что денег нет у него, а кушать хочется, да и на томатный сок с водкой не хватает.

– Ты пьешь томатный сок?

До капитана только что дошло, что сказала ему андроид в самом начале разговора.

– Зачем? Впрочем, – он махнул рукой, – нам же лучше. Но если кого покусает, кусай ее, – он кивнул на Анну, – ей все равно, а мы можем обидеться.

– Почему ей все равно? – не понял Ульрих, медленно приобретая нормальный цвет лица и отряхиваясь от пыли. – Я, вообще-то, кровь не пью, но...

– Она...

Капитан не успел договорить, его перебила Анна.

– Я – новейшая модель андроида, созданная с применением последних технологий, включающая в себя два контура жизнеобеспечения и являющая собой самый удачный и прочный симбиоз человеческих тканей и высоких технологий.

Она поправила выбившуюся прядь черных волос, вызвав у вампира некоторое замешательство таким откровенно человеческим жестом.

– Аннабель Уискер, – представилась она, кивая.

– Раздери меня на части тахионным излучением, – про-
бормотал капитан. – Никакой дисциплины на борту.

Он смерил вампира оценивающим взглядом и, сурово
сдвинув для остратки брови, сказал ему:

– Пошли со мной, поговорим...

Глава 10

Ульрих. История бортинженера

А может быть, и не было меня – скажи?

И кровь, как речка, между камней сама бежит.

Пикник – «А может быть и не было меня»

Серая каменистая пустыня, год от года расплывавшаяся по плодородным землям Старого Аквара, тянулась до самого горизонта. Видневшиеся по краям жалкие чахлые деревца только усиливали ощущение безысходности и давящей обреченности, которое возникало у каждого посетителя этих недружелюбных земель.

Высокое лазурное небо, нереально ярким пятном контрастирующее с пейзажем внизу, медленно затягивалось низкими серыми тучами. С юга наплывал циклон, приносящий в суровые земли сезон дождей, холода и тягучей печали.

Старший лейтенант СБУ Протектората Майерс Хоул терпеть не мог ни это место, ни сам Старый Аквар, ни даже планету, давшую приют последним из расы человекоподобных гемоглобинзависимых существ.

«И какого хрена тот же ХаСОМ не перестрелял их еще на заре формирования? – печально думал Майерс, цепко держа в руках штурвал десантного катера, на котором спускался к поверхности. – Зачем изображать из себя любезных

и радушных покровителей, если каждый в галактике знает, что срать мы все хотели на этих опустившихся вампиров?»»

Легкая машина с опечатанным грузом в термостойких капсулах спускалась почти бесшумно, но лейтенант Хоул заметил движение медленно стягивающихся к точке высадки вампиров еще загодя.

Разжалованный из звания капитана, старший лейтенант Майерс Хоул от всего сердца ненавидел свою новую работу официанта, не желающих передохнуть гемоглобинзависимых существ, унылую суровую Фьорду, своего бывшего друга, оформившего донос начальству, и самого себя. Да, пожалуй, самого себя лейтенант Хоул ненавидел куда как больше остальных.

Потомственный военный, чья семья привыкла здороваться за руку с главами комиссий и каждым из штабных генералов, он стал позором всего клана Хоулов, отправившись подносить кушанья оборванцем на Фьорде, которая почти целиком была отдана под заповедник вымирающей расы вампиров, любовно согнанных сюда со всех планет и секторов галактики.

И то, что некогда многочисленная раса гордых и сильных воинов оказалась здесь после недолгой, но кровопролитной войны с Протекторатом, взявшим теперь на себя роль няньки, никого, казалось, не волновало. Не волновало это и лейтенанта Хоула. Отвез, разгрузил, раздал и улетел обратно на базу. Подальше от вида серых камней, серых обескров-

ленных лиц вампиров, серого неба и серых тошнотворных мыслей самого себя.

Катер, подчиняясь легкому касанию пальцев через сенсоры управления полетом, пошел на снижение, поднимая с камней пустыни грязную пыль.

Перед выходом Майерс всегда опускал зеркальное забрало шлема, проверяя, герметичен ли его комбинезон офицера СБУ.

«Вернусь – обязательно выстрелю себе в рот из табельного плазменника, – ритуально пообещал себе Хоул, открывая грузовой отсек. Похожая на вытянутое блюдо машина скрипнула механизмами и выпустила из чрева широкую ленту транспортера, по которой должны были спуститься емкости с грузом. Майерс в очередной раз покрыл себя и Фьорду нецензурными молитвами, осенил себя неприличными знаменами и сплюнул под ноги, досадливо размазав плевков ребристой подошвой.

Марта не спала всю ночь. Дети кое-как успокоились, но она знала, что обманывать их еще хотя бы один день не получится. Младшие могли какое-то время просто плакать, просить еды, но, получая ее, не насыщаться, а лишь делать удивленное лицо. А вот старшие уже начинали проявлять все признаки беспокойства. Суровые взгляды в сторону приемной матери, тонкие поджатые губы, острые взгляды и слова наводили на мысль о том, что у них начинается болезнь недостатка крови.

БНК не была редкостью среди расы вампиров, выселенных подальше от сытых и сверкающих миров Протектората. Медленно, но верно разрушающая ЦНС, она сводила с ума столь же тихо, как разъедала кровеносную систему, сердце и мелкие сосуды. Вопреки сложившемуся мнению о вампирах на Земле, данные представители расы гемоглобинзависимых имели кроветворную систему, определенную температуру тела и могли спокойно размножаться. Да, тела оставались достаточно прохладными на ощупь, но это никак не было связано с отсутствием сердцебиения или самой жизни в телах вампиров. Строго говоря, вампирами они и не являлись. Покорившие суровую систему далеких звезд еще на заре космической экспансии, когда человечество только-только выползло из пеленок, делая робкие попытки полетов к Луне, прародители современных вампиров вынуждены были адаптироваться к климату планет, на которых жили.

Пригодные для жизни теневые стороны адски жарких планет-прародителей дали вампирам Протектората бледную кожу почти землистого цвета. Способ не плавиться от невыносимой духоты и жары остудили тело, снизив показатели температуры до нескольких градусов ниже стандартной человеческой. Мутации, радиация и биологическое загрязнение планет подарили вампирам стойкую зависимость от чужеродного гемоглобина и плазмы крови животных. Ходили упорные слухи, что вошедшие в древнюю историю на Земле рассказы и мифы о вампирах среди людей появились там

как раз тогда, когда пропала первая колонизационная волна энтузиастов-исследователей, решивших отправиться на покорение других, соседних планет.

Теперь же дела обстояли так, что каждый из выживших, сосланных в резервацию представителей необычной для человечества расы должен был каждый год проходить процедуру контроля. Отмечаться, получать запас свежей крови и уходить обратно в темные пещеры Аквара, начинавшиеся как раз за каменистой пустыней.

Унизительно, противно, жестоко, но необходимо. Это понимала и Мария, у которой внезапно оказались на руках целых шестеро чужих детей, оставшихся в наследство от скончавшихся три месяца назад сестры и ее мужа.

Глава семейства погиб при обвале шахты, где работал, а его жена умерла от голода, оставив детям свою порцию крови. На самом деле, и это Мария знала точно, сестренка просто сбежала с богатым и зажиточным жителем города, оставив ее с детишками доживать век в окраинных пещерах. А муж, прежде чем свалиться головой в штольню, хорошенько принял на грудь. Впрочем, этого младшим детям Мария бы никогда не рассказала.

Майерс Хоул спрыгнул на безжизненную каменистую почву, и мелкие камешки из-под ребристых подошв его ботинок брызнули в разные стороны. Он обвел взглядом медленно подтягивающихся к месту высадки вампиров и, стянув черную перчатку с руки, приложил ладонь к сенсору панели

управления грузовым отсеком. В зеркальном щитке шлема отразился огонек панели управления, и по выдвинувшейся ленте транспортера поползли контейнеры с кровью.

– По одному, карточки протягивать медленно, – бросил он через плечо, управляя разгрузкой... Благодаря ловким манипуляциям лейтенанта Хоула рядом со шлюпкой развернулась полевая станция выдачи крови. Майерс обвел хмурым взглядом образовавшуюся толпу, и остановился на изможденном бледном лице молодой женщины, стоявшей в первых рядах.

Высокая, худая до измождения, с короткими светлыми волосами, она стояла прямо, прижимая к груди идентификационную карту, и смотрела на Майерса большими зелеными глазами.

В груди лейтенанта Хоула что-то екнуло и оборвалось. Нечто неуловимое в облике этой женщины привлекало внимание лейтенанта настолько, что он несколько секунд не мог оторвать от нее взгляда. Через некоторое время, когда рядом раздались нетерпеливые покашливания, Майерс посмотрел на развернутую станцию и впервые в жизни осознал всю бессмысленность и никчемность своей работы. Мысль, острой иглой кольнувшая сознание лейтенанта, показалась ему настолько нестерпимой и давящей, что он едва не развернулся и не улетел прочь, оставив груз на поживу местным жителям.

Коротко стриженная блондинка заметила замешательство курьера, подождала, пока он возьмет себя в руки и шагну-

ла вперед. Тут же ее оттолкнул невысокий толстяк, омерзительно сопящий и отдувающийся, как от долгого бега. Он появился будто из ниоткуда, брызгая слюной и шумно втягивая мясистыми ноздрями сухой холодный воздух.

– Барон Крюгер, – выдохнул он, тыкая своей картой в лицо Хоулу, – я беру двадцать порций, вот бумаги...

Он порылся в карманах и вытащил кипу одноразовых карточек на допуск.

– Она стояла первой, – неожиданно для самого себя сказал Майерс, указав на блондинку за спиной барона. – И двадцать порций у меня нет в одни руки. Иначе может не хватить остальным.

– И что? – взвился барон Крюгер. – У меня большая семья, родные и близкие!

Майерс одним движением сгреб в охапку толстячка, придвинул к себе и заглянул в бесцветные глаза через преграду зеркального щитка шлема.

– Я тебе не верю, – прошипел Хоул, вложив в слова всю ненависть к этому месту и конкретному человеку перед ним. – И сунь свои фальшивые карточки в свою толстую задницу. В конец очереди! – рявкнул он на барона так, что у того на голове заколыхались жидкие волосы. – Иди сюда, – внезапно севшим голосом позвал он высокую блондинку, оттесненную пухлым бароном. Тот попытался протестовать, но Майерс так посмотрел на барона, что Крюгер подавился своими невысказанными словами.

Мария подошла к Хоулу, глядя прямо в глаза курьеру СБУ Протектората, и протянула свою идентификационную карту. Майерс ловко вскрыл первый контейнер, и по собравшейся толпе прокатился дружный сдавленный стон.

– Семь порций, годны год по стандартному планетарному времени, – менторским тоном произнес он заученную фразу, сунув карту женщины в ручной сканер на запястье. – Колбы сохраняют природную температуру даже после вскрытия, – зачем-то добавил он то, что и так было известно из инструкции на каждой баночке с кровью животных.

– Спасибо, – вымученно улыбнулась Мария, прижимая к груди полученную кровь. – Я не для себя, – почему-то добавила она, будто извиняясь перед старшим лейтенантом.

И тут Майерс понял, что привлекло его внимание в облике незнакомки. Она была человеком. Жительница Протектората или другого объединения, диких колоний первой волны заселения, а, быть может, даже нелегалкой на Фьорде, но она не была гемоглобинзависимой.

– Почему? – тихо-тихо спросил Хоул, почувствовав, как на лице ходят желваки.

– Моя сестра жила с вампиром, – быстро и так же тихо ответила Марта, отступая прочь, – она и ее муж погибли недавно. У меня остались дети...

Женщина нервно оправила волосы, кивнула и бросилась прочь. Майерс Хоул еще долго думал о ней. Он продолжал проигрывать внутренний диалог с незнакомкой до тех пор,

пока не понял, что в катере кончился груз, а толпа страждущих растворилась в серой пыли подступающего дня, скрытого напоздшими тучами. Набрякшие от дождевых капель, они нависали над лейтенантом Хоулом, как дамоклов меч над повинной головой приговоренного.

Майерс забрался в катер, положил руки на сенсоры управления и замер. По корпусу начали барабанить первые капли холодного дождя, а Майерс Хоул все никак не мог решиться дать старт с ненавистной планеты, к которой он оказался привязан куда как более прочным поводком, чем долг и обязанности.

– Через семь лет они поженились, – закончил фон Цепеш. – Мой приемный прадед увез мою приемную прабабку на Землю, дослужившись до звания майора. Он получил его в одном локальном конфликте на Европе, когда население спутника внезапно воспротивилось переселению на развивающийся Ганимед. Я не знаю, в чем было дело, но за ту короткую историю длинную в пару месяцев Майерс Хоул полностью поседел, вышел в отставку майором и никогда не рассказывал своей жене о событиях конфликта в зоне спутника Юпитера.

Ричард постучал пальцами по экранчику комма.

– Когда это было? – спросил он у нового бортинженера.

– Почти пять сотен лет назад, после первой массовой волны терраформации планет Протектората, – отчеканил Ульрих фон Цепеш. – В моих жилах течет кровь благородного

рода, капитан. Мои предки нашли близких по генетике существ на Земле, положив начало новому роду фон Цепешей. Но не стоит беспокоиться, что я перенял все худшие качества легендарного предка по материнской линии.

Ричард Морган смерил взглядом стоящего перед ним на вытяжку нового члена команды, оставив при себе мысли о том, когда и как он будет беспокоиться, да и по какому именно поводу.

– Добро пожаловать в команду, бортинженер.

Глава 11

«Астарта»

Ульрих. Разговор незнакомцев

Только речи его горячи

Только прочь сомнения, прочь.

Самый звонкий крик – тишина

Самый яркий свет – ночь.

Пикник «Самый звонкий крик – тишина»

«Астарта», 02:11 по корабельному времени

– ...А потом я попал к тем людям, которые просто выбросили меня на первой же попавшейся стоянке, – трагически завывал на одной ноте Ульрих, пока Травкин снимал показания датчиков. – Они выбросили меня, как мусор в вакуум, просто бросили на планете и сбежали!

– Да я с ними солидарен, блядь, – тихо прошипел Джек, опрокинув в рот минералку. Он был трезв и потому крайне плохо переносил общество депрессивного вампира, своего брата и жизнь в целом. Гавриил стоически продолжал записывать в личное дело нового члена экипажа медицинские данные, цифры, пометки и особенности Ульриха фон Цепеша.

– А знаете, с чего все это началось? – вампир шмыгнул длинным носом и заискивающе взглянул в глаза Джеку.

– Нет! – хором отозвались братья. – И знать не хотим, – синхронно продолжили они. На какое-то время Ульрих замолчал, обиженно сопя, но пауза продлилась недолго.

– Когда я почти умер, – загробным голосом начал говорить он, – когда оказался на грани жизни и смерти, осознал в полной мере все свои ошибки, когда мне оставался один шаг в забвенье, вот тогда меня и озарило. Именно тогда я решил дать обет вегетарианства, навсегда отказавшись от теплой крови разумных или животных.

– Лучше бы ты сдох, – смачно сплюнул в ближайший лоток Кацман. – Гнида истеричная.

– Что? – спросил вампир, не расслышавший слов боцмана из-за гула приборов. – Ты что-то спросил?

– Не разговаривай, данные будут неточные, – отрешенно пробормотал Травкин, с головой погрузившись в работу. Он тоже, как и его брат, не позволял себе лишнего, едва Астарта вышла к точке прыжка.

Непривычно серьезный, с холодными, как лед, голубыми глазами, Гавриил сильно напоминал ангела Апокалипсиса или, хотя бы, очень злого и беспринципного его потомка.

Кацман выглядел еще хуже. Мало того, что ему пришлось со щеткой соскребать с себя недельный слой грязи, так еще и начисто вымытые волосы он расчесывал не меньше двух часов, что уж никак не добавило ему хорошего расположения духа. Обрядившись в старую черную футболку, на которой едва угадывались буквы древней группы в стиле хэ-

ви-металл, он с непривычки даже попытался вспомнить, что же именно было когда-то написано на этом раритете.

Вспомнив, что футболку он делал сам по макету с картинкой, найденной корабельным искином, он совсем скис. Не помогли даже старые любимые джинсы, с любовно заштопанными дырками и кучей металлической фурнитуры, бережно цепляемой Кацманом на каждой планете, куда он прилетал. По его штанам можно было рисовать новый атлас обитаемых миров, если бы он сам точно помнил, с какой именно планеты притащил и присобачил к джинсам ту или иную фиговину.

Травкин таким хобби не страдал, однако, в сборах новых образцов местной наркотической флоры себе не отказывал.

– Ничего я не спрашивал, – налил себе еще минеральной воды боцман, – тебе показалось.

«Неужели эта сопля реально томатный сок с водярой хлещет? – подумал в ужасе Джек. – Да ему же с детского шампанского плохо будет».

Шаблоны бывалого боцмана рвались в клочья, усеивая ментальный пол кусочками растерзанных представлений о жизни.

– Все, – щелкнул тумблером отключения приборов, сказал Травкин. – Можешь одеваться и быть свободным.

– Настоящая свобода в душе, – поджав губы, пафосно сказал Ульрих. Кацман тихо завыл, а его брат только рассеянно кивнул.

– Значит, так, – решился на выпад боцман, подтаскивая к себе за грудки обалдевшего вампира, – с момента старта ты переходишь в мое личное пользование до особых распоряжений капитана. Если выучишься и освоишься быстро, так и быть, я отпущу тебя живым на твое рабочее место. Но в первом рейсе ты полностью мой, от кончиков волос до твоей бледной тощей задницы...

Он еще даже не успел договорить, как Ульрих, злобно зашипев, с нечеловеческой силой отшвырнул Джека к стене.

Сползая по ней, Кацман с уважением подумал, что парень не так уж безнадежен.

– Только попробуй, – с сильным немецким акцентом прошипел вампир. Его клыки удлинились, глаза полыхнули красноватым огнем, а черты лица заострились.

– Ты не безнадежен, – потирая ушибленную голову, отклеился от стенки Кацман. – Но предупреждаю: еще раз заведешь свою пластинку про несчастную жизнь, я тебя лично на паровой котел насажу по самые клыки. Понял?

Ульрих кивнул, приобретая нормальное, даже слегка виноватое, выражение лица.

– У нас нет парового котла, – шепнул на ухо Травкин своему брату, когда вампир вежливо решил подождать за дверью. – Ты его сам и пропил. На кастрюлю, что ли, сажать будешь?

– Надо будет, и на кастрюлю посажу, – буркнул Джек. – Если по-другому не заткнется.

Док тяжело вздохнул. Он знал своего брата лучше остальных, а потому горячий вечер без свечей вполне мог оправдаться.

Заведение быстрого питания где-то у ремонтных доков.

Примерно то же время

Немолодой, коротко стриженный мужчина вразвалочку подошел к одному из столиков, за которым скучал с чашкой дешевого кофе интеллигентный молодой человек в темных очках. Мужчина в комбинезоне ремонтника потер испачканные в чем-то маслянистом руки о свою одежду и надтреснутым голосом обратился к молодому человеку:

– Не занято?

– Я жду друга, – не глядя на подошедшего, ответил тот.

– А мы уже друзья? – старик тихо захихикал. – Друзей я в таких местах не принимаю.

Интеллигент поднял взгляд на ремонтника, подумал несколько секунд и неуверенно кивнул на стул напротив.

– Садитесь, – тоном аристократа сказал он, инстинктивно отодвинувшись назад.

– Какие новости?

Старик без стеснения забрал у молодого человека его порцию кофе и пододвинул к себе грязную пепельницу. Достав дурно пахнущие сигареты, он закурил, стараясь выпускать дым в лицо собеседнику.

– Никаких, – поморщившись, очкарик разогнал дым холеной рукой. – Почти никаких.

Старик-ремонтник крякнул, делая большой глоток кофе.

– Агент на корабле молчит. Прошло уже достаточно времени, чтобы я советовал отменить операцию. Стоит признать, что и в этот раз у нас ничего не получилось.

– Пока что приказы тут отдаю я, – ледяным тоном сказал старик, не поднимая взгляда на собеседника. – Какая именно информация последний раз поступала с Астарты?

– С тех пор, как капитан обновил команду, никаких. В том числе, и от нашего агента на борту. Мы не знаем, получилось ли у него выскрести из корабельного искина хотя бы записи о последних полетах, не говоря уже о том, чтобы у него появилась информация, которая нам нужна.

– Агент жив?

– Да, его видели сегодня.

– Значит, операция продолжается, – удовлетворенно выдохнул дым старик. – Пока есть хотя бы один шанс, я не отменю задание и не стану давать приказ на включение режима уничтожения у агента.

– Голова капитана Ричмонда – это не корабельный искин, – обиженно поджал губы очкарик. – Может потребоваться время.

– А мы торопимся? – удивленно взглянул на него старик. – Лично я – нет.

Он сладко улыбнулся, глубоко затягиваясь дешевым табаком. Окурок почти обжег ему пальцы, когда старик все же смял его в пепельнице.

– Я просто думал, что... – смутился молодой человек.

– Приказа думать я тебе не давал, – отрезал старик. – Без тебя умных до хрена, сопля инкубаторская. Думать он тут решил, блядь, посмотрите на него!

Интеллигент покрылся красными пятнами, но промолчал.

– В общем, так, – жестко произнес старик, – Ждем вестей от нашего агента. Рано или поздно он выйдет на связь. Я не верю в то, что он внезапно начал проявлять участие или перешел на сторону капитана Астарты, а это значит, что он с нами свяжется. Надо дать время на адаптацию, время на полное сращивание вложенных программ и распаковку спящих модулей. Слишком рано пока хоронить мертвецов.

Старик мерзко захихикал. Внезапно он резко встал и поплелся к выходу, переваливаясь с ноги на ногу, словно инвалид. Со стороны могло показаться, что у старика вместо ног протезы, или что он безумно устал со смены в ремонтных доках. На самом деле и то, и другое было почти правдой.

Глава 12

«Астарта»

Кацман. Похмелье

*Мама, я не могу больше пить
Мама, я не могу больше пить
Мама, позвони всем моим друзьям
Скажи – я не могу больше пить
Вот она – пропасть во ржи
Под босыми ногами ножи
Как достало жить не по лжи —
Я не могу больше пить
Аквариум – Мама, я не могу больше пить*

Кацман открыл один глаз. Судя по его ощущениям, это был третий глаз, возникший прямо посреди лба и обзревающий обстановку с высоты тонких миров. Боцман вслепую потянулся за бутылкой местного самогона из еловых опилок и птичьего помета, нашел емкость и лихо опрокинул ее в рот.

Во рту не появилось ни капли живительной влаги. Так и не разлепив ни одного глаза, Джек потряс бутылку в рот, даже облизнул горлышко, но, убедившись в бесполезности своего занятия, разом открыл оба глаза.

Неяркий свет технического отсека показался боцману солнцем Магарры, вошедшем в зенит, и ослепляющим сво-

ими жестокими бело-голубыми лучами.

В голове тут же появилось тиканье часов, отмеряющих последние секунды жизни боцмана. Взгляд осоловевшего бедолаги уперся в кривую и помятую этикетку на бутылке, которую он все еще продолжал держать перед раскрытым ртом.

– «Jack Daniels», – хриплым шепотом произнес он, читая надпись, – тезка, значит. И чего ж ты такой жестокий, а?

Кацман страдальчески отшвырнул пустую тару в угол, где та звонко ударилась о своих стеклянных соседок.

«Надо прибраться перед стартом, пока мне Рик яйца не расколол», – подумал боцман. Голова тут же протестующе отозвалась треском и помехами, как испорченный тахионный маяк планеты.

– Блядь!

Кацман смачно плюнул себе под ноги тягучим сгустком желтоватой слюны, добавив еще пару крепких выражений, многоуровневости которых позавидовал бы и сам капитан.

– Какого хрена эта дура вытащила меня из-под грузового подъемника? – забормотал боцман, лихорадочно обшаривая свое временное пристанище в поисках заначки. – Все так хорошо шло, если бы не эта идиотка с ее программами защиты экипажа.

Исторически сложилось так, что Джек Дэниэлс Кацман не страдал тяжелыми запоями исключительно в рейсах. Рассудительности при этом боцману хватало на троих, профессиональные навыки его не страдали, а точность удара в че-

люсть, как и его сила, оставляли далеко позади всех конкурентов. Кацман бил редко, но только один раз и наверняка. Если он понимал, что не свалит противника, у него было два варианта: делать ноги, в чем изрядно помогало чутье крови евреев Восточной Европы, или брать в руки предмет потяжелее и повторять попытку.

Первое, однако, случалось чаще. Зато второе было фатально.

Кацман перерыл все укромные уголки, заглянул под лежанку, и, сев на пол, обхватил голову руками. Длинные спутанные волосы неопределенного цвета плавно закачались со-сульками из стороны в сторону.

– Ебтыть меня в макушку, какого хера делать-то теперь? – страдальчески хрипел боцман, лишенный опохмелки на этот день. – Не к Уискер же идти за спиртом. У нее-то есть доступ в медотсек, но там же вечно курит этот глист в халате.

Врача боцман не любил только с похмелья. Впрочем, в этом состоянии он вообще никого не любил, а особенно, себя. Мутные глаза боцмана то и дело моргали, по белкам, приобретшим желтоватый оттенок, проходили ниточки красных лопнувших сосудов, а пальцы и сами руки судорожно тряслись до самых локтей, что никак не добавляло голове покоя.

– Убью, – зарычал он, ни к кому конкретному не обращаясь. – Всех убью, – решил он уточнить в пространство.

Джек поднялся на ноги и, пошатываясь, пошел прочь в свою каюту, придерживая для верности падающие стены.

«Давно говорил капитану, что у нас все переборки сгнили, – думал он, – так тот пока сам не провалится, нихера не обратит внимания»

Обозревая окрестности красными бычьими глазами, оставляя позади себя слоистое амбрэ из перегара и немытого тела, боцман дошел до своей каюты, в которой бывал только в рейсах. На стоянках он перебирался в самые дальние уголки корабля, обосновывался там, вил себе гнездо, и высиживал яйца до самого отлета. Как Джек умудрялся трезветь ровнехонько к старту, не знал даже капитан. Впрочем, сам Джек этого тоже не знал.

По дороге боцман припомнил, что принудило его накануне уничтожить даже запас опохмелина, и картинка, всплывшая в его голове, заставила Джека скривиться еще больше, чем от звона в черепе.

Дело в том, что он вчера решил заседать на открытой палубе, совмещая приятное с полезным, распитие паленого самогона, гордо именуемого «виски», с мелким ремонтом текущих проблем. На «Астарте» всегда тянулся вялотекущий ремонт, замена деталей или простое превращение совсем негодного во что-то еще годное.

Как раз под конец первой бутылки боцман и заметил на экранах, где шла картинка с внешних датчиков корабля, двух девушек, следующих на приличном расстоянии от приближающейся к шлюзу Анны. Рядом с Анной тащился, пугаясь в конечностях, какой-то серо-желтый дохляк, посту-

квивающий зубами так, что, казалось, это было слышно даже из рубки управления.

Джек успел заметить только то, что у одной из девушек были длинные волосы, а у второй короткая стрижка, но вот поведение парочки мало напоминало ему крепкую лесбийскую любовь.

Военную выправку длинноволосой не скрыла даже темнота стояночной площадки, да и вторая девица двигалась на удивление плавно и профессионально, избегая прямого попадания под камеры или датчики «Астарты».

Паранойя боцмана, заставляющая его топиться в бутылках на стоянках, с потрохами сожрала его сознание. Заслышав, как в рубку кто-то идет, боцман лихо смотал удочки, даже не пожелав проверить, кто именно приближался.

Теперь же ему предстояло крепко подумать, докладывать ли об этом Ричарду или оставаться со своей манией преследования наедине. Джек решил, что подумает об этом после того, как голова перестанет дробиться на уравнения высшей навигационной математики.

Глава 13

«Астарта»

Джек и Гавриил

*Я не хотел тянуть баржу
Поэтому я хожу-брожу
Если дойду до конца земли
Пойду бродить по морю
Если сломается аппарат
Стану пиратом и буду рад
Без колебаний пропью линкор
Но флот не опозорю
Аквариум – Стаканы*

Джек остановился перед ярко раскрашенной дверью, за которой притаился медотсек. Прочная граница в святилище «Клизматика», как ласково именовал доктора Джек еще с детства, разноцветным пятном выделялась на фоне привычных и скучных перегородок и пластиковых панелей.

К современному изобразительному искусству приложил руку сам царь и бог врачевки, он же неизменный Гавриил Самуилович Травкин.

Джек взирал на аляповатый постмодернизм доктора, как на тест для психбольных. С этими самыми тестами у боцмана были связаны самые мерзкие воспоминания, а потому двери

в больничку Кацман ненавидел еще больше, чем Травкина с похмелья. С силой засадив кулаком в пластик, Джек почувствовал расходящуюся волну ядерного взрыва в голове. Он стиснул зубы, но снова занес руку для удара. А что делать? Спасти его жизнь в данной ситуации мог только бывший полевой хирург.

– Открыто, брат мой, – раздался из-за двери спокойный, даже умиротворенный голос врача. – Входи и раздели со мной этот прекрасный день.

Джек подавил в себе желание – вот прямо здесь и сейчас – достать табельный плазмомет, и выплавить новое отверстие в голове Клизматика.

– Не стой на пороге, брат, я хочу видеть твои жизненные циклы ближе, – расплылся в умиленной улыбке Гавриил Травкин, когда на пороге показался яростно сопящий Джек.

– Ты обкурился, блядь? Не видишь, человек помирает. Заткнись и дай чего-нить похмелиться.

Врач, сидевший в позе лотоса прямо на полу медотсека, медленно встал, тщательно осмотрел гостя и, размеренно покачав головой, взял со стола хрустальную пирамидку, попытавшись приложить ее ко лбу Джека. Боцман зарычал, сжимая кулаки, а из его ноздрей явственно потянуло серой и дымом.

Доктора. Впрочем, это ничуть не смутило. Он обошел Кацмана по кругу семь раз, напевая странные мелодичные мантры, потом трижды хлопнул в ладоши, и по комнате раз-

лился тихий звук сектантских песнопений под музыкальные перезвоны бубенцов и колокольчиков.

Джека замутило. Нервно дергая глазом и похихикивая, он двинулся на Гавриила, но тот, будто бы не замечая угрозы, спокойно подошел к одному из шкафчиков, отпер его картой допуска и достал оттуда хорошую бутылку настоящей русской водки. Судя по враз затуманившимся глазам Кацмана, еще дореволюционной, если обратиться к истории Земли XX века. Руки Джека мелко затряслись, голос стал скулящим, а на лице появились красные пятна, неудачно разбавлявшие серость и желтизну. Казалось, даже узор татуировок на теле Джека стал проступать сильнее...

– Дай, – только и смог высказаться он. – Дай!

Врач кивнул. Достал из того же шкафчика стакан, щедро плеснул в него водки и протянул Джеку, продолжая заинтересованно наблюдать за его изменениями. Боцман выхватил стакан, казалось, еще до того, как ему его вообще протянули. Если бы за этим экспериментом наблюдал хоть один ученый по темпоральной математике, он бы потом смог написать не одну диссертацию по теме: «Владение временем – курс за десять минут».

Ученого не было, а вот злобный монстр Кацман был. И монстр этот был весьма не в духе, впрочем, как и не в теле.

Джек по глотку, аккуратно и бережно вливал в себя целебный эликсир, стараясь не проливать ни капли. Гавриил Самуилович продолжал наблюдать все с той же безмятежной

улыбкой.

Первый глоток вернул на лицо боцмана краску, вытеснившую серость, наполнив физиономию Джека благородным, хоть и немного желтоватым, загаром. Второй глоток преобразил мужчину в подобие человеческой особи, а не просто примата, обученного паре слов на орбитальной станции.

Третий же глоток, бывший и последним, как в сказке, завершил превращение. Лицо и тело боцмана будто бы засветились изнутри, в глазах появилось осмысленное выражение, а радужная оболочка сменила оттенок. Даже невымытые волосы боцмана внезапно оказались русыми, а не цвета переваренной гайки из стационарного утилизатора.

Теперь на врача смотрел мужчина средних лет, с волевым лицом, на котором выделялись умные зеленые глаза, довольно длинный нос и высокий лоб мыслителя. Картину нехило портила недельная щетина на щеках, и множество рисунков на теле, но это уже мелочи.

– Прекрасно! – хлопнул в ладоши доктор. – Добро пожаловать к живым, брат!

Джек услышал, как рядом с ним полилась тихая музыка небесных сфер. Он мог бы поклясться, что слышит ангелов, или каких других представителей сил добра и благости, но клятвы Джек не давал, впрочем, как и не исполнял.

– Садись, садись и поведай мне, что довело тебя, животное, до жизни такой угрюмой? – все тем же ласковым тоном продолжал Гавриил, указывая на мягкое кресло в углу ме-

дицинской лаборатории. Да, теперь Джек понимал, где находится. Медотсек занимал на корабле достаточно места, ибо капитан справедливо считал, что у него не работа почтальоном, а вполне себе серьезная деятельность, на которой легко словить и гайку в лоб. Чтобы гайки изо лба доставались быстро, с комфортом и все сразу, а не по одной в год, он не пожалел денег на помещение для их выковыривания. Которое уже давно превратилось в вотчину Гавриила Самуиловича Травкина, уроженца Великого Суздаля, генетика по образованию, и наркомана с талантами в химии, биологии и ксенопсихологии по призванию души. Душа ни раз призывала Травкина и на должность священнослужителя...

Впрочем, Гавриил Самуилович, или просто Гай, успел поработать и полевым хирургом, и изобретателем полсотни новых синтетических наркотиков, и, как ни странно, автором противонаркотических средств, о чем все предпочитали забывать, разыскивая Гая по всем тяжким статьям межзвездного пространства.

Гаю было торжественно плевать и на то, кто его домогается, и на то, по какому поводу. Травкин редко выходил из состояния легкой релаксации, а потому воспринимал все проблемы с точки зрения радостного последователя культа «Вахахи», члены которого считали себя аватарами в компьютерной игре, неживыми картинками и чьими-то инструментами для игр высших существ, а потому вообще никак не реагировали на окружающий мир, полагаясь на волю игрока.

Травкин до маразма еще не дожил, но реакции на все вокруг давно утратил. Что совершенно не касалось его профессиональной деятельности. Впрочем, в отличие от того же Кацмана, Гавриил Самуилович мог себе позволить вообще не выходить из мира Нирваны. И похрену ему было на то, хлещет ли кровяца на поле боя, рожают ли у него под боком одомашненные грибы-мутанты или у капитана полбашки отрезало лазерной фрезой.

Джек прошел, даже почти пролетел, в кресло и с удовольствием вытянул ноги, откинувшись на мягкую спинку, рассматривая новоприобретенным зрением веснушчатое лицо коротко стриженного блондина перед ним.

Гай поморщился.

– Ты мне всю мебель засрал, козлино небритое, – ласково обратился он к Джеку. Тот в ответ лишь ослабился.

– Иногда мне кажется, – задумчиво потирая гладко выбритую щеку, сказал врач, – что мы с тобой не братья по матери, а ангел и демон. Ты у нас мерзкий богохульник, алкоголик и мудака, а я, в свою очередь, милый и добрый спаситель твоей заблудшей в спирте души.

– Тогда уж, забродившей, – заржал Джек. – Дай сюда бутылку, до вылета еще далеко.

Гавриил послушно протянул брату емкость с остатками царской водки.

– Ты хоть знаешь, сколько это стоит? – горестно вздохнул он, поглядывая на уничтожаемое мелкими глотками спирта.

ное. – Да если я тебя на невольничьем рынке продам вместе с командой и Анной, столько не заработаю.

– Не продашь, – булькнул в бутылку Кацман, – ты у нас лицо одухотворенное, тебе религия запрещает грешить.

– Ну, допустим, не грешить, – тихо сказал врач, – да и искупления еще никто не отменял...

Боцман вяло махнул рукой. Его настроение стремительно ползло вверх, а потому он вообще никак не реагировал на братские подколки и нравоучения.

– Мой отец был досточтимым евреем, – сказал Джек, – от него я научился всему самому полезному. Если это и считается демонической составляющей, то в твоём Аду точно будет тесновато.

– А водку хлестать ты от кого научился? – невинно осведомился Гай, закуривая тонкую сигарету с наркотиком. По комнате поплыл сладковато-горький дым странного синего цвета. Джек сморщился. Он терпеть не мог даже самый обычный табак, не говоря уж о курении различной травы, мха или сушеной плесени. Разогнав синий дымок рукой, Кацман посмотрел на брата, как на недоразвитого идиота.

– Гавриил, ты не забыл, что наша мать – русская? И покажи мне хоть одного человека с одним таким геном, кто бы отказался выпить?

Врач горестно покачал головой.

– Я не пью, – сказал он.

– Да еще б ты пил! – громко засмеялся Джек. – Тогда бы

тебя точно пустили на молекулы в попытках изучить, как твой организм еще не разложился на них сам. Ты же наркоман до мозга костей. А спирт с наркотиками может привести к взрыву. Забыл, как угрохал целый сарай на Великом Суздале?

Гай меланхолично кивнул. Его синие, как небо, глаза затуманились

– Я тут хотел тебе кое-что рассказать, – внезапно посе-
ррезнул Джек, меняя неприятную для них обоим тему о том, почему на самом деле не пьет Гай. – Вчера Анна притащила на борт какого-то хреногрыза, ты его еще не видел?

Гай кивнул.

– Видел. Даже осматривал. Сразу скажу – жрать или гнать из него самогон не выйдет. Он из расы вампиров, причем, ты не поверишь, самых настоящих, но в данный момент жизни сидит на строгой диете и не употребляет кровь.

Джек удивленно приподнял брови.

– Водка с томатным соком, – ответил на его немой вопрос Гай. – И никаких звезд.

Кацман сначала пригорюнился. Обнаружение на борту прямого конкурента в алкогольной сфере его резко не устранивало. Но с другой стороны, теперь могла завестись и неплохая компания. Последняя мысль его немного порадовала – все-таки, случись такое, как сегодня утром, ему уже не придется тащиться к брату и ломать зрение при виде этой бледной абстракции на двери.

– Ты сочтешь меня параноиком, но тут еще вот что...

Гавриил Травкин торжественно не стал озвучивать, кем именно, как давно и по какой причине он мог бы счесть Кацмана, что и спасло ему приличное количество времени и сохранило целым нос, который и так страдал от ежедневного приема паров тлеющих дурманов.

Джек спокойно поведал брату о своих подозрениях, с которыми пока предпочел не ходить к капитану.

Глава 14

«Астарта»

Джек и Гавриил. Спарринг

*We are the hammer of the gods, we are thunder,
wind, and rain!*

*There you wait in fear with swords in feeble hands
Manowar «Warriors Of The World»*

Борт рейдера «Астарта».

*11:00 по корабельному времени,
где-то в гиперпространстве...*

Кацман был почти счастлив, несмотря на то, что был трезв. Он находился очень далеко от любой обитаемой планеты, занимался любимым делом и уже несколько часов не видел Ульриха. Боцман наслаждался чтением старенькой, еще бумажной, книжки, в которой, судя по названию, не было ничего скабрезного. Сие могло бы удивить каждого, кто не знал боцмана чуть лучше простого собутыльника. И не смотря на то, что многие считали, будто достаточно познали душу повелителя спирта, действительность, как правило, немало удивляла их впоследствии. Джек лежал на узкой кровати в своей каюте, заложив одну руку за голову, и с увлечением постигал «Собрание сочинений Кафки: философия древности или выдумки историков». Черная фут-

болка задралась на животе, что позволяло без помех иногда нервно почесываться, когда рассуждения на страницах старенькой книжицы делали особенно крутой поворот, не позволяя боцману сходу осознать всю глубину заложенных туда авторских мыслей.

Сам Кафка, впрочем, не имел к данному изданию никакого отношения, но некий исследователь мифологии прошлых веков взял да и поставил вопрос о существовании данного человека ребром. Мол, а был ли мальчик? И не был ли он девочкой?

Окончив полагающиеся по должности проверки, контроли и наблюдения, Джек вернулся к себе, с удовольствием отметив, что беднягу Ульриха до сих пор тошнит протухшим соком, и возвращаться в поле зрения Кацмана тот не собирается. Капитан, как и его старпом, были заняты повседневными делами, в том числе, проверкой груза, пропитых Кацманом деталей и подсчетом грядущих люлей в адрес боцмана, его брата, нового члена экипажа и самой космической пыли за бортом.

Пыль равнодушно взирала на несущийся в гиперканале кораблик с безразличием Будды, наблюдающим за копошением человечков на планете Земля. Ну, если допустить реальность Будды, конечно. Некоторые так вот до сих пор сомневаются, а некоторые уже и лайнер строят прогулочный, вроде как, к планете, где и обнаружили следы пропавшего в Нирване бога.

Впрочем, сам Будда при жизни себя считал обычным философом, да и найденные следы напоминали оставленные в спешке отпечатки удирающего босого человечка, изрядно припадающего на левую ногу. Но кого это волновало, в самом-то деле!

Подумав об этом связи с особо лихо закрученным предложением в книге, Джек сдвинул брови и почесал голый живот.

В этот момент дверь каюты распахнулась, и на пороге возник зеленоватый фон Цепеш. Он что-то пробулькал в адрес боцмана, заставив его издать ленивое:

– И чего?

– Ты читаешь на старонемецком? – членораздельно произнес вампир, даже немного отвлекшись от своих проблем. – Ты?!

– Ага, я умею читать – сюрпрайз, упыреныш! – едко отозвался боцман, поплевав на палец и переворачивая очередную страницу. На Ульриха он даже не взглянул.

– Но как ты-то можешь читать Кафку? На немецком!

Лицо вампира покрылось бледными пятнами, которые особенно выгодно смотрелись на фоне зеленоватой кожи.

– Да сам удивляюсь, – пробубнил боцман. – Слушай, херклыкастый, – беззлобно и немного лениво продолжил он, глядя на стоящего в дверях Ульриха безразличным взглядом, – у меня детство было суровое. И тяжелое, – добавил он. – Когда пришло время идти в школу на моей планете, там были книги только на немецком. Читать я умею только

на нем.

Боцман заложил закладку в книгу, потянулся и встал с кровати.

– Шутка, я вообще не умею читать. Это я картинки рассматривал.

Он похлопал вампира по плечу с дружеской улыбкой.

– Это... Там.... – начал заикаться Ульрих, показывая на выход. – Тебя там Док спрашивал.

– Зачем? – удивленно приподнял брови боцман. – У него опять завяли все образцы флоры и ему не на ком испытывать очередную дымящую бурду? О, – озарило его, – так ты от Травкина! А я-то думаю, чего такой зеленый.

Ульрих поджал губы, вздернув узкий, но гордый подбородок.

– Я у него лекарства просил от тошноты. Укачало меня.

– Да ладно? – притворно удивился Кацман, – а я и не заметил.

Издав какой-то шипящий звук, вампир собрался, было, дать достойный ответ невежде, осмелившемуся читать книги на его родном языке, но в этот момент к его горлу снова подкатил противный комок, и бедняга фон Цепеш опрометью бросился в санблок каюты боцмана, припечатав того к стене.

– Эх, молодежь, – потирая ушибленное плечо, произнес Джек, – говорил же я ему, нехер жрать всякое говно.

Сокрушенно покачивая головой, он направился к Травкину. Ульрих остался в пустой каюте, где не было ничего, кро-

ме огромного собрания старых и никому неинтересных книг, примерно на пятнадцати языках, живых и мертвых.

«Пусть ребенок порадуетя, – думал Джек, – когда заметит это месиво на моих полках. А вот толкаться надо его отучать, совсем совесть потерял, так и чего ценного может грохнуть, когда я это ценное под курткой поташу на борт».

Нарисовав в голове красочную перспективу лишения «ценного», Кацман внутренне содрогнулся, полностью уверившись в том, что срочно отучит молодежь от дурных привычек. Или удалит молодежи пару лишних зубов...

Джек нашел Гая в тренировочном зале за избиением очередного манекена муляжом древнего оружия под названием «катана». Джек всерьез сомневался в поражающих свойствах этой тонкой и хлипкой полоски пластика, впрочем, он вообще сомневался в любом оружии, имевшем толщину меньше его руки.

Манекен, бывший на самом деле качественной виртуальной симуляцией противника разного уровня и стиля боя, отчаянно пытался рубить в капусту Дока, который, в свою очередь, лихо отбивался от светящегося красным оружия голограммы сурового воина в тяжелой броне.

Голый по пояс Травкин, в одних тонких свободных штанах, проделывал виртуозные телодвижения посреди зала, уворачиваясь от выпадов и нанося ответные удары. Блоки и атаки сыпались с хорошей скоростью, оставляя следы на подсвеченном теле врага в виде кровоточащих порезов.

Сам Травкин тоже не был цел, но его отметины вырисовывались на коже черными тонкими линиями, будто Гая долго и с усердием расчерчивали углем.

– Что ты как баба-то прыгаешь? – сложив руки на груди, выдал Джек после нескольких минут наблюдений. – Башку ему отрежь, или возьми чего потяжелее, да и шваркни ему промеж зенок.

Травкин отвлекся и пропустил удар прямо в сердце. По залу пронесся радостный клич победы. Воин из светящихся линий вежливо поклонился поверженному противнику и, победно вскинув над головой свой меч, исчез. Табло, висящее на стене напротив входа, высветило результат, количество подходов и нанесенные раны и травмы.

– Это смотря какие бабы, – авторитетно отозвался Травкин. – Бывают и такие, после которых находишь себя в борделе, и вовсе не в качестве клиента. И вообще, вот чего ты вечно лезешь? – тяжело дыша, прохрипел Гай. – Не мог подождать, пока я его прикончу?

– Не мог, тогда бы ты выиграл, – серьезно покачал головой Джек. – И, между прочим, это ты меня искал. Я тут встретил одного зеленого вампира, он передал твоё желание моей персоны пред светлыми очами твоими, великий Гай Юлий.

– Идиот, – сокрушенно покачал головой Док. – Клинический и безнадежный.

Травкин прошел вглубь зала, взял со столика бутылку простой воды и жадно припал к ней губами. Короткие воло-

сы доктора намокли от пота, лицо покраснелось, а в глазах светился азарт.

– Ты меня звал диагнозы ставить, или по делу? – лениво прошелся по залу Джек, тыкая пальцами в снаряды. Кацман редко здесь бывал, но каждый раз его терзали мысли о том, что все это барахло, завезенное по спецзаказу капитана, можно было незаметно вынести прочь, обменяв на качественный виски или новые фильтры для собственного самогонного аппарата.

Но капитан следил за инвентарем четко, пристально и бдительно, что немало огорчало трепетную душу Кацмана.

– Хотел тебе спарринг предложить, – вытирая губы тыльной стороной ладони, ответил Травкин. – Ты как?

– Я этими веерами драться не буду, – он ткнул в катану, брошенную Гаем на пол. – Лучше уж сразу волосы друг другу вырывать будем и ногтями морды царапать.

– Да кто тебе даст в руки колюще-режущий предмет? – округлил глаза Гай. – Ты же себе, скорее, яйца откромсаешь, чем кого-то ранить сможешь.

– Значит...

Кацман хитро прищурился, поглядывая на брата.

– По-нашему, – кивнул тот, – врукопашную, как дома.

Джек расплылся в хищной улыбке.

– Переоденься только, а то я тебе твою заблеванную футболку порву, ты же меня потом, мил человек, с фекалиями проглотишь. Много водки, поди, сменял на такой раритет, –

он кивнул на черную застиранную тряпку с кривыми размытыми лицами неизвестной группы.

– Не «сменял», а «сменил», – нравоучительно поведал Джек, стягивая футболку. – Три бутылки на столе сменил, пока у искина нужную картинку допытался. Ему даже пришлось подключаться к закрытому архиву музыкальных хранилищ, чтобы хоть что-то нормальное найти. Две минуты – и бывший свитер стал модной футболкой фаната стиля «хэви-метал».

– Так ты эту группу даже не слушал, что ли? – обалдел Травкин.

– А зачем? – удивился Джек, снимая джинсы и облачаясь в тренировочный комплект. – И так никто, кроме меня, не понимает, что это за рисунок, а уж про традицию так одеваться не сразу вспомнил и архив, когда в него искин запросы зашвыривал.

Кацман ловко собрал длинные волосы в тугий хвост на затылке.

– Святые небеса, – закатил глаза под лоб доктор, – ты само хоть помнишь, что там было написано?

– Кажется, «Metallica», или какой-то «Demon Lord».

– Охренительно похожие слова, брат, – с чувством сказал Травкин, снимая пропотевшие штаны и меняя их на такой же комплект формы, что и у Джека. Возблагодарив капитана, искина и духов битвы за постоянно наличествующие в зале чистые формы, братья встали друг напротив друга.

В голове посиневшего от воображаемой качки Ульриха, отпрыгивая от стенок черепа, билась только одна мысль: «Ебать-колотить!»

Это выражение, как понял вампир, было одним из самых любимых у Кацмана, к которому бортинженера временно прикрепили... Да так и забыли, похоже, открепить. Ульрих мучился тошнотой и рвотными позывами с самого момента старта, заблевав уже, вроде бы, все углы, отхожие места и собственные карманы. Несчастный депрессивный вампир очень четко и ясно понял: ему еще никогда не было так плохо, а если выживет, то и не будет.

Наивный, он-то считал, что у него в жизни проблемы! Ходил, пытался донести всю свою горечь до окружающих, часами рассказывал им в подробностях о потерях, об утерянной возможности снова летать, пить горячую сладкую кровь... ну, допустим, с полетами он преувеличил, но желание опять отведать ароматного эликсира это никак не отменяло.

Сколько времени он убил на то, чтобы хоть один человек, или андроид, на этом корабле действительно прочувствовал на себе всю тяжесть его жизни, бремя позора и груз вины, легший на плечи достаточно юного трехсотлетнего вампира, после того, как он добровольно предал свой клан и отказался от употребления крови разумных.

– Ебать-колотить, – выдохнул Ульрих, поднимая зеленое лицо от унитаза. – Это просто Scheisse, а не жизнь.

Он всерьез призадумался над тем, какие до этого дня

у него были причины сетовать на свое существование.

– Нет уж, я до этого доктора на коленях поползу, пусть либо выдает мне нормальные лекарства, а не эти курительные смеси, либо сразу кладет в анабиоз до конца полета. Так же и правда сдохнуть можно, нафиг.

Гордый потомок уважаемого клана европейских вампиров с планеты Земля поднялся на ноги и, пошатываясь, полпелся искать Травкина, которого оставил в спортивном зале. Ульрих то и дело падал на стены, сползал по ним вниз и снова полз к заветной цели. Весь мир вокруг него слился в одну единственную точку, и точкой этой была огромная воображаемая таблетка, заполнившая все пространство перед глазами.

Фон Цепеш замер на пороге, не решаясь сделать ни шагу вперед. Перед ним открылась картина космоса, в реальность которой вампир не мог поверить, даже протерев несколько раз глаза. Он настолько впечатлился увиденным, что даже позабыл о тошноте и слабости. Привалившись к косяку у двери, вампир не заметил, как со спины к нему подошли капитан и андроид. Анна молчала, да и Рик старался дышать реже.

Темноту тренировочной площадки прорезывали узкие полоски света, мечущиеся в рандомном порядке. Спектр, частота и длительность лучей тоже была выбрана хаотично. Синие, зеленые, красные и желто-белые потоки высвечивали части танцующих тел мужчин.

Один наносил удар, второй его блокировал, тут же шел в атаку и снова ставил блок. Потом опять и опять, уворачиваясь с потрясающей грацией, не спеша, или наоборот ускоряясь и разом проделывая серию ударов в корпус противника.

Сюрреалистичность развернувшейся картины была потрясающа не только мелькающими светлыми пятнами рук или ног, но и тем, что у обоих мужчин были закрыты глаза.

Травкин плавно ушел от захвата Джека, сместился чуть в сторону, тут же присел, уходя от удара в голову, затем мягко перетек правее, оказавшись за спиной брата, но снова предпочел не брать его в захват.

Джек понял маневр, сменил траекторию, почти достал Травкина касанием пальцев, но вновь не смог его задеть.

– Что они делают? – очень тихо шепнула Анна капитану на ухо.

– Тренируются, – так же тихо отозвался капитан, – это стиль боя на Великом Суздале.

– А почему в такой обстановке?

– На Суздале почти нет горючих ресурсов, энергию не тратят на освещение, а любые бои запрещены под страхом казни. Реалии жизни определили возникновение стиля боя.

Анна замолчала, что-то обдумывая.

– Они же просто пытаются коснуться друг друга, – как замороженный, прошептал Ульрих. – Какой это бой?

Капитан хмыкнул, потерев щеку.

– Если Травкин или Джек так вот коснуться тебя, в тво-

ем организме откажет очень важный орган. Или сразу два. Они метят в определенные точки, способные при достаточном воздействии разрушать деятельность внутренних органов.

Теперь замолчал вампир.

– Но для того, чтобы просто убить тычком пальца, – продолжил капитан, наблюдая за схваткой, – надо быть частью единого потока, чувствовать биополе противника, слышать его дыхание и мысли, а вот это учение тебе уже никто не преподаст, кроме выходца с их планеты.

Ульриху показалось, что в голосе капитана промелькнула некоторая тоска, смешанная с восхищением.

Пара посреди мечущихся лучей в темноте продолжала свой танец. Капитан не сказал главного: Джек и Гай дрались всерьез, этот стиль не предполагал ударов в половину силы.

Внезапно свет в зале снова ослепительно вспыхнул, заставив всех зрителей, кроме Анны, прикрыть глаза ладонями.

Кацман с братом остались стоять друг напротив друга, опустив руки, размеренно дыша и не открывая глаз.

– А почему с закрытыми глазами?

Голос вампира прозвучал задумчиво и громко, сломав хрупкую тишину, повисшую после окончания схватки.

– У меня было тяжелое детство, – открыв глаза, сурово произнес Джек. – И суровое...

– Да не слушай ты его, – флегматично махнул рукой Гай, часто моргая, – просто в темноте дома с полки не тот учеб-

ник взяли, пришлось осваивать рукопашную для незрячих.

Капитан кивнул боцману и доктору, показав обоим поднятый большой палец.

– Превосходно, – сказал он.

– А кто победил-то? – снова принялся допытываться вампир.

– Они же оба остались живы, – недоуменно взглянул на него Ричард, – они и победили. Таймер в зале сработал раньше, чем кто-то из них успел ударом остановить сердцебиение, повредить внутренние органы или разорвать кровеносный контур противника.

– То есть... – начала, было, Анабель.

– Если бы Джек или Гай успели достать один другого, мы имели бы сейчас труп, – спокойно пожал плечами Рик. – А так все вышло превосходно.

Он улыбнулся и пошел прочь, оставив позади размышляющую о чем-то Анну и совершенно потрясенного Ульриха. Джек и Гай вяло обсуждали проведенный спарринг, споря о своих достижениях и неудачах. Каждый, как всегда, пытался убедить другого в том, что он – козлиная какашка.

Глава 15

Рик Морган

Невернувшийся

*So many
Bright lights to cast a shadow
But can I speak?
Well is it hard understanding
I'm incomplete
My Chemical Romance – Famous Last Words*

Память – это очень странное нечто. Особенно, если помнишь то, чему никогда не был свидетелем, да и не мог быть...

Капитан всей своей душой ненавидел Ганимед. Этот планетоид, с огромным, в полнеба, довлеющим Юпитером в качестве фона, удушливым, несмотря на все мастерство терраформеров, ветром и унылыми строениями планетарного промышленного комплекса всегда вызывал только отвращение, и глухую боль. Боль памяти.

Именно потому Рик все время возвращался сюда, снова и снова. Последние пять лет – на «Астарте». Менялись люди, грузы, времена и количество денег на счетах. Оставались обязательства и верность долгу. И память.

Капитан, взвывая под ногами тонкую серую пыль, взошел

на холм и остановился, устремив взгляд к Юпитеру, показавшемуся из-за горизонта. Он вспоминал то, чего и так никогда не мог забыть.

История терраформирования спутников Юпитера всегда была опутана слухами, домыслами и, вдобавок, являлась тщательно оберегаемой СГБ и ХаСОМ тайной высшего, нулевого уровня доступа. Четыреста лет назад, при первой колонизации Ганимеда, Европы и Ио, орбитальная база Проекта Тераформирования – старое, нелепое гигатонное чудовище – взорвалась к темной Бездне, вместе со всем персоналом и оборудованием. В том числе и атмосферными генераторами. Самым прискорбным было то, что на этот Проект работала экономика всей Солнечной Системы в течение почти пяти лет, приостановив преобразование Марса и Венеры, и восполнить потери было нереально...

Десятки тысяч человек, миллионы тонн приборов и припасов, надежды и чаяния – все в одночасье могло стать прахом. И стало бы.

Именно потому, что так не случилось, в верхних слоях атмосферы Юпитера уже лет так сто болтались гелиостаты СГБ и ХаСОМ, сменяясь по случайному графику, и держа постоянно включенной систему блокировки тахионного контура. «Рука Бездны», так ее называли меж собой космолетчики... Активация темпорального двигателя здесь была равносильна мгновенной гибели. Как говорят, падать в черную дыру, и то приятнее. По крайней мере, есть время насладиться по-

следними радостями жизни...

Очень мало людей знали, почему работает «Рука Бездны», и что случилось тогда, четыреста лет назад, в окрестностях Старины Джупа.

Проект Терраформирования выполнил свою задачу. На Ио, Ганимеде и Европе была создана кислородная атмосфера, и заложены первые здания Производственного Комплекса. «Слава героям!» – скажет кто-то, и будет в корне неправ.

Героев тогда не было. Кучка напуганных людей, последние кислородные баллоны, мучительное удушье... И все это – в холодном свете Юпитера, чтоб его век не видеть.

Капитан прикоснулся рукой, затянутой в перчатку термокостюма, к изъеденной временем стене старого атмосферного генератора, венчавшего холм. Отсюда сооружения потрепанного терминала, где квартировали клиенты двухсотой орбиты, казались еще более отвратительными, чем обычно.

«И ни один идиот так и не задался вопросом», – подумал, усмехаясь, Рик, – «почему, собственно, генератор, созданный четыре столетия назад, ничем не отличается от современных моделей. Кроме возраста, конечно...»

Единственный закон Бесконечного Времени состоит в том, что Времени более чем достаточно, им всего лишь надо научиться пользоваться.

И грузовой корабль, груженный оборудованием для терраформации, припасами и снаряжением, случайно активи-

ровавший тахионный привод вместо гипердвигателя при прыжке на орбиту Ганимеда, должен был мирно схлопнуться и перестать существовать. Если, конечно, верить в случайности...

Но кэп в случайности не верил уже давно.

Вот уже четыреста лет тому назад как.

Старая лохань системного грузовика прыжок во времени выдержала, и даже не развалилась сразу по выходу из него... А вот экипаж практически полностью размазало тонким слоем по переборкам. Пиковый скачок мощности гравитационных генераторов, как объяснил это агонизирующий искин корабля. «А вот хренушки» – сказал капитан, и не ошибся. «Рука Бездны» дотянулась сквозь время до случайных преступников, и совершила свое воздаяние. Нет, все-таки, в черную дыру сыпаться куда приятнее...

Когда рядом с еще не остывшими обломками орбитальной базы Проекта материализовался громадный сфероид системного грузовика, выжившие чуть не сошли с ума – сначала от страха, а потом уже и от счастья. Нет ничего более яркого и чувственного, чем отмена казни для приговоренного к ней, когда топор палача уже занесен, и готовится рухнуть вниз, отсекая нить жизни...

...Память – очень странная штука. Сейчас уже сложно сказать, было ли это правдой, или оказалось чередой галлюцинаций от крепкого настоя черных грибов, приобретенных в ганимедских доках. Но Ричард помнил этот незавершен-

ный рейс, из которого он не вернулся назад. Официально. Его там вообще никогда не было, если верить базам данных. Но Ричард им не верил. А генераторы, которые там как раз были, стоят. Изредка окутываются паром, выбрасывая в атмосферу кислород и азот, продолжая поддерживать жизнь.

Глава 16

Анна. Разговор с капитаном о Ганимеде

*Я сомневался, признаю, что это сбудется с ним
Что он прорвется сквозь колодец и выйдет
живым,*

*Но оказалось, что он тверже в поступках, чем
иные в словах.*

С. Калугин – Убить свою мать

Уискер сидела в кресле второго пилота. Ложемент был стандартным, регулировался под любой тип фигуры, вес и особенности органического существа. Можно было бы сказать, что под особенности белкового пилота, но тогда следовало бы и уточнить, а почему это, собственно, на корабле негласно распространялся такой шовинизм по отношению к чужим расам.

На самом деле все было еще проще. Блок адаптации когда-то давно взломал сам боцман, спокойненько пропивший деньги на новое оборудование, и притащивший кресло второго пилота из очередного похода по значным местам.

Раздавленное в хлам предыдущее кресло, вместе с бывшим вторым пилотом, пришлось утилизировать. Впрочем, капитану было решительно все равно, кто, как и откуда за-

носил на корабль предметы мебели. Главное, как он считал, чтобы их не выносили. Или, хотя бы, не выносили в особо крупных масштабах в ущерб личному составу.

Личный состав вообще клал на такие мелочи, как подгонка кресел под чужих, большие кукуи. Док днями и ночами засиживался в медотсеке или своей каюте, изобретая очередную особо пакостную отраву, способную удолбать ву-смерть даже планетоид. Джек производил инвентаризацию еще не пропитого имущества, с пометками, что именно можно выносить с Астарты, а что еще как-то может пригодиться. И Травкин, и его брат регулярно проверяли грузы на наличие проблем, болезней или скорого умирания, но эти действия производились только при наличии самого груза.

Аннабель вообще не интересовало, что и как происходит с предметами мебели в целом и с какими-то креслами в частности, если ей не ставили задачу, к примеру, приспособить их для нападения или обороны капитанского мостика.

Сам капитан в моменты просветления и осознания, какая именно команда воров, пиратов, убийц и солдат удачи бродит по палубам, предпочитал думать о позитиве. В какой-то дурацкой книжке он вычитал, что мысли и положительная настройка на позитив помогают не впадать в глухую тоску о происходящем у него под носом.

Кацман тогда еще в голос посмеялся, хлопнув Рика по широкому плечу. Травкин неделю не слезал с капитана с допросами и опросами по поводу механизмов воздействия пе-

чатных пособий на зоны удовольствия в мозгу человека, а старпом просто сделала пометку опробовать эту методику на остальной команде, если Львиная Задница все-таки сумеет мысленно выбираться из задницы внешней.

Так что, кресло, которое на ночном дежурстве заняла Анна, для нее было всего лишь креслом, без той богатой и героической истории, которую поведал Кацман, когда пытался убедить капитана, что эта доисторическая рухлядь еще способна служить верой и правдой.

– Оно же совсем, как новое, кэп! – убеждал Ричарда Джек, гордо показывая на пыльный хлам рядом с ним.

– Антиквариат новым не бывает, Кац, – покачал головой капитан. – Он всегда бывает только старым.

– И от этого он становится нерабочим, – высказался Травкин, склонив голову набок. – А если кому жопу оторвет? Ты потом за новые ткани платить будешь?

Кацман засопел, но промолчал. В итоге все как-то забыли про этот разговор, второго пилота на Астарте все равно не было, и его должность при случае выполнял сам боцман, который с показной удалью плюхался в свой трофей.

Капитан в эти моменты обычно закрывал глаза.

Ричард появился на мостике так тихо, что только обостренный слух Анны позволил ей понять, что она уже не одна. Шаги капитана были непривычно мягкими, скользящими и размеренными, будто он не входил в знакомое помещение, а как раз наоборот, опасался встретить здесь заса-

ду.

«Засада для того ставится, чтобы засаживать», – вспомнились старпому слова боцмана. Она хотела было подумать, кто и когда засадил самому Кацману, что он приобрел такой житейский опыт по вопросам засад, но тут же в голове Аннабель всплыли и другие слова, на этот раз уже Травкина:

«Засаживать эти маленькие грядки я буду особым сортом семян окультуренной укропной ромашки, – сказал он, отвечая на вопрос Ричарда о наличии импровизированного зимнего садика на Астарте, – вставляет так, что анестезия потом не нужна».

Фразу капитана о том, что Гай вообще любит устраивать засады на корабле в самых неожиданных местах, Анна просто отнесла к множеству таких вот садов-огородов с опытами Травкина.

– За время моего дежурства никаких происшествий не случилось, капитан, – не вставая, доложила Аннабель, дождавшись, когда Рик встанет у нее за спиной, – курс не менялся, полет нормальный, будем в расчетной точке точно по графику, через два часа.

Вопреки своему обычному поведению Ричард не сказал дежурных фраз о том, что благодарит ее за службу, отпускает на отдых или дает новые указания. Он просто бесшумно прошел мимо, сел в соседнее кресло капитана, выдвинутое чуть вперед из основного круга стоящих кресел, и задумчиво уставился в обзорные стекла перед ним.

За толстой ударопрочной стеклянистой преградой плыли далекие звезды. Маленькие и большие, яркие и тусклые, они сливались во множество созвездий, окружая крошечную скорлупку корабля своим молчаливым величием и молчанием.

– Когда вышли в открытый космос? – бесцветным тоном осведомился капитан у старпома. Расценив его вопрос, как запрос о выходе из гипера, Аннабель ответила:

– Двадцать минут назад, капитан. Подъем команды через полтора часа в соответствии с корабельным расписанием.

– Угу, – кивнул тот, даже не глядя на андроида. Анна приотрелась к своему капитану. Отросшие за время последних рейсов, из которых Астарта и не вылезала, волосы беспорядочно топорщились на голове, по лицу стекали капли прозрачной воды, глаза Ричарда были красными, будто от недосыпа, а лицо побледнело, что особенно стало заметно при наличии синих кругов под глазами.

– Капитан, сколько вы не спали? – осведомилась Анна. – Состояние вашего организма приближается к критической точке истощения. Рекомендуются срочный отдых.

– Иди ты... – буркнул Рик, но тут же опомнился. – Иди ты, спроси у Травкина, сколько я не спал, у него к моей каюте какие-то там датчики подключены были когда-то давно.

Уискер замолчала, ожидая продолжения.

– Анна... – начал, было, Рик, но замялся, – я давно хотел тебя спросить, почему ты зовешь меня на «вы»? На осталь-

ных членов команды это не распространяется... Хотя, если уж ты сейчас обратишься к правилам поведения и субординации, тебе следовало бы либо называть так всех, либо не называть никого. Почему я, Анна?

В голосе капитана промелькнули странные ноты. Он словно бы разговаривал не совсем со своим старпомом, да и вопрос был адресован вовсе не по теме обращений к его львиной персоне.

– Так сложилось исторически, еще со времен докосмической эры, когда на моем месте должен был быть юнга, – ответила Уискер.

– Тогда почему ты с Джеком или Гаем не так общаешься? Они выше тебя по рангу.

Андроид замолчала, обдумывая слова капитана.

– Кажется, у меня нет ответа на этот вопрос, кэп, – растерянно произнесла она. – До сего момента я думала, что это часть вложенной вами программы...

Ричард поморщился, как от зубной боли, услышав это несносное выканье.

– Знаешь, в чем дело? – грустно спросил он, усмехаясь. – Дело в том, что я не закладывал в тебя этой программы. Впрочем, как и многих иных, которые ты считаешь обязательными для исполнения.

Анна ждала полного перечня, но Рик предпочел об этом умолчать.

– Ты знаешь, как терраформировали Ганимед? – сухим

и официальным тоном внезапно спросил Ричард. – Неофициальную версию? Не знаешь, – покачал он головой, – ты не можешь этого знать...

Внутри капитана внезапно что-то оборвалось. Восприятие реальности совершило кульбит, изогнулось и вывернулось наизнанку. Он понимал, что рядом с ним сидит самый обыкновенный андроид, что, несмотря на внешность, повадки и общее сходство, это совсем не человек. Машина с набором датчиков, сенсоров и кабелей внутри, способная в боевом режиме выкашивать целые отряды десантников. Он сам видел такие игрушки в бою, когда еще служил...

Он не мог даже сказать, служил ли он, или ему это просто приснилось. Да, сны... Ричард почти никогда их не запоминал. Просыпался, как и сегодня, посреди ночи, хватал ртом горячий воздух, слушал бешено колотящееся сердце и хотел только одного – сунуть трещащую по швам голову под струю ледяной воды. Чем и занимался в такие вот ночи, как эта. Потом капитан долго ходил по кораблю, бесцельно слоняясь из стороны в сторону, будто никак не мог успокоиться. В ушах еще звучали крики, приказы на странных языках, звуки боя, а запахи крови, смешанной с сырой землей или облаками сгоревшей плазмы били в нос, заставляя чувствовать их даже в утренней каше.

Каша, впрочем, как и полноценного завтрака, на Астарте никто давно не видел, но даже та откровенная бурда, что выплескивалась в тарелки из синтезатора пищи, отдавала для

капитана горелой плотью и железным запахом крови.

Он знал, что болен. Болен памятью, видениями, картинками, похороненными в глубине его мозгов, до которых было так много желающих добраться.

Ричард иногда всерьез задумывался, а не пустить ли себе в лоб заряд плазмы, чтобы раз и навсегда покончить с этими долгими мучительными ночами, скучными днями и однообразными рейсами. Прошлая команда, почившая с миром, когда он трофеем приволок на себе отключенного андроида из пиратского логова, никогда не вызывала у капитана подобных эмоций. Нельзя было сказать, что он к ним не привязался, что не чувствовал их поддержки и не мог на них положиться. Но сейчас на Астарте мирно спали самые «милые» жители обитаемых секторов космоса, известные в определенных кругах так хорошо, что Ричард полноправно считал их ровней своему образу психопата. Образ капитан хранил далеко и глубоко, и там никогда не светило ни одно солнце. Но отрицать сильной привязанности к нынешнему составу экипажа он тоже не мог.

Впрочем, о своем психическом здоровье Рик уведомлял сразу же после знакомства с предполагаемым членом команды, ограничиваясь, правда, одной фразой: «Кстати, я имею набор весьма странных привычек».

Хотя так мог сказать о себе любой, кто пережил хотя бы пару дальних рейсов с тайм-приводом в заднице. А уж то, что рано или поздно тайм-привод оказывался именно там,

было неизменно, как светлый день. Ибо оказавшись где-нибудь в меловом периоде планеты Земля, каждый пилот желал засунуть этот самый привод разработчику в глухое узкое место пониже поясницы.

– Красиво, да? – неожиданно спросил Рик после долгой паузы. Аннабель честно попыталась осознать, что именно ждет услышать в ответ от нее Ричард, но подходящего варианта не нашла.

– Ты знаешь, как горит земля, Анна? – глухим голосом продолжил капитан, глядя на панораму звездного неба перед ним. – Знаешь, как один залп из крупнокалиберного плазмомета выжигает леса, реки, людей? Как плоть превращается за доли секунды в горстку пепла, как падают тебе под ноги твои вчерашние товарищи, умирая за хрен знает какую планету в хрен знает каком секторе Протектората... Как плавится песок, превращаясь в стекло, у тебя под ногами, как заживо сгорают сотни птиц на тысячах деревьев, как истлевают рыбы вместе с испаряющейся водой в метре от тебя, как по короткой связи отдают приказы бросать своих друзей и отходить на нулевую точку, как ты потом неделю не вылезаешь из запоя, стараясь забыть их лица, их крики в гарнитуре... Анна, ты знаешь, что такое дружба? Любовь? Преданность? Не просто тупое исполнение приказа, а настоящая преданность своему делу, своим товарищам, своей земле?

Ричард зажмурился, до хруста сжав кулаки, потом несколько раз вздохнул, глубоко, медленно и продолжил все

так же глухо, бесцветным тоном:

– Когда тебя выбрасывает на планету в точке Ноль, ты сразу же перемещаешься в заданный квадрат, фиксируешь отряды противника по карте, которая висит бельмом прямо на внутреннем экране шлема брони. Потом ты методично и быстро зачищаешь заданный сектор, передвигаешься дальше, исполняя ту же функцию, проходя, как нож сквозь масло, через деревни, города, жителей, дома и детские учреждения. Ведь, враг коварен, как нам говорили, его не остановят милые постройечки, романтические рощицы и мнимая толерантность. Впрочем, как и этот сраный пацифизм, так хорошо отлаженный по всем каналам Протектората. А значит, ты должен стать машиной, военной машиной, сметающей на своем пути все возможные укрытия предполагаемого врага. И всем вокруг срать на то, что ты до сих пор жив, что до сих пор слышишь приказы и мольбы о пощаде. Противника надо уничтожить, и ты просто исполняешь приказ. Пусть ты даже и подполковник, а за твоей бронированной спиной дохрена юных и романтических солдатиков. Знаешь, еще в докосмическую эру был такой мультфильм, «Оловянный солдатик». Простенький такой мультик, его сейчас бы даже смотреть никто не стал, а вот я как-то видел. Случайно, нашел в сети чудом сохранившуюся копию, пережившую своего создателя на несколько сотен лет. Впрочем, обращаясь к исторической достоверности, мультик был снят по книге, что сейчас совершенно не важно... так вот, мультик был,

конечно, о любви, о добре и зле, о стойкости надежд, но... Но я лично думаю, что тот солдатик смог рискнуть именно потому, что было, ради кого и зачем. Он плохо кончается, Анна, не ищи его, ты не поймешь, что я хотел этим сказать... Просто для меня одноногий солдатик из олова стал примером совершения чего-то невозможного ради чего-то важного. А вот в работе на ХаСОМ, Протекторат или пиратов нет ничего такого, ради которого я бы прыгнул в огонь. Хотя... кажется, это уже не совсем о солдатах.

Ричард внезапно улыбнулся, отрешенно погладив подлокотник кресла. Аннабель молчала. Ей почему-то не хотелось искать подходящих вариантов ответа. Внутри старпома игольчатым комом ворочались странные ощущения. У Аннабель было четкое ощущение, что это уже когда-то с ней случалось, но электронные цепи в мозгу агонизировали, пугая перегрузками, отключением и полной дефрагментацией искусственного интеллекта.

– Ты потому и не понимаешь, насколько это красиво, – продолжил Ричард, – ты не понимаешь, как может быть красиво мирное небо, спокойный открытый космос, тишина во круг. Иди-ка сюда, я тебе по пунктам расскажу, что я имею в виду, а потом ты забудешь наш разговор. Ты же хотела узнать, что такое быть человеком?

Анна кивнула, поднимаясь на ноги. Она подошла и встала рядом с капитанским креслом. Ричард поднялся, обошел кресло сзади и встал за спиной Уискер. Он вытянул руку,

касаясь плеча Аннабель.

– Вот, смотри, – тихо начал он, – эта звезда, если нам не врет искин, называется Миландая...

Рик просвещал старпома по поводу красоты и ее вариантов еще около получаса, до подъема команды перед прибытием оставалось совсем немного времени. Аннабель была прилежной ученицей, старательно пытаясь понять, запомнить и осознать все, что показывал и объяснял ей капитан. Электронная начинка сознания андроида решила пустить дела на самотек, умыв свои невидимые ручки и устранившись от участия в процессе обучения. Рик стоял за спиной Анны, почти вплотную касаясь ее, а в голове капитана то и дело проскальзывали две мысли:

«Почему от нее так пахнет горькой полынью, отчаянно напоминающей мне Ганимед, и какого дьявола до сих пор не ерничает искин?»

Глава 17

Кок Юрского Периода.

Часть первая

*Играй, как можешь сыграй
Закрой глаза и вернись.
Не пропади, но растай,
Да колее поклонись.*
ДДТ – Метель

– Кстати, старпом... – Капитан судорожно пытался подобрать нужные слова, – Кто мне напомним, куда и в когда у нас следующий рейс? Мне тут вдруг вспомнилось... племянница троюродной сестры... кажется... попросила привезти яйцо бронтозавра...

– Кэп, мы уже разгоняемся для набора гиперскорости, скоро будем на месте прыжка, – прошептала Уискер, – Боцман уже загрузил карты, все в корабельной памяти. Посмотри, пожалуйста. И, кстати, в базах данных нет сведений о твоих родственниках. Может быть, это ты про наш новый контракт говоришь?

– Тысяча чертей в корму бортовому попугаю, и в рот мне хвост, почему мне никто не сказал, что уже стартовали?! – Капитан, раздувая ноздри, медленно багровел. – Понаберут, понимаешь, по объявлениям... Что за груз-то?

Он, промахнувшись пару раз пальцами по сенсорам, с трудом уцепил голографическую иконку декларации, и вывел текст на экран консоли. Поэтический мат, в котором явно угадывались хорей, ямб и даже белый стих, огласил рубку. Когда капитанский талант иссяк, он перевел свои излияния в человеческий эквивалент возмущения:

– Япона мама. Лично поставлю пудовую свечку... на голову тому, кто подписался на этот контракт, не спросив меня! Мы же оттуда порожняком пойдем, и хорошо, если живые...

Старпом старательно сделала вид, что не собирается смеяться:

– Кэп, ты сам подписал контракт! Прикажешь принести тебе свечку? Могу запросить Гая, у него как раз оставались ректальные, «со вкусом и запахом апельсина»...

Помолчав, Аннабель добавила:

– Накануне вы с боцманом проигрались, потом подрались, потом напились... снова... потом снова подрались, потом кто-то засадил нам в борт кислотную бомбу второго разряда, предназначенную для зачистки поверхностей планет. После чего все личное имущество команды, включая самогонный аппарат боцмана, было оставлено в залог до окончания этого рейса, а счета арестованы... – Посмотрев на стремительно меняющее цвет с багрового на салатно-зеленый лицо Рика, она решила немного успокоить капитана. – Мы летим все вместе. Не волнуйся, боцман с нами! Он все сделает, чтобы вернуть свой аппарат! Капитан, капитан! Все не так уж пло-

хо, нам даже дали ионные ускорители и молекулярные деструкторы для самообороны. Капитан, да что с тобой, тебе нехорошо?

Капитан медленно достал из-под консоли миску, в которой лежал мелко порезанный салат, поставил ее перед собой и, страдальчески вздохнув, произнес:

– Со мной ... все... хорошо... – и рухнул в салат лицом.

Когда он был на Суздале, тамошние гостеприимные пилоты говорили, что погружение лица в салат способствует нормализации давления. Правда, не уточняли, какого именно, в какой части тела, да и не в самом ли салате, давление на который лицевой частью любого из капитанов Суздаля явно увеличивалось после каждой десятой рюмки местного самогона.

– Кэп, зачем ты так нервничаешь? – спросила Аннабель, осторожно вынимая капитана из салата, и вызывая по внутренней связи медробота. – У тебя же сердце слабое, его тебе уже трижды пересаживали.

Салат, издававший странный запах, и, кажется, даже звуки, старший помощник сочла за лучшее отправить в утилизатор, но Ричард молча отказался расставаться с прошлогодней закуской.

– Не беспокойся, кэп, долетим, как говорит наш боцман, цитирую: «в лучшем виде и одним куском». Интересно, какой именно кусок он имеет в виду?

Капитан продолжил попытки релаксировать в остатках са-

лата. Те, в свою очередь, продолжили попытки проникнуть в нос и рот капитана.

– Резюмируя, могу отметить, что нам осталось только добыть немного ртути в поясе астероидов, – вещала Уискер, отряхивая капитана. – Ульрих обещал наладить трансмутацию, но сейчас для ускорителей нужна активная масса, а золота в пределах досягаемости не обнаружено.

– Стоп!.. Кхе... – очнулся Ричард, мысленно положив болт, почему-то имевший форму «Астарты», на релаксацию и попискивавшие куски салата. – У нас в двадцатом трюмном отсеке, возле переборки, триста ящиков с ректальными слоновыми термометрами стоят... Там массы на три полета. Если, конечно, Кацман их не продал в Лунном Амстердаме местным гомозиготным аналоманьякам как вибраторы с гиросtabilизацией...

– Капитан, сэр! – Аннабель снова вызвала на лицо улыбку. – Меня, как твоего старпома, всегда восхищала твоя способность узнавать о событиях на борту непосредственно после их происшествия. Продал, так точно, и именно как вибраторы. Насчет гиросtabilизации в договоре не сказано. Если тебя утешит, боцман не хотел этого делать, но нужно было оплатить восстановление сожженного тобой с пульта оружейного поста номер три здания космического туалета.

– Ну, блин, погуляли, так погуляли... – хрюкнул, краснея от стыда, Рик. Ему было стыдно не за сортир, а за то, что всплыло в памяти...

– Нам нужен кок, капитан!

Аннабель бесстрастно смотрела Рику прямо в глаза. Сзади столпились остальные члены команды, являя на своих лицах целую гамму эмоций. Гай был безмятежно спокоен. «Наверное, опять снимал пробу с гидропонной марсианской резун-травы» – подумал капитан. Кацман был до синевы пьян, и чуточку выбрит, излучая нездоровый энтузиазм с силой древнего ядерного реактора, у которого пробило все рубашки охлаждения, и быстрые нейтроны сыпятся, как блохи с тонущей собаки...

«Эх. Боцман, боцман... И зачем ты-то на это подписался, а?»

Рик перевел глаза на Ульриха. Тот, почуввав взгляд, содрогнулся, но гримаску вежливого интереса с лица не стер. Только облизнулся.

Ричард, потянувшись, поднялся с кресла и подошел к обзорному экрану. Капитану было немного неловко, но как объяснить команде, что такое долг чести? Нет, они, конечно, поймут, и даже оценят... потом, когда поглумятся вдосталь. Ему вспомнились плакаты с изображением игриво изогнувшегося льва, нарисованного афедроном к зрителю, и бесстыдно выставившему напоказ свое, хм, подхвостье. Эти бумажки преследовали его везде целый стандартный месяц! Пока не случился разговор по душам со старпомом, и взаимное отшибание рогов – с боцманом. Плакаты вешать перестали. Затаились... Только искин иногда выбрасывал пе-

ред вечерним просмотром нежно любимой капитаном «Санта-Барбары» на экран изображение бородатого дядьки в рыцарских доспехах, с мечом и щитом... на котором изображался афедрональный лев.

– Ну и когда вы в последний раз питались на нашем камбузе? – спросил капитан, разглядывая свое отражение в экране, и косясь на лица команды «Астарты».

– Дык, это, кэп... – Просипел Кацман, покачнувшись, – в смысле, недавно, а что?

– Автоповар же работает? Продукты мы закупаем регулярно, и синтезаторы тоже в полном порядке... – капитан вспомнил последнюю смету на питание экипажа, и поморщился. Куропатки в кисло-сладком соусе, и вытяжка из живого сельдерея... А цены!

– Пища, приготовленная без участия человека, вряд ли может насытить духовно... – Мелодично произнес доктор Травкин, возводя очи к потолку. – Да и телесно тоже. Капитан, мне скромно есть то, что готовится бездушным автоматом из того, что синтезируется... как бы это сказать, чтобы все поняли... из наших отходов и реакторной массы.

Капитан резко обернулся, и спросил:

– Старпом, и вам тоже скромно? Или невкусно?

– Капитан, вы же знаете, что я могу питаться чем угодно, и вкусовых пристрастий не имею вследствие своей природы. – Уискер, вспомнив о необходимости в человеческом обществе использовать мимику, попробовала изобразить ми-

лую улыбку. Получилось что-то вроде ухмылки саблезубого кота над беззащитной поперечнополосатой зеброй. Ричарда проняло. Все-таки, было что-то в андроиде, что настораживало – то ли подчеркнутая нечеловечность, то ли стремление изучить человеческую природу...

«Может, это у меня от ее нового облика такое? – подумал Рик, поглядывая на старпома. – С серебристыми волосами было как-то не так».

Он подумал, что как-то не так ему уже давно, но с чем это связано, так и не понял. Хотя волосы Аннабель уже давно были черными, прическа – аккуратной, а поведение подчеркнуто неконфликтным, это никак не успокаивало интуицию Ричарда. Скорее уж, наоборот.

– Аннабель, вам персональное задание, – внутренне содрогнувшись, официальным тоном произнес капитан. – Двести часов отработки мимических выражений перед зеркалом, комплекс А-200, разделы с первого по пятый. В свободное от несения службы время, разумеется. Вашей улыбкой только пиратов пугать...

Он помолчал, переводя взгляд с Кацмана на Гая, и обратно.

– Так, всем остальным, кроме доктора – приступить к приему на борт груза. Я нашел нам фрахт.

Доктор, приготовьте, на всякий случай, медотсек...

– Куда летим, кэп? – жадно блеснул глазами боцман.

– На исследовательскую базу в юрском периоде Земли.

Продавать пуховики из Поднебесной тамошним ученым. В обмен на яйца динозавров... – Капитан сделал паузу, – Прыжок на двести миллионов лет, так что запасаемся подгузниками.

Когда видеоряд воспоминаний, прокрутившись в ускоренном режиме, оставил воспаленный мозг капитана, он понял, что, кажется, чувствует себя почти нормально. Не соврали суздальцы, салат действительно помог, хоть и пал смертью храбрых в битве со старпомом, когда Уискер все же аккуратно спустила его в утилизатор.

– Сейчас мы этот астероид, как впопугай – альфа-кошку, наизнанку и с песнями!.. – Леденя от охватившего его энтузиазма, провозгласил Ричард. – Кстати, а где птичка? Где мой любимый Борман? Уж его-то вы еще не продали?

Впопугая действительно было не слышно уже давно, хотя обычно его резкие, похожие на звук строительного резака, вопли разносились по кораблю по всем помещениям.

– У Бормана случился приступ похмелья, наступивший в результате употребления сивухи. – Уискер воспроизвела в сознании запись тех часов, моргнула и продолжила, подключившись к камерам наблюдения отсека для радиоактивных материалов. – Когда вы оба с боцманом на спор поили его самогоном, нельзя было предсказать, что птица будет летать только противоторпедным зигзагом и материться по-немецки. К сожалению, Борман угодил в реактор, и мы его потеряли навсегда.

Капитан попытался вспомнить, на что он спорил с хитрым Кацманом, не смог, и сплюнул.

– Если не поднимем силовой щит, капитан, у нас возникнут трудности. Возможно, даже сложности, – произнесла старпом, вглядываясь в информацию на экране. – А потом нас просто размажет... – тихо добавила она.

– Поднять щиты, приготовить бур к работе, руду принимать по левому борту! – Среагировал капитан. – Принять на грудь согласно боевому расписанию... Тьфу, дьявол, места занять. А, к чертям, нас тут всего полтора человека. Аннабель, ты знаешь, что делать?

– Так точно.

– Так делай!

Операция по потрошению астероида прошла без осложнений. Капитан поглядывал в базы данных и на список активных геологоразведочных маяков, но, похоже, каменюка была ничейной. Когда содержание активной массы дошло до нужного уровня, «Астарта», шумно вздохнув двигателями, отвалила в сторону, словно обожравшийся стервятник от трупа зебры...

– Все в порядке, капитан, – произнесла Аннабель, проверяя данные, – Мы можем идти дальше по маршруту, за твоими яйцами...

– Не за моими, а за бронтозавровыми, Анна, – Рик хохотнул. – Я пока свои яйца продавать не намерен...

– Капитан, сэр. Сообщаю, что груз пуховиков с электро-

подогревом из Поднебесной Империи в порядке, потерь нет. И мне, как твоему помощнику, хотелось бы уточнить, что мы будем делать с этой одеждой в количестве трехсот тонн?

– Поменяем пуховики на яйца, всего-то... – Капитан прикидывал, как лучше всего упаковать яйца, чтобы те не разбились. Получалось, что идеальным вариантом было перевозить самих бронтозавров, их фиксировать намного проще.

– Экипаж рад сообщить, что наш капитан сможет выполнить контракт, – прислушавшись к коммуникатору, издававшего непередаваемые хрипы, сказала Аннабель, сухо кивнув, – и поднимает вопрос о внеочередной выплате премии.

– Без такого замечательного экипажа я вряд ли справился бы... – Капитан стоически улыбнулся, – Но премию я могу выдать только золотом из неприкосновенного запаса. Счета арестованы, но, если Кацмана устроят испанские дублоны семнадцатого века...

На экране появилась врезка из моторного отсека. Сквозь помехи с трудом различались черты боцмана. Он что-то произнес, сопроводив слова неприличным жестом, но помехи превратили фразу в стрекот и шелест.

– Кацман говорит, что безумно рад, и ему будет что, э, пропивать в свободное время, – перевела Уискер. – Вместе с тобой, кэп.

– Ну, нет, я в ближайшие лет так тысячу не пью, – капитан побледнел. – После попойки с Кацманом не только печень под замену просится, но и вообще все тело.

– Кэп, две недели назад ты уже это говорил. Кстати, а у боцмана есть видео обо всем, что вы с ним натворили. В галатюбе уже полтора миллиона просмотров!

– Дьявол Бездны... То есть, замечательно! – поправил свою оговорку Ричард. – Популярность – это хорошо, можно ждать новых контрактов...

– Танцы в салате и командный забег по горячей браге вряд ли принесут какие-нибудь стоящие хроноконтракты... Если не считать, конечно, работы на местный дурдом на третьей Орбитальной станции, – авторитетно заявила Уискер.

– Вот ты можешь мне не верить, топ аті, но именно такие штуки, выложенные в галатюб, и способствуют получению контрактов... – Капитан снова улыбнулся, вспомнив юность. – Например, на межвременные перевозки беременных альтаирских крокодилов для их нереста на территории вероятного противника!

– Если бы мы тебе не верили, ты бы не был у нас капитаном, – Аннабель вызвала из своего каталога мимических форм нечто, похожее на смущение. Примерно так уж напоминает ежа. – Смею напомнить, что мы все-таки почти пираты. Только не надо в ближайшее время опять беременных крокодилов. Я еще после той партии от родов не приду в норму. И надо же было доку накормить нерестящуюся самку крокодила сгущенкой!

– Думаю, наши любезные заказчики крокодилов в ближайшее время не повезут... – Прищурился в экраны капи-

тан. – А вот тушканчиков с Проксимы-2 – возможно. Придется нам попрыгать...

– На время рейса с тушканами я беру отпуск для технического обслуживания, кэп, – Уискер вздрогнула. – Лучше уж говорящие кабачки перевозить, чем этих озабоченных монстров.

– А мне они нравятся... – Ричард, не скрывая иронии, улыбался. – Такие милые зверьки....

Тушканчики вообще пользовались популярностью в этой части Галактики, и имели ужасающее разнообразие внешнего вида, размеров и способов питания. Автотрофные фотосинтезирующие тушканы с Веги-4 казались капитану венцом эволюции, и даже тот факт, что для своего роста они предпочитали селиться в разлагающихся останках, только добавлял им уважения Ричарда. А очень неплохой и труднопроизводимый нервно-паралитический яд, который не распознавался стандартными меднаборами, приятно дополнял чашу весов симпатии капитана Моргана.

– Вот ты их лично и повезешь, кэп, – нарушил идиллию воспоминаний голос старшего помощника, – в прошлый раз они сожрали все провода, до которых смогли допрыгать, две железные миски и сто десять отборных дойных птиц.

– Да? А я и не заметил... Может, это были неправильные дойные птицы? Или тушканов недоперекормили...

– Искина нашего мы недоперекормили. Электронным аналогом маковой соломки с трифенилметановым соусом.

Но я в следующий раз пометку сделаю, чтобы и птиц подоили, и тушканов доперекормили.

Искин, с удовольствием вслушивавшийся в диалог, обнаружил, что корабль достиг расчетной точки двойного прыжка – в гипер, и сквозь время – и отдал команду исполнительным модулям.

– Мать твою кристаллическую, искин! – дружно, хором сказали Аннабель и Ричард

– Так же и обгадиться можно, – добавил капитан, – ты хоть бы лампочку зажег перед прыжком...

На главном экране соткалась надпись, выполненная почему-то неоготическим шрифтом:

«Я зажег. Носовую сигнальную. Просто ты не видел».

– Вот же зараза, – констатировал Рик.

Глава 18

Анна. Отключение ХаСОМ

*Много дивного на свете
Стоит дверь лишь распахнуть;
Подойдите ближе, дети:
Я вам что-то расскажу...
Пикник «Много дивного на свете»*

Она видела только картинку. Всего лишь изображение без звука, щедро сдобренное красками и оттенками. Бесконечные коридоры, двери, повороты, ярусы и лестницы. Анна шла по ним, поднималась по ступеням, ехала в лифте, спускаясь на самые нижние уровни здания. Какого здания? Информация отсутствовала. Она знала, куда должна попасть, знала, как туда добраться и знала, что все двери окажутся для нее открытыми, но в голове полностью отсутствовала любая информация для уточнения местоположения или идентификации окружающих людей.

Впрочем, люди ее как будто и не замечали. Они шли мимо, сторонясь Аннабель, сталкивались друг с другом, о чем-то переговаривались и продолжали идти прочь. На лицах встречных людей отпечатались сосредоточенность, угрюмость и каменное спокойствие. Их глаза походили на искусственные вставки, которые делают безнадежно слепым лю-

дям в медицинских центрах.

Глазное яблоко формируют из выращенной в инкубаторах ткани, собирают под контролем высокоточной аппаратуры необходимые составляющие, проводят кровеносные сосуды, обеспечивающие питание, и помещают в глазницу, сращивая ткани пациента и «кукольного глазка».

Такие глаза видно сразу. Они смотрят, обеспечивают носителю всю гамму цвета и восприятия, ничем не отличаются от самых обыкновенных, данных при рождении, глаз, но чего-то в них все-таки не хватает.

Если глаза действительно зеркала души, то в данном случае они превращаются в пыльные зеркала с кривым изображением внутреннего мира.

Такие глаза были у каждого встречного, пока Анна шла по коридорам неизвестного здания в неизвестном месте.

Минус семнадцатый ярус, последний коридор, скромная дверь из непробиваемых и несгораемых пластин кералита, выкрашенных в серый цвет. Стены, пол и потолок радовали такой же незамысловатой окраской. Анна подошла к двери как раз в тот момент, когда она распахнулась, и ей навстречу вышли два человека. Затянутые в силовую броню, огромные и неповоротливые, они тяжело шагали прочь, словно и не заметив вжавшуюся в стену Аннабель. Шлемы с затемненными щитками мешали рассмотреть лица, но Анна поняла, что это были мужчины. Она попыталась просканировать людей, но неожиданно осознала, что ни один из режимов не рабо-

тает.

Инфракрасный, биологический, ультразвуковой и молекулярный сканер умерли, оставив андроида с чувством слепоглухонемого человека в темном и незнакомом помещении.

«Блокировка сигналов не может приводить к отключению внутренних сканеров, – подумала она, – меня перепрограммировали? Мне ввели блокираторы? Отключили контуры внутреннего управления?»

В голове Аннабель крутились десятки мыслей, возможных вариантов и причин. Ни одна так и не помогла понять, что происходит. Единственное, что показалось Уискер смутно знакомым, так это знак, вытесненный на нагрудной пластине каждого из прошедших только что мимо – две переплетающиеся друг с другом змеи, хвосты которых срастались, образуя единое тело.

«ХАСОМ, всплыло в голове Анны неизвестное слово. – Что это такое, откуда я это знаю?»

Она развернулась и почти бегом бросилась вслед удаляющимся мужчинам в броне.

Станционный зал допросов был похож на огромный аквариум. Толстое прозрачное стекло, которое можно было разнести только из крупнокалиберного орудия, выпукло поблескивало от света внутри комнаты, искажая черты находящихся там людей. Дверь с идентификационным замком, ориентированным только на заложенные в базу допуска генетические данные, оставалась закрытой до тех пор, пока один

из людей не подошел к ней.

Мужчина отключил защиту, поднял стекло шлема и, с трудом согнувшись в броне, приложился лбом к датчикам идентификации. Послышалось тихое жужжание. Едва заметная игла кольнула подошедшего в губу, сканер определил генетический статус и код допуска, просвеченная сетчатка глаза оказалась внесенной в базу допуска и дверь послушно запахнулась, бесшумно отворившись наружу.

Анну до сих пор упорно игнорировали все, кто был рядом. «Капитан говорил, что такая реакция бывает у людей на привидения, – подумала Уискер, – но я андроид, я не могу являться призраком кого-либо. Хотя, учитывая невозможность пользоваться ни одной из встроенных функций, мне следует допустить такой вариант».

Мужчина опустил стекло, включил режим защиты на броне и прошел внутрь. Его спутник остался снаружи. Анна скользнула вслед за первым мужчиной.

В огромной комнате было ужасно шумно. Звуки не долетали до Анны, пока двери оставались закрытыми, но сейчас, оказавшись внутри, она в полной мере осознала громкость и какофонию звукового сопровождения пыток.

Да, перед ней разворачивались именно пытки.

В дальнем углу помещения уже лежали обезображенные трупы тех, кто занимал место до сидящих сейчас на медицинском кресле людей. Изуродованные, с торчащими наружу костями и обрывками плоти, они лежали, грубо свален-

ные в одну кучу, из-под которой растекалась огромная лужа алой крови. Комната была просто перенасыщена сладковатым запахом железа и свежего мяса.

Анну немного замутило.

Она попыталась отключить обонятельные рецепторы, но у нее этого не вышло. Покачнувшись, не в силах отвести взгляд от сваленных мертвецов, Уискер сильно зажмурилась, поддаваясь инстинктам. Открыв глаза, она поняла, что ничего омерзительного в комнате нет. Исчезли мертвые тела, алая лужа и запахи. Перед ней, повернувшись спиной, стоял невысокий человек с черными волосами, стриженными короткой щеточкой. Тонкая шея и покатые плечи наводили на мысль, что это была женщина. Она спокойно стояла в двух шагах от Уискер, сложив руки на груди, и смотрела на кого-то, сидящего перед ней. Незнакомка была облачена в свободные черные штаны, заправленные в высокие ботинки на толстой подошве и рубашку с длинным рукавом. Иссиня-черная одежда свободно сидела на фигуре. Единственным предметом гардероба, резко выбивавшимся из общей картины, был широкий медицинский пояс на талии, с множеством удобных кармашков, из которых торчали рукояти каких-то приборов.

– Вы должны понимать, – произнесла женщина, не обращая внимания на вошедших людей, обращаясь к сидящему перед ней человеку, – что упрямство и упорство здесь никак не помогут.

Голос показался Анне знакомым. Довольно низкий, с легкой хрипотцой... Но отсутствие какой-либо интонации, будто незнакомка говорила через переводчика или фильтры на маске, мешали точно определить степень схожести с имеющимися данными в голове Анны. Андроид снова, по привычке, попыталась провести сравнительный анализ голосов, и снова поняла, что полагаться придется на обыкновенную память. А вот память решила ей сегодня отказать, будто обиделась на то, что ею давно не пользовались по назначению.

– Мой ответ вы уже слышали, господин следователь, – отозвался сидящий на стуле перед женщиной в черном. – Я отказываюсь работать на ХаСОМ.

Анна очень аккуратно переместилась чуть в сторону, чтобы рассмотреть лица людей. В этот же момент женщина в черном сменила позу, и Анне пришлось довольствоваться только лицом человека на стуле. Лицо показалось смутно знакомым. Наголо бритая голова, ссадины и кровоподтеки на скулах, разбитые в кашу губы, которые искривлялись в страшной улыбке, высокий лоб, черты лица самые обыкновенные, почти заурядные. Нос разбит, из него сочится сукровица. Глаза заплыли до тонких щелочек. Побои существенно затрудняли узнаваемость, и Анна даже сощурилась от напряжения, стараясь понять, на кого же похож этот человек.

«Капитан? – пронеслась в ее голове шальная мысль. – Ричард? Нет, кэп гораздо старше, у него есть волосы, да и что бы ему тут делать?»

Как ни странно, последняя мысль и успокоила сознание Уискер.

Мужчина, прикованный к железному стулу на подставке, без интереса смотрел в стену, игнорируя и следователя, и Анну, и вошедшего конвоира в силовой броне. Одежды на пленнике не было, что делало его каким-то беззащитным и уязвимым, но выражение лица напрочь отбивало охоту жалеть пленника или помогать ему. Казалось, что это не он привязан к стулу в комнате для допросов, а следователь Ха-СОМ, пытающаяся добиться от него согласия.

– Я понимаю, – продолжила женщина, – мои коллеги немного нагрубили вам и вашим друзьям, – она покрутила в руках тонкое лезвие, вытащив его за рукоять из кармашка на поясе, – но мы не станем приносить вам извинений. Вы перевозили запрещенный груз, были арестованы на месте и отказались добровольно покинуть корабль. Разве вы не знаете, что перевозка таких грузов из прошлого запрещена? Нарушение шестой степени карается смертью на месте, а все имущество переходит в собственность Протектората.

– Вот только не надо мне тут про Протекторат, – поморщился голый мужчина. – Я уже вырос из того возраста, когда верят в сказки. Или, думаете, кто-то еще верит, что за сотню астроединиц от Земли Протекторат знает реальную обстановку? Что он действительно представляет, как идут дела на отдаленных планетах и колониях? Не смешите меня, следователь, – он покачал головой, криво улыбаясь крова-

выми губами, на которых уже начала засыхать корочка бурого цвета. – Реально всеми делами управляют только Кардиналы и Торговая Лига пиратов. Последних вы бы перебили, да найти никак не можете, а на Кардиналов у вас просто нет управы. Хотя вам, как представителю такого отдела, как Следственный Комитет, стоило бы подумать, как вы станете справляться с делами дальше Марса или Венеры, если убедете вторую и третью силы.

– Мы об этом думали, – спокойно отозвалась женщина все тем же бесцветным тоном. – Именно поэтому мы и не перебили тех и других. А вовсе не потому, что, как вы выразились, кого-то не можем найти, или не имеем доказательств. Подумайте, мы нашли вас. А доказательства... – она задумчиво покрутила в тонких пальцах легкий изогнутый нож, – вы уверены, что они нам так уж и нужны?

Человек на стуле тихо засмеялся, тут же закашлявшись. На подбородке появилась тонкая ниточка смешанной с кровью слюны.

– Госпожа следователь, я уже дал вам свой ответ, что еще вы от меня хотите? – устало произнес он. – Вы можете хоть вечность пытаться меня, отрезая по кусочку. Рано или поздно, но я все-таки умру. И поверьте, мне моя жизнь не так дорога, как возможность лично отказать ХаСОМ.

Женщина в черной форме брезгливо переступила через пятна крови на полу, подходя вплотную к мужчине на стуле. Она плавно нагнулась к самому его лицу, заводя левую ру-

ку за спину, чтобы достать из отделения на поясе очередное лезвие. Анна увидела ту же эмблему, что и на броне охраны, нашиткой блеснувшую на манжете следователя.

В тот же момент по стеклам комнаты прошла сеть мелких трещин, и снаружи донесся слабый звук сирен. Анна понимала, что за дверями этой стеклянной комнаты всюду орет система охраны, свет в коридорах мигает красноватыми отблесками, а по зданию бегут десятки закованных в тяжелую броню людей.

– База атакована, – произнесла следователь, проводя острым лезвием по щеке мужчины. – За вами пришли?

Голый человек на стуле безразлично пожал плечами, по его щеке потекла тонкая струйка свежей крови. Следователь почти коснулась губами лица пленного и, высунув розовый язык, медленно слизнула кровь с его щеки.

– До встречи, – произнесла она, когда одна из стен аквариума с невероятным грохотом осыпалась на пол. Аннабель вздрогнула и закрыла уши руками от невыносимого звона, треска и гула охранной системы.

– Внимание! – надрывалась система. – База атакована, база атакована! Личному составу собраться у эвакуационных шлюпок. Повторяю...

Аннабель увидела, как женщина в черной форме метнулась в сторону, сопровождаемая тяжелым взглядом прикованного к стулу мужчины. Когда следователь прошла мимо Уискер, та в ужасе отшатнулась, поскользнувшись на оскол-

ках стены.

Мимо Аннабель прошла женщина с ее лицом.

– Анна! – внезапно закричал мужчина на стуле. – Анна! Что ты с ней сделал? Анна!!

Уискер закрыла глаза. В голове наливалось тяжестью нечто огромное и неповоротливое, давящее на все микросхемы, контуры, цепи нервных импульсов, ломающее стройные мыслительные конструкции.

– Аннабель!!

Крик перерос в яростный звон. Что-то мягко ударило Анну в грудь и она, не устояв на ногах, стала падать на пол.

Она падала целую вечность, все еще пытаясь осознать происходящее. Мысли крутились по кругу, как задача для корабельного искина, которую невозможно было выполнить, ибо глубина прыжка превышала время существования планеты в пространстве.

Анна все падала и падала, звуки стихали, краски становились размытыми, ощущения перестали распознаваться в голове, как тактильные.

Аннабель открыла глаза. Она лежала на кушетке в медицинском отделении. Перед ней разворачивалась странная картинка: капитан зачем-то яростно тряс доктора Травкина, то и дело хрипя и рыча на него.

– Ты что с ней сделал, клизматичный?! Ты мне андроида сломал? Ты что ей дал?

Травкин пытался ответить, но судя по вялым попыткам

отмахиваться от Ричарда, он и сам был в некоторой степени замешательства.

– Ничего, кэп, клянусь мамой, ничего я ей не давал! – пытался возражать он, болтаясь в руках капитана, как резиновая кукла для утех. – Она пришла, сказала, что хочет со мной потренироваться выражать эмоции, мол, вы ей сами приказали. А когда мы начали пробовать, Анна просто отключилась. Как корабельный искин, когда он перезагружается. Вырубилась, упала и просто лежала. Она даже не двигалась. Кэп, честное слово!

– Моя система функционирует нормально, – подала голос Анна, поднимаясь на ноги. – Наблюдается отсутствие данных за последние несколько десятков минут, они не подлежат восстановлению, но я помню, как направлялась к Гаю за некоторой помощью. К сожалению, моя система не сохранила никакой информации о том, что здесь происходило. Вырубилась датчики внешнего контроля, система пошла на перезагрузку. Капитан, что происходит? Зачем вы трясете доктора Травкина?

Оба мужчины резко перестали орать, и замерли на месте, будто играли в старую игрушку «море волнуется раз».

– Буду вам крайне признателен, кэп, если вы отпустите мое горло, – просипел Гай. Рик молча разжал пальцы. Доктор отошел подальше, растирая ссадины на шее.

Капитан пристально, и с нехорошим прищуром, смотрел на Анну.

– Ты точно ничего не помнишь, Анна? – спросил он, внимательно вглядываясь в лицо андроида.

– Совершенно, – она тряхнула волосами. Жест получился очень человеческим. Что не укрылось от внимания капитана.

«Что тут было? – подумал он, опасливо поглядывая на Анну. – Полчаса назад она улыбалась, как саблезубая кошка, а тут такие плавные движения».

Глава 19

Кок Юрского Периода.

Часть вторая

*И с тех пор, почти каждую ночь
Он приходит во сне.
Каждый раз меня он просит помочь
Его тихой стране.
Эти странные сны возникают опять,
Они мне мешают спать...
Нет, не могу узнать
Мне не дано понять,
За столько долгих лет,
Я не нашёл ответ —
Где та страна,
И как туда попасть.
Чёрный Обелиск – Странная Песня*

Прямо по курсу болталась странно знакомая очертаниями и характеристиками планета. Аннабель заметила:

– Кэп, планета с твоими яйцами!

– Да Земля, Земля это... Просто время другое... – поморщился капитан, потирая виски. – Где ж тут этот тахионный маяк, елки-моталки? Замаскировались, понимаешь... Как будто ни разу не замужем... Старпом, поищи сигнал на волне GF-90E!

Уискер со своего пульта отдала запрос на сканирование тахионных волн, и произнесла:

– Как же планету к нашему времени-то загрязнили... Нет сигнала, будем по сигаретной пачке «Астрофилда» садиться? Или, как всегда, просто шлепнемся на поверхность?

– О, а мы садиться умеем? – Ричард засмеялся. – Ну, ничего себе ты меня обнадежила! Плюхаемся, координаты я ввел. И, кстати, старпом, ты давно ела динозавров?

– Капитан, это угроза? – Аннабель побледнела. Если кто видел бледнеющего андроида, то он бы осознал, насколько это зрелище уникально.

– Если бы предложил тиранозавра скушать – то была бы угроза, а травоядные ящеры очень вкусные... На этой станции всегда был обалденный повар. Динозавров готовил, как бог... Надеюсь, его еще не сожрали.

– Бога или повара? – аккуратно уточнила Анабель.

Корабль дрогнул, и начал маневр захода в атмосферу. Садились по длинной глиссаде, на «брюхо» – две хвостовые опоры барахлили, и вертикальная ориентация корпуса при посадке в этот раз была невозможна. Хорошо, что посадочное поле позволяло разместить «Астарту» без каких-либо проблем. Выжженное поле спустя несколько тысяч лет местного времени накроет лавовым потоком из ближайшего вулкана, и следов в будущем не останется...

Пока шла посадка, капитан пытался осознать, что именно ему не нравится. Вроде все было... нет, не хорошо, но обыч-

но. Но, вместе с тем, какое-то неявное ощущение тревоги и нереальности происходящего чувствительно покусывало капитанскую интуицию. Интуиция отбивалась, и вяло вякала. А Рик внутренне подергивался.

– Корабль на грунте, капитан! – объявила старпом, проводя необходимые операции на пульте. – Уровень кислорода за бортом повышенный, углекислоты тоже многовато, но дышать можно. Температура воздуха – плюс тридцать два. Выгрузить разведбот?

– Нет, бот не надо. Мобиль выкатим. – Капитан отдал распоряжения со своей консоли, – а груз у нас заберут антигравитационными платформами прямо из третьего и седьмого трюмов, они как раз на «спине».

– Разблокирую трюмы под выгрузку, – Аннабель вздохнула. – Разреши идти отдыхать?

– Спасибо за службу, старпом! Обещаю разбудить, как вернусь. Может быть...

Капитан открыл оружейный сейф, и принялся там копаться, бормоча:

– Странно, вроде бы не должно быть пыли на корабле, но откуда она берется? И кто залапал жирными лапами плазмомет? Какая собака пролила кетчуп на батарею?..

Старпом, уже подойдя к двери, спросила:

– Капитан, а скажи, пожалуйста, как ты будешь втюхивать бронтозаврам, у которых мозг весит четыреста граммов, пуховики в обмен на яйца?

– Пуховики можно толкнуть только людям, запомни. Остальные разумные расы это дерьмо покупать никогда не будут – подогрев дохнет через полгода, а сама одежда разваливается следом... – пробурчал Ричард из недр сейфа. – Эта не совсем легальная станция тут уже лет триста по локальному времени, да... Яиц у местных – просто завались, а вот с теплой зимней одеждой – напряги.

– Я никогда не запомню ваших этих человеческих правил. У меня наносхемы в мозгу горят от попыток осознать, чем «очешуеть» отличается от «покрыться чешуей», – произнесла Уискер заинтересованно, – а зачем людям пуховики в зоне вечного тропического климата? Они у нас разве с системой охлаждения?

Капитан, наконец, разогнулся и повесил кобуру с плазмометом на пояс.

– Местный люд покупает партии одежды, обуви и алкоголя регулярно и методично. Берут все, что по качеству чуть лучше фекалий стегозавра, но водку предпочитают хорошую, – Ричард отер перепачканное в пыли и кетчупе лицо, размазав грязь. – Мнится мне, что так называемые «исследователи» перепродают всю эту дрянь через межпространственную «дыру» в другую Вселенную. В Атлантиду. Там-то климат вполне полярный, и зимы ого-го... Струя на лету замерзает!

Он проверил запасные батареи к плазмеру.

– А вот другого доступа в те места больше ниоткуда нет.

Золотая жила, если рассудить: туда – пуховики, обувь и водку. Оттуда – тяжелые элементы, платину и золото. Плюс всякие уникальные поделки. Такая вот политика партии, блин. Представила размер прибыли... и взятки Министерству Науки и Хронокомиссии?

– Представила, и даже подсчитала примерную процентную выгоду. И у меня один вопрос: а какого дизеля мы на этой жиле не сидим? – спросила Аннабель.

В ее голосе капитану послышались характерные нотки бодмана Кацмана.

«Быстро учится девочка. Очень быстро», – подумал Рик, и ответил:

– Таки у нас денежек не хватает, чтобы войти... кхм, в честную гоп-компанию. Этим такие серьезные существа занимаются, что мама не горюй. Например, Эрик Рыжая Задница. Сам он по происхождению викинг из девятого века Земли. Попал к нам в результате пробоя в метрике пространства-времени, освоился, прибил к пиратам... Сейчас у него один из трех известных пиратских линкоров в секторе, и не приведи тебя Кришна спросить его, почему у него такое забавное прозвище... В общем, нам до такого уровня еще биолет так с тысячу работать. Биоматерь на биомассу!

– А это не тот ли Эрик, кэп, с которым вы дружно выбивали зубы третьему претенденту на кусок пиратского пирога? – Уискер задумалась. – Потому пиратское прошлое, капитан, вам и простили, видимо. Ну, нет – так нет, мое дело спраши-

вать, записывать информацию и клавиши давить. А прозвище у него такое, потому что задница в веснушках. Мне одна твоя знакомая рассказывала... пока ты спал...

Капитан подавил желание вправить себе выпавшую от такой наглости челюсть. И желание наорать на старпома он тоже подавил, с особой жестокостью... И понял, что другого шанса у него не будет. Пришло время решительных действий.

– Вот что, дорогой старпом... – Он вернулся обратно к сейфу, и достал оттуда тщательно сберегаемый с момента появления на корабле Уискер предмет. – Кхе. Ты заслужила поощрение! Это тебе.

На отключенную консоль легла пыльная банка толстого стекла с тягучей маслянистой жидкостью. На этикетке можно было различить почти стершуюся надпись «Смазка «Сказка»».

– Лучшая смазка в пределах тысячи световых лет! Специально берег, для твоих шестеренок...

Аннабель флегматично осмотрела банку, избегая, впрочем, прикасаться к ней.

– Кэп, у нее срок годности истек, а смазкой я не пользуюсь. Ну, разве что иногда, но не этой, – Уискер нахально улыбнулась и заговорщицки подмигнула Рику. – Капитан, я – андроид новейшей модели. Биоборгеры, если ты забыл, это практически люди. Без шестеренок, смазок и прочего устаревшего хлама... Впрочем, ладно. В хозяйстве при-

годится... Но лучше бы ты запасы рециркулируемого кофе обновил, по утрам схемы горят уже от этой травяной бурды на камбузе, – выдала она самую повторяемую фразу на корабле.

Капитан рассмеялся, и, перекинув через плечо перевязь полевого набора с затертыми армейскими эмблемами, шагнул за порог рубки. Перепонка двери с тихим шелестом захлопнулась.

– Надо присмотреть за капитаном... – прошептала Уискер, кое-что прикидывая в уме. И пошла по направлению к шлюзу.

Над степью дул теплый влажный ветер, неся тревожащие и чуждые для жителя двадцать седьмого века ароматы... Откуда взялась степь в почти тропическом климате этого участка Пангеи, Ричард не знал, да и не очень стремился. Близость Атлантического Разлома в метрике пространства-времени воздействовало на окружающий мир еще и не так радикально – иногда из дыры перло такое, что местным «ученым» приходилось включать силовой эмиттер вокруг базы, и задействовать тяжелые плазмометы, снятые со списанных линкоров. Выжженные участки поверхности ненавязчиво намекали на то, что последний прорыв случился не так давно. Насколько капитан помнил, периодичность этой мерзости была завязана на лунный цикл, и в ближайшие пару недель можно передвигаться по окрестностям практически без опаски. Динозавры – не в счет. Если, конечно, знать, куда и как стре-

лять...

Впрочем, ящеры сейчас волновали Рика меньше всего. Предстоящий разговор с дядюшкой Богу, поваром исследовательской станции был гораздо важнее, и примерно так же непредсказуем, как поведение Эрика Рыжей Задницы после употребления внутрь трех литров фирменного самогона Кацмана, который тот называл «книга Зогар», хитро щурясь при этом.

Визиты капитана к дядюшке Богу были почти традицией, которая всегда вспоминалась Ричарду, если его чувствительную интуицию начинало покусывать brutальное осознание глобальных перемен. Вырваться лично к старому знакомому галактическому шаману получалось редко, зато дурман-трава Гавриила Травкина отлично способствовала переносу сознания в необычную хижину старика. Богу представал в самых разнообразных видах, чаще всего избирая для себя старческое тело с безупречными белыми зубами – визитной карточкой дядюшки.

– Вот такой я стоматолог, – говаривал он, выдирая клещами очередной трофейный зуб у только что подстреленного ящера.

До серых зданий из пластобетона, окруженных кольцом излучателей силового поля и вышками оружейных платформ, было примерно три километра. Мобиль был уже спущен из ангара, и весело жужжал накопителями у трапа. Похожая на приплюснутого жука, машинка видала виды,

но оставалась по-прежнему крепкой и надежной. Лазерную турель, подвешенную сверху, капитан проверял лично уже трижды, так что поездка обещала быть недолгой и безопасной. Ричард еще раз глубоко вдохнул теплый воздух, ощущая все запахи древней невозможной степи, и проговорил, улыбаясь:

– Этот ветер будит во мне генетическую память... Не превратиться бы в астралопитека, или как их там. Хотя, хомо тут не появятся еще очень долго, как вид, так что я в безопасности.

«Надеюсь, что превратиться в динозавра тебе тоже не удастся, друг», – пронеслось в сознании капитан, – «Я жду тебя, а с рептилиями сложно адекватно общаться».

Нужно было торопиться. Мобиль тихо приподнялся над поверхностью земли, и рванул в сторону базы, ощупывая лазерной турелью редкие кусты и заросли странных деревьев. Спустя пару секунд за мобилем от шлюза метнулась полупрозрачная тень, почти незаметная глазу – Аннабель, накинув маскировочную накидку, попыталась присмотреть за капитаном.

...Самого разговора с Дядюшкой Богу капитан не помнил. Равно как не помнил и того, каким образом добрался до корабля, уже к тому времени разгруженного. Он снова стоял на трапе и дышал посвежевшим к вечеру степным ветром, наслаждаясь каждым мгновением. И, казалось, совершенно неважно, добился ли Рик своего, или нет: жизнь была

прекрасной. Внутри крепло ощущение правильности происходящего, и это странное чувство звало вперед. К чему-то большему, чем жизнь.

«Астарта» на следующий день приняла груз яиц бронтозавров, упакованных в квантовую пену для сохранности, и еще от щедрот коменданта базы – контейнер с золотыми статуэтками из Атлантиды. Кацман пускал слюну от приступа алчности, и ходил вокруг драгоценностей, как кот вокруг миски с валерьянкой. Старпом ходила за капитаном тенью, и все присматривалась к капитану, будто визит к дядюшке Богу оставил на его лице неизгладимый тахионный след. Док раскопал в степи какое-то непонятное, но очень крепко «вставляющее» растение, и возился в лаборатории с культурой тканей, обещая прорыв в наркологии...

Ульрих шарахался от всех, как ошпаренный, и на почве стресса почти прикончил запас томатного сока.

Глава местной базы передал отчеты для СГБ, написанные на архаичном пергаменте двоичным кодом, и, в качестве личного одолжения упросил капитана отвезти на Полуночный Ларгус в системе Тау Жертвенника небольшой груз, состоявший из тридцати тяжелых свинцовых ящиков с метками «Особо безопасно. Хранить вечно». Кацман долго плевался, выдумывая новые ругательства, но, в итоге, смог надежно спрятать контрабанду в одной из переборок корабля, недалеко от универсального пассажирского санузла.

Из управляющего полулегальной базы, в обмен на достав-

ку его груза, удалось вытрясти только нового автоповара, изготовленного в Атлантиде. Настройщики-установщики безудержно порезвились на камбузе, и он совершенно преобразился. В полутемном зале столовой горели свечи, пахло неизвестными благовониями и вкусной едой. Столы сервировались перед экипажем, словно по волшебству, в долю мгновения, и каждый получал именно то блюдо, о котором мечтал перед приемом пищи... Только приготовлено оно было из продуктов неизвестного происхождения и приготовления.

А после завершения пробной демонстрации, когда всю команду, включая андроида, отпустил дым от исследований Гавриила, иллюзия совершенства растаяла, хотя еда действительно стала куда лучше...

Но с тех пор, как Ричард вернулся от загадочного дядюшки, не потрудившись никому объяснить, что и с кем делал, иногда в коридорах корабля можно было заметить странного старика с длинной белой бородой, в тоге и древнеримских котурнах. Он неизменно опирался на пастуший посох, и растворялся поблизости от блоков, содержащих кристаллы вспомогательных систем искина, едва появлялась угроза, что он может быть замечен. Немолодой, слегка хромящий на одну ногу мужчина, чьи выцветшие глаза иногда казались ярко-зелеными, стремился исчезнуть, растворяясь в воздухе, каждый раз, когда любой из членов экипажа появлялся поблизости.

А корабельный искин даже не фиксировал постороннего присутствия на борту...

Кажется, жизнь налаживалась.

Глава 20

Эрик Рыжий. Последний Воин

*И можно тихо сползти по горелой стерне
И у реки срезав лодку пытаться бежать.
И быть единственным выжившим в этой войне,
Но я плюю им в лицо, я говорю себе: «Встать!»
Удары сердца твердят мне, что я не убит
Сквозь обожженные веки я вижу рассвет.
Я открываю глаза – предо мною стоит,
Великий Ужас, которому имени нет.
Сергей Калугин – Последний воин мертвой земли*

Перед отплытием солнце стояло высоко в небе, разливая свой свет и даря тепло суровым скалам фьорда.

– Смотри, как радуется море! – Фьярри щербато улыбнулся, указывая на выход из залива, – Видят боги, поход будет удачным!

Эрик сурово нахмурился, но решил ничего не говорить молодому воину.

Жрец Одноглазого вчера, когда Рыжий спросил о грядущем, долго отмалчивался, несмотря на обильные приношения... Но потом старик раскинул руны, вырезанные на небольших костяных пластинках, и объявил всем собравшимся, что будущий набег на земли франков завершится успехом. Но позже, выловив Эрика, помогавшего загружать

драккар припасами, жрец отвел его в сторону, и произнес несколько фраз, заставивших крепко задуматься.

– Я не вижу твоего возвращения, ярл, – тихо говорил старик, хмуро сдвинув седые брови, – но боги не явили мне и знака твоей гибели. Хотя для всех остальных эти знамения столь ярки, что я удивляюсь, как вы их не видите...

– Мои люди погибнут? – Рыжий закусил вислый ус, и крепко стиснул руками заскрипевший кожаный пояс. – А я выживу? Но зачем мне такое бесчестье, скажи?

– Это не бесчестье. Боги готовят тебя к чему-то. Видения смутны, но... Мудрый сказал мне, явившись во сне, что ты станешь его последним воином.

– Игг явился тебе... – Эрик разжал ладони, и уставился на них, словно впервые видел. Шрамы, мозоли от весла и рукояти меча... Руки обычного человека. Почему боги избрали его? – Я не могу пойти против воли Высокого. Если ты, старик, не спутал его с кем-то еще...

– Не спутал, ярл, – жрец нахмурился еще сильнее. – Но я не видел твоего возвращения в Хогс-Фьорд.

Рыжий расстался со стариком в странном настроении, подавленном, настороженном и возвышенном. Быть избранным богами, особенно такими, как сам Одноглазый, это не только и не столько почет, но прежде всего – кровь, пот и боль. А уж слова о «последнем воине» всколыхнули внутренний мир норманна, как воду в бадье, скользнувшую в руках нерадивого раба...

Но поход в земли франков был уже объявлен, и откладывать его из-за знамений и знаков было нельзя – жителям Хогс-Фьорда нужно звонкое золото и яркое серебро, добытое в каменных городах изнеженных жителей юга. Иначе можно не пережить зиму – припасов не хватало, а закупить зерно и все необходимое нужно было до осенних штормов...

Тепло и яркое солнце не покидали их все время, пока драккар крался к выходу из фьорда, обходя скалы. Эрик сам стоял у рулевого весла, не доверив этот отрезок пути даже старому кормчему Хёрду. Тот тридцать лет ходил в этих водах, и водил еще корабль старого Орма Рыжего, отца Эрика, но не обиделся на молодого ярла – переупрямить Рыжего было сложнее, чем выиграть спор у Локи.

«Может быть, действительно, обойдется? – думал Эрик, сжимая скользкое дерево до ломоты в пальцах. – Мог же старый ворон ошибиться? Так ярко светит Солнце... Словно летом...»

Северное море встретило их приветливо – волна шла невысокая, и ветер дул с севера, наполняя серые паруса до отказа... Казалось, все будет хорошо.

Эрик приоткрыл глаза, и сморщился от яркого света люмпанелей. Почему-то его корабельный искин всегда выставлял мощность на максимум, пока его хозяин спал. Пират потер лицо ладонями, и душераздирающе зевнул.

– Волосатые ляжки Игга... – он не знал, почему ему в последнее время все чаще стали сниться воспоминания из про-

шлой жизни, – Боги, ну чего вы от меня-то хотите? Для чего готовите?

Рыжий расчесал бороду пальцами, и пересел на выросший из пола стул, выдвинув из стены панель стола, немедленно расцветившуюся голограммами капитанского пульта управления. За время его короткого сна ничего не поменялось – корабль в доке, идет плановый ремонт, половина команды в увольнении, десятеро уже в отключке, третий абордажный взвод разносит бордель...

Он проверил сервер входящих сообщений, и грубо выругался, залепив кулаком левой руки в ближайшую стену. Панель из пластаги прогнулась и протестующе скрипнула. В почтовом ящике мерцало сообщение, помеченное «ХС».

Эрик ткнул пальцем в сенсор обнаружения подслушивающих устройств, высветивший список известных жучков, поставленных на корабле СГБ, ХаСОМ и лично Патриком. Новых не прибавилось, и он заблокировал их все.

– Гребучие рукожопые карлики, мудями подметающие пол! Чтoб вас сплющило под хреном Одина, когда он на вас его положит, и по голове постучит! – пират еще долго и витиевато расписывал родословную и пристрастия всех спецслужб, их руководства, лично Лорда-Протектора, и Патрика Хетцера, выпуская пар. Потом он успокоился, и резюмировал: – Засранцы... Ни хрена без меня не можете...

Разблокировав прослушку, он внимательно перечитал письмо, и задумался. Предстояло очень тонко поработать

со старым добрым другом... «Обводить вокруг пальцев друзей, с которыми не одну чашу крови пролили, всегда мерзко, – подумал Эрик, прикидывая курс на планшете, – и противно богам... Как я докатился-то до такого, кто скажет? А? Вот то-то же, йотун вас раздери... Совсем люди в этом времени совесть потеряли...»

Он на минуту отвлекся от звездных карт, и прикрыл глаза, нырнув в воспоминания...

Былая ласковость моря вспоминалась, как далекая сказка из прошлых времен – шторм свалился на одинокий драккар неожиданно, словно рысь, прыгнувшая на незадачливого охотника с ветви сосны. В третий день похода... Волны швыряли корабль из стороны в сторону, захлестывая его до верхушек мачт, воду приходилось вычерпывать шлемами и кожаными ведрами. Хёрд с Эриком вдвоем с трудом удерживали кормило, привязавшись к настилу, и правя на юг...

– Ярл, еще одна волна, справа! – проорал кто-то. – Держитесь!

Эрик с трудом сморгнул соленые капли с ресниц, и разглядел приближающийся вал. Словно скала, он возвышался над их драккаром, грозя неминуемой гибелью в разбушевавшейся пучине... Седой от пены утес волны уже готовился обрушиться на корабль, перемолов его в щепки.

– Сколько ходил здесь, тьфу, отродясь таких не помню, – отплевываясь от воды, прохрипел Хёрд, – не бывает тут таких волн, хоть ты усрись...

– Это гнев богов! – закричал молодой Бигрир, отбрасывая шлем, полный воды. – Мы все у...

На его голову обрушился кулак Стюрмирра, обнаженный великан-берсерк ловко подхватил потерявшего сознание юношу, и примотал его к мачте...

Когда волна упала сверху, им почти удалось развернуть драккар носом к ней. Но, к сожалению, это не помогло, не могло помочь – удар был такой, словно Тор приложился к борту своим Мьёлльниром. Мачту с парусом снесло сразу, и Эрик ясно расслышал хруст раздираемых досок правого борта. Корабль, наполненный соленым морем, уже готовился стать его частью... Вот он медленно накреняется, черпая пробоиной еще больше смертельной влаги, и сверху падает следующая волна, в которой видна светящаяся прореха...

Эрик не помнил, что было потом, кроме отдельных моментов – старый Хёрд разрубает топором веревки, соединяющие их с кораблем, и сталкивает своего ярла в набегающий шквал... Потом все заливают темнота, в легкие рвется вода, и на уши давит непрекращающийся рев шторма, становящийся все глуше и глуше...

А потом стало светло.

При воспоминании о лабораториях ХаСОМ на Ганимезде Эрика привычно передернуло. Что с ним, «примитивным морским разбойником», делали, он предпочел забыть, и запечатать саму память навсегда. Эксперименты, жесткое программирование, едва его не сломавшее, пытки... Он рвал се-

бе зубами вены, прокусил сонную артерию неосторожно наклонившемуся над ним солдату, трижды пытался сбежать. Последний раз умудрился даже дойти до шлюза, ведущего к лифтовой шахте на поверхность, но там его вырубили газом.

А потом пришел он. Человек с незапоминающимся лицом, и короткими седыми волосами. Он долго изучал пленника сквозь бронестекло. Изможденного, в шрамах, с гравинаручиками, выставленными на вес в полтонны... Но все такого же несломленного. Потом он что-то сказал что-то сопровождавшим его людям, и Эрика освободили. Перевели в отдельную камеру, лечили, кормили... и учили. Сначала – языку, потом – истории, счету, письму... Он не знал, зачем это все было нужно, но учился, поглощая новые знания, чтобы отомстить своим врагам.

Пыток больше не было, экспериментов – тоже. И он сделал вид, что сдался, и поверил своим хозяевам. А когда узнал больше о мире, и времени, в которые его занесло, то вспомнил слова старого жреца... Здесь больше не было его богов. И он действительно стал последним воином Одина. Единственным на всю оставшуюся историю.

Эрик отхлебнул из стакана горький кофе, и скривился: – «Сколько лет здесь, а все не могу привыкнуть к этой срани... Но бодрит отменно». Нужно было выяснить, где находится «Астарта» и ее неугомонный молодой капитан... Он запустил поиск по базам данных портов Периферии, и снова

предался накотившим воспоминаниям.

Потом, в один из дней, его не повели в тренажерный зал, как обычно, а закрепили на летающем кресле, и отвезли в маленькую комнату с двумя дверями. Там были только тонкий прозрачный стол, вырастающий прямо из пола стул, похожий на раскрытый цветок, и тонкая синеватая дымка, разделявшая помещение надвое. Гравикресло отключили, и прикрепили к полу, так, что Эрик мог только крутить головой, и сжимать кулаки – все остальное тело было плотно спеленуто лентами, выроставшими прямо из кресла.

Он грязно ругался на родном языке, надеясь, что в него выстрелят из странного оружия, после которого сознание отключалось на долгие часы, и дико болела голова... Иногда такой маневр рыжий викинг применял, чтобы сорвать непонятные для него действия этих слуг Хель. Обычно удавалась, и он тихо радовался своим победам, но сейчас его просто предоставили самому себе.

Когда противоположная дверь с тихим шелестом раскрылась, пропуская вошедшего в комнату невысокого плотного мужчину с седыми волосами, Эрик выплыл из накотившей ранее дремы, и встряхнул головой, отбрасывая упавшую на глаза прядь волос. Этого человека он уже видел раньше, хоть лицо и не помнил.

Мужчина пригладил коротко стриженные волосы, и, чуть хромая, уселся на раскрытый стул. Какое-то время они молча смотрели друг на друга, и рыжий первым отвел глаза в сто-

рону, признавая свое поражение. Смотреть в эти выцветшие глаза было неприятно – взгляд незнакомца подавлял, и оставлял ощущение, что тебя заживо свежуют, и разрезают на мелкие кусочки, которые потом тщательно взвешиваются и раскладываются в каком-то неведомом, но стройном и строгом порядке...

– Меня зовут Олеш Граут, – седой старательно улыбнулся, но получилось больше похоже на оскал опасного хищного зверя, – а ты – Эрик Рыжий, ярл Хогс-Фьорда. Бывший ярл.

Эрик не сразу понял, что Олеш говорит с ним на странном диалекте норвежского, произнося слова немного неправильно, но понятно. Это удивляло, ведь пока его учили только местному языку, и никто не утруждался выяснить, каким наречием владеет пленник...

– Пусть пребудут с тобой боги, Олеш, – ответил он, стараясь быть вежливым. – Был ли легок твой путь, и безоблачен отдых?

– Путь... – Граут сдвинул брови. – Мне нужно бы извиниться перед тобой, ведь сюда ты попал из-за меня. Мои люди пытались пробить дыру сквозь годы, и твой корабль попал прямо в нее.

Эрик попытался выпрямиться, но упругие путы вернули его обратно:

– Так это из-за твоего колдовства поднялась та волна?! Кровь моих людей – на твоих руках, трус! Развяжи мне руки и дай меч, чтобы я мог выпустить тебе кишки на хольмган-

ге! – Рыжий забился в упругих лентах, стягивавших его тело все сильнее. Ярость, поднявшаяся в нем багровой волной, гнала в битву, – или у тебя нет чести?!

– ...Но извиняться я перед тобой не буду, – Олеш спокойно смотрел на роняющего пену Эрика, роняющего пену с губ и глядящего на него налитыми кровью глазами. – Если бы я хотел тебя убить, я бы сделал это давно. И в поединке со мной у тебя нет ни одного шанса. Ты даже не успеешь взмахнуть своей железкой...

– Ну, так убей, чего же ты ждешь?

– Ты выдержал испытания воли и тела, способен хорошо и быстро учиться, силен и ловок... Зачем мне разбрасываться людьми? – Граут развел прежде сцепленные перед собой руки, и уперся ладонями в столешницу. – А твои воины все равно погибли бы. Прошлого не изменить, знаешь ли...

Эрик, тяжело дыша, расслабил сведенные судорогой мышцы. Ленты, врезавшиеся в тело, мгновенно ослабли.

– Чего ты хочешь? – скрипнув зубами, выдавил он. – Выкупа за меня никто не даст, рабом я не стану...

– Рабами будут другие, – Олеш снова оскалился, холодно глядя Эрику в глаза, – мне нужен воин. Пойдешь под мою руку?

– Я умею только убивать... – Рыжий все еще не понимал, чего от него хочет этот странный чужеземец, оказавшийся местным ярлом.

– Ты умеешь оставаться в живых, а это большой талант

в наши времена... – Граут коснулся поверхности стола. – Твой ответ?

– Да, йотун тебя раздери! – Эрик понял: вот он, его шанс. С ярлом же за позорный плен и пытки можно будет посчитаться и после. – Я согласен...

– Отлично, – Олеш прикрыл глаза, – мне давно нужен был преданный человек среди пиратов...

Допив остывший кофе, Эрик выкинул смятый в комок стакан в услужливо выдвинувшуюся пасть утилизатора, и угрожающе улыбнулся, показав свои крепкие зубы отражению в зеркальной стенной панели.

Кажется, месть, остывшая и распланированная давным-давно, могла вскоре осуществиться.

Глава 21

Рик Морган.

Лагерь «Вечная Мерзлота»

«Только у нас вы можете посетить много интересных мест Вселенной, встретить много интересных людей и инопланетян... И застрелить их».

*Надпись на вербовочном пункте
Космодесанта Протектората. 2599 г.*

– Равняйся! Смирно! Равнение на... середину! – Усатый сержант Добberman, известный среди курсантов десантного учебного лагеря «Вечная Мерзлота» как «Добби», своим рыком мог осадить мамонта. Что демонстрировал на полигоне, разгоняя глупых животных с линии огня. Но сегодня он разорвался перед лицом высочайшего начальства, соизволившего почтить присутствием, и так далее...

Курсанты замерли, затаив дыхание, уставившись прямо перед собой. Полковник Иванов поморщился, прогоняя звон в ушах, возникший после инфразвукового баса старшего сержанта, и оглядел молодняк. «Желторотики... Сто двадцать наивных молодых кретинов, решивших повзрослеть таким вот, понимаешь, извращенным способом. Как обычно, выживет каждый третий... если повезет. Да. Ладно, пусть

дышат... Пока дышишь – живешь»

– Вольно... – скомандовал полковник, отдав честь курсантам.

– Вольно!!! – продублировал его Добби. Где-то за пределами базы взревел обалделый мамонт, которого достигла звуковая волна, испущенная сержантом. Над строем взвились белые облачка теплого воздуха от дыхания будущих солдат.

– Я с радостью гляжу в ваши честные лица... – начал полковник свою заранее заготовленную речь, но сделал паузу, и, скомкав отработанное вступление, неожиданно произнес, – Мне жаль вас. До выпуска доживут не все, а в первые годы после погибнет половина выживших. Через пять лет вас останется меньше четверти. А через десять, когда вы сможете уйти в отставку... Ребята. Мне жаль вас. Я был бы счастлив никогда вас не видеть, и не помнить ваших лиц, но – я не могу. Постарайтесь выжить! Я надеюсь на вас!...

Полковник зарыдал, размазывая замерзающие слезы по волевому лицу...

Ричард с воплем проснулся. Такой подлянки от собственного подсознания он не ожидал.

Он потянулся к полке над изголовьем койки, где лежали всякие мелочи, комм-пульт, и стример. Сон стоило сбросить в память компа, чтобы потом разобраться и проанализировать проблему на психософте...

Пластиковая пластинка, приставленная к виску, тихо

пискнула. В ее накопитель залилась копия всей кратковременной памяти капитана за несколько часов, и анализатор сразу начал ее переваривать.

«К полудню будет готово» – подумал Рик, со вздохом откинувшись на измятую подушку.

Сны слишком редко посещали его, и каждый из них был настоящим сокровищем. Даже самый страшный кошмар, наполненный извращениями и кровавыми оргиями в марсианских джунглях, Ричард воспринимал с благодарностью и счастьем. Не первый год он пытался разобраться в себе, в памяти и подкорке. Отсутствие снов, редкие проявления по-настоящему сильных эмоций, возникающее ощущение, что он не один внутри своего черепа... И подозрения, что за ним следят.

Да, и провалы в памяти. За годы самокопаний капитан смог достаточно четко картировать свое сознание и подсознание, разметив результаты неумеренных возлияний, ушибов головы, действия наркотиков и просто обмороков. С точностью до нескольких минут, на большее его уже не хватило.

Оставались наглухо заблокированные области, относившиеся к детским воспоминаниям, периоду обучения в десантном корпусе, и первым годам службы Ричарда. Именно туда было сложнее всего подступиться... Стоило только попробовать, и несколько дней устойчивой к любым анальгетикам головной боли было гарантировано.

Но сегодня судьба преподнесла неожиданный подарок –

сон, который предоставил искаженную версию прошлого. Но капитан-то знал, в чем именно она искажена, и мог вспомнить визит полковника, как будто это было только вчера. Еще один блок поддался.

В тот день не было сержанта Добби, и мамонтов. Вместо них присутствовали капитан Романов, два незнакомых майора в черной униформе с красными лычками, и полковник Иванов, сопровождаемый штатским в изукрашенном серебряным шитьем камзоле.

Курсантов построили на плацу, и продержали там полчасика. Поземка успела наместить у тяжелых ботинок маленькие сугробики, а лица будущих десантников – существенно заледенеть. Хотелось курить, в сортир и согреться... От шевелений коробку строя удерживало только наличие капитана Романова, неподвижно застывшего прямо напротив них. Причем, десантник был не в утепленной полярной форме, которая позволяла с грехом пополам протянуть на тридцатиградусном морозе пять-шесть часов, а вовсе даже в парадно-выходном шерстяном мундире. «Бли-ин, чувак... Ты не поверишь, но при взгляде на тебя становится еще холоднее... Хотя, куда уж...» – Рик вспомнил свои тогдашние мысли, и улыбнулся. Сейчас это воспринималось совершенно по-другому, чем тогда. А вот последовавшие воспоминания улыбку с лица стерли.

Полковник толкал патристическую речь, полную пафоса и истертых веками фраз. Военные в черном стояли у него

за спиной, держа в руках тонкие голопланшеты, и лениво поглядывали на курсантов. А человек в странном камзоле, поблескивая вышивкой на нем, прогуливался между молодыми солдатами, и заглядывал им в лица. На снегу за ним не осталось следов, и, казалось, никто его не замечает. Вот он подходит к Моргану, стоящему в третьей шеренге, и все поле зрения Рика заполняет скуластое лицо, на котором ярко сияют синие глаза, проникающие куда-то глубоко-глубоко... Зовущие, голодные глаза.

Воспоминание прервалось.

Стример снова пискнул, сглатывая еще одну порцию памяти.

Глава 22

Копыто Дьявола.

Начало. Стоянка в Поднебесной

*Может когда-нибудь
Найдется лучший путь,
И время – не беда,
Ну, а пока ты жив —
Перед тобой лежит
Дорога в никуда.*

Черный Обелиск – Дорога в никуда

Сообщение по гиперсвязи поступило в корабельную полночь. «Астарта» стояла на рейде планетарной базы «Молодость», у периферийной планеты Великой Китайской Империи, с совершенно неудобоваримым названием на новокантонском диалекте. В лоциях она значилась, как Гамма Змееносца 4...

Корабль ожидал очереди под загрузку по очередному тендеру на поставку удобрений по маршруту Гамма Змееносца – Альфа Лебеда. Там очередная смена правительства привела к тому, что население целой системы решило заняться сельским хозяйством. Дело было небыстрое, жители Поднебесной привыкли никуда не торопиться, и потому команда беспробудно дрыхла, или не менее беспробудно страдала ерун-

дой. А под ними плыла, неторопливо разворачиваясь теневой стороной, планета Чо Мля...

Капитан, например, достал ящик контрабандного двадцатиградусного пива «Бешеный Хомяк» с Земли, и заперся в каюте, совмещая прикладной алкоголизм с просмотром антиквариатных серий «Санта-Барбары». Кацман с Травкиным уединились у самогонного аппарата, изобретая новый рецепт психоактивного самогона. Ульрих читал почту от многочисленной родни, плакал, матерился сквозь зубы, и писал ответы. Аннабель подключилась к корабельной сети, и просматривала записи боржурнала за последние месяцы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.